

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Союз криминалистов и криминологов
при участии Прокуратуры Республики Бурятия

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы

*XIV Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, 19 апреля 2019 г.)*

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2019

УДК 343.98
ББК 67.52
К 82

Научный редактор
Э. Л. Раднаева, заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент,
руководитель Бурятского филиала Союза криминалистов и криминологов

Ответственный редактор
С. П. Сверкунов, ассистент кафедры
уголовного права и криминологии ЮФ БГУ

Редакционная коллегия
Ю. П. Гармаев, д-р юр. наук, проф.; *Э. Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.;
А. Л. Репецкая, д-р юр. наук, проф.; *А. Т. Тумурова*, д-р юр. наук, доц.;
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц., *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.,
А. Н. Мяханова, ст. препод., *Т. И. Эрхитуева*, канд. юр. наук, доц.

Текст печатается в авторской редакции

К 82 **Криминологические чтения:** материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова / науч. ред. Э. Л. Раднаева; отв. ред. С. П. Сверкунов. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. — 108 с. ISBN 978-5-9793-1363-4

В настоящий сборник вошли научные статьи сотрудников Прокуратуры Республики Бурятия, других правоохранительных органов, ученых, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам противодействия преступности.

Сборник предназначен для специалистов в области борьбы с преступностью, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современной уголовной политики.

Criminological reading: proceedings of the XIV all-Russian scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the Law Faculty of the Dorzhi Banzarov Buryat State University / sci. ed. E. L. Radnaeva; resp. ed. S. P. Sverkunov. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2019. — 108 p. ISBN 978-5-9793-1363-4

This collection includes scientific articles of law enforcement officers of the Republic of Buryatia, scientists, postgraduates and students of law schools, devoted to the actual theoretical and practical problems of criminology.

The collection is intended for specialists in the field of crime control, as well as for a wide range of readers interested in the problems of modern criminal policy.

УДК 343.98
ББК 67.52

ISBN 978-5-9793-1363-4

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представлен сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции «Криминологические чтения». Авторами научных статей по различным аспектам противодействия преступности являются как ученые-криминологи и практические работники — сотрудники органов прокуратуры, так и начинающие исследователи, будущие юристы.

Традиционная конференция посвящена в этом году знаменательному событию — 25-летию юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

История факультета началась 26 декабря 1993 года, когда официально была открыта кафедра правоправедения на историческом факультете. Впервые в Республике Бурятия инициативная группа юристов в составе Б. Ц. Цыденжапова, А. Т. Тумуровой, А. Д. Улымжиева под руководством ректора С. В. Калмыкова взяла на себя ответственность воспитывать и обучать новые поколения юристов республики. Созданную кафедру правоправедения возглавил доктор юридических наук, профессор, на тот момент директор НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ Юрий Ильич Скуратов.

Неоценимым является вклад в создание факультета Бориса Цыбиковича Цыденжапова, профессора, кандидата юридических наук, государственного советника юстиции 3-го класса, заслуженного юриста Российской Федерации, четверть века возглавлявшего прокуратуру республики.

В 1997 г. приказом ректора БГУ на базе кафедры правоправедения образовывается двенадцатый факультет БГУ — юридический. Открыт филиал университета по направлению «бакалавр юриспруденции» в г. Улан-Батор (Монголия). Приказом ректора БГУ от 31 октября 2001 г. открыта клиника «Бесплатная юридическая помощь» в качестве структурного подразделения юридического факультета.

Первым серьезным достижением юридического образования Бурятии становится тот факт, что в 2001–2005 гг. студенты юридического факультета БГУ становятся победителями и призерами всероссийской студенческой олимпиады по юриспруденции (по конституционному, гражданскому, уголовному праву). Победитель всероссийской олимпиады по гражданскому праву Я. Могзоев получает в качестве приза стажировку в Европейском суде по правам человека.

В сложные реформенные для всей системы образования годы юридический факультет как признанный центр правового образования в регионе продолжал набирать темпы своего развития. Была открыта аспирантура по пяти специальностям, а также международно-правовая специализация, которая предусматривает возможность глубокого изучения иностранных языков, стажировки и прохождения практики в Китае и Монголии. Хорошее знание восточных языков, владение законодательством России и других азиатских стран в сравнительно-правовом аспекте дает будущим юристам редкое конкурентное преимущество на рынке труда, гарантии успешного трудоустройства и блестящей карьеры.

Значимым событием в истории факультета стал тот факт, что 10 октября 2011 г. юридический факультет получил свидетельство № 21 о прохождении общественной аккредитации Ассоциации юристов России.

Факультету удалось установить творческое сотрудничество с ведущими научными центрами Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Саратова, Красноярска, Иркутска, Новосибирска, Владивостока, Хабаровска, Читы. Укрепляются связи с университетами Монголии, Китая, Казахстана, Германии, Франции, Австрии, Грузии.

В 2018 г. многолетнее сотрудничество с Международным Университетом «Их засаг» им. Чингисхана вывело на новый уровень научной кооперации — приказом министра образования, науки, культуры и спорта Монголии. № А/119 от 15 марта 2018 г. создан объединенный с учеными ЮФ БГУ диссертационный совет по международному праву.

В 2019 г. на базе юридического факультета БГУ создан Бурятский филиал Союза криминалистов и криминологов (Президент — д-р юр. наук, проф. И. М. Мацкевич), который является соорганизатором нынешних Криминологических чтений.

Юридический факультет Бурятского государственного университета — это учебное заведение, отвечающее всем критериям успешности и перспективности, перед которым стоит цель нового уровня — создание юридической школы. Наши выпускники — их уже более 5 тысяч — востребованы на рынках труда страны и республики, о них мы получаем множество положительных отзывов.

В 2017 г. юридический факультет БГУ прошел государственную аккредитацию по всем уровням высшего образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура. В 2018 г. научная школа криминалистики под руководством д-ра юр. наук, проф. Ю. П. Гармаева выиграла грант Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ России (единственный грант такого рода, выигранный юридическим вузом).

Свой весомый вклад в правовое просвещение вносит деятельность Клуба будущего следователя (руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии А. Н. Мяханова). Очень показателен в этом плане один из их проектов — передача «Ваше право» на канале «Тивиком»; совместно с СУ СКР по РБ разработан сайт бесплатной юридической помощи <https://tvcom-tv.ru>.

Научные и практические наработки юридического сообщества обсуждаются на многочисленных, уже ставших традиционными, международных конференциях, проводимых юридическим факультетом БГУ: Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: перспективы сотрудничества с Российской Федерацией, Дружественное к ребенку правосудие, Сравнительное пра-

ведение в странах АТР, Социология уголовного права (совместно с НИУ «Высшая школа экономики») и др.

«Криминологические чтения» проводятся сейчас уже 14-й раз. Изучение криминологии и проведение будущими юристами криминологических исследований мы не приостанавливали даже тогда, когда криминология была исключена из базовой части Федерального образовательного стандарта по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция (квалификация (степень) бакалавр) и переведена в разряд факультативных дисциплин. Поэтому весьма похвально постоянное участие в работе конференции молодых ученых, магистрантов, аспирантов, студентов, их равнодушное отношение к проблемам борьбы с преступностью.

Выражаем глубокую благодарность Прокуратуре Республике Бурятия, Верховному суду Республики Бурятия, правоохранительным органам республики за многолетнее сотрудничество в сфере правового образования и просвещения и в деле подготовки квалифицированных юридических кадров!

Желаем участникам и гостям Криминологических чтений удачи, успехов и новых достижений в практической и научно-исследовательской деятельности!

Эльвира Львовна Раднаева,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
декан юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»,
руководитель Бурятского филиала Союза криминалистов и криминологов

СЕКЦИЯ
**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ**

УДК 343-053.6

**КРИМИНОЛОГО-ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЛЕНОВ
СЕМЬИ**

© *Будкина Инна Сергеевна*

старший преподаватель кафедры теории и методики социальной работы,
аспирант кафедры деликтологии и криминологии ЮИ
Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
E-mail: advokat_budkina@mail.ru

В статье приводятся результаты исследования насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в отношении несовершеннолетних в семейно-бытовой сфере. Анализируются социально-демографические характеристики преступника и жертвы, обстановка и механизм совершения преступлений. Эмпирическую базу исследования составили материалы уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних на территории Иркутской области и Красноярского края, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ.

Ключевые слова: насилие в семье; несовершеннолетние жертвы; виктимологическая характеристика; дети-жертвы насилия; детско-родительские деструктивные отношения.

The article presents the results of the study of violent crimes against life and health committed against minors in the family and household sphere. The author analyzes the socio-demographic characteristics of the offender and the victim, the situation and the mechanism of committing crimes. The empirical base of the research consists of the materials of criminal cases on crimes committed against minors in the Irkutsk region and the Krasnoyarsk territory, the responsibility for which is provided by Art. 105, 111, 112 and 115 of the criminal code

Keywords: domestic violence, juvenile victims; victimological characteristics; child victims of violence; child-parent destructive relationships.

Детско-родительские деструктивные отношения в форме насилия являются одним из наиболее мощных криминализирующих и виктимизирующих факторов. Разрушающее воздействие насилия на ребенка, особенно со стороны старших членов семьи, во многом определяет его дальнейшую судьбу, резко уменьшая шансы на успешную социализацию и гармоничное развитие.

Акты физического насилия в отношении несовершеннолетних в семье, несмотря на высокий уровень латентности указанной проблемы, широко представлены в статистике официальной регистрации преступлений. Так, по результатам проведенного нами изучения 309 уголовных дел об умышленных насильственных преступлениях, совершенных на территории Красноярского края и Респуб-

лики Хакасия, посягающих на жизнь и здоровье несовершеннолетних, почти треть 29,4% (91)* из них были совершены со стороны лиц, состоящих с потерпевшим в семейно-бытовой или родственной связи. При этом 58,2% (53) преступлений были совершены со стороны родных матери или отца потерпевшего, 18,7% (17) преступлений сожителями родителя, 11% (10) отчимом либо мачехой, 8,8 % (8) преступлений совершены со стороны иных родственников, среди которых дяди, тети бабушки и дедушки потерпевших. Вопреки бытующему мнению о распространенности насилия в опекунских семьях, только 3,3% (3) преступления были совершены опекунами или их супругами.

Анализируя социально-демографическую характеристику лиц, применяющих насилие в отношении несовершеннолетних членов семьи, следует отметить, что доля лиц мужского пола среди преступников преобладает — 64,8 % (59) над числом женщин — преступниц — 35, 2 % (32). Более половины 58,2% (53) преступников — лица в возрасте 30-45 лет, 48,3 % (44) не заняты трудовой или учебной деятельностью, существуют на случайные заработки или вовсе не имеют источника дохода. У 24,1% (22) были обнаружены психические расстройства, не исключающие вменяемости (среди наиболее частых синдром алкогольной зависимости на различной стадии, органические и эмоционально-неустойчивые расстройства личности). Относительно редкие — 3,3 % (3) посягательства были совершены лицами, признанными по результатам психиатрической экспертизы невменяемыми, что повлекло назначение принудительных мер медицинского характера. В единственном случае у отца, совершившего убийство 16-ти летней дочери психическое расстройство развилось уже после события преступления.

Характеризуя, обстановку, а также механизм совершения преступления следует отметить, что посягательства в отношении детей в семье, совершенные в городах и сельской местности, а также в зависимости от сезона, распределились практически в равных долях. Почти половина — 44% (42) преступлений совершено в вечернее время (17–24 часа), 67% (61) посягательств имели место в выходной, либо праздничный день. Можно предположить, что это время, в которое члены семьи наиболее вероятно взаимодействуют друг с другом, что, к сожалению, не всегда имеет положительно окрашенный результат. В подавляющем большинстве — 82,4% (75) случаев местом совершения преступления являлось совместное место жительства преступника и потерпевшего, что вполне объяснимо. Поскольку умысел на совершения преступления, как правило, являлся внезапно возникшим, а также учитывая тот факт, ребенок по физическим параметрам уступает взрослому, почти все преступления совершены либо без использования орудия, либо в качестве такового были применены предметы бытового назначения. Так, 49,5% (44) преступлений совершены путем оказания физического воздействия мускульной силой (среди которых, помимо нанесения ударов, имело место удушение, утопление, бросание о пол и стены). В 42,8% (39) случаев в качестве орудия использовались предметы бытового назначения, при этом нож, являясь самым распространенным орудием совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, не связанных с семейными конфликтами, использовался лишь в 20,5% (8) случаях. В числе используемых в качестве орудия средств можно назвать посуду, мебель, предметы одежды (в основном, ремень), раска-

* Далее по тексту данные приводятся в процентах (от общего числа), а в скобках — абсолютные показатели в преступлениях

ленный утюг, кочергу, биты, лом, шнуры, кипятик и другие, попавшиеся под «горячую» руку предметы обихода.

В литературе высказано мнение, что «родительский деспотизм распространяется, как правило, на младший возраст, то есть на детей более слабых, незащищенных не только физически, но и психически» [1, с. 104]. По результатам проведенного нами исследования несовершеннолетние потерпевшие распределились по возрасту довольно равномерно: до 1 года — 13,2% (12), 1–7 лет — 33% (30), 8–14 лет — 36% (33), 15–17 лет — 18,8% (17). При этом тяжкие насильственные преступления, такие как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью в большей степени совершаются в отношении потерпевших в возрасте до 7 лет, что обусловлено, в том числе, незащищенностью и физической слабостью детей данной возрастной группы, облегчая тем самым возможность достижения преступного результата. Гендерная принадлежность, как представляется, не оказывает влияния на предрасположенность ребенка стать жертвой насилия в семье, что подтверждается данными исследования, согласно которым потерпевшие мужского пола незначительно превышают долю потерпевших противоположного пола (52,7% (48) жертв составили мальчики, 47,3% (43) девочки).

Особенно опасным считается положение в «так называемых проблемных семьях, характерной чертой которых является эксцессивный алкоголизм, безработица, большое число детей и плохие жилищные условия» [2, с. 84]. Действительно, в 62,6% (57) случаях преступления совершались лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Не вызывает сомнения тезис о том, что алкоголь, являясь мощным катализатором людских пороков, провоцирует к раздражительности, агрессии, бездумным поступкам, в том числе, в семейных отношениях. В трех из изученных уголовных дел, на фоне употребления спиртных напитков отцы начинали сомневаться в кровной принадлежности детей, причиняя им впоследствии смерть и тяжкий вред здоровью. Частой реакцией на плач грудного ребенка становилась агрессия со стороны взрослого члена семьи, находящегося в пьяном угаре. Имелись неоднократные случаи оставления малолетних детей без ухода, заботы и медицинского обслуживания матерями, предпочитающими многодневное распитие спиртных напитков вниманию к собственным детям. Термином «классические» в контексте проводимого исследования можно назвать семьи, в которых от тирана-алкоголика страдают все домочадцы, претерпевая пролонгированное насилие многие годы. При этом характерной позицией замалчивания проблемы обладает второй родитель, в том числе выступая на этапах расследования и рассмотрения дела в защиту обвиняемого, одновременно «de jure» являясь законным представителем потерпевшего. Приведенные примеры в очередной раз обнажают проблему алкоголизации общества, когда под ударом оказываются самые незащищенные его представители — дети. В 31,9% (29) случаях семейная обстановка несовершеннолетнего потерпевшего характеризовалась как не благополучная по причине того, что родители ведут асоциальный образ жизни и злоупотребляют спиртными напитками.

Тема материального неблагополучия так же не чужда семьям, в которых применяется физическое насилие над несовершеннолетними. Из анализа актов жилищно-бытовых условий потерпевших, представленных фотоматериалов возможно сделать вывод о том, что множество семей живут за чертой бедности, каждодневно ведя борьбу за выживание. В связи с этим накопившаяся раздражительность находит выход в отношении детей, требующих внимание или допус-

кающих несущественные провинности. Так, около половины — 42,8% (39) семей, в которых совершалось насилие в отношении детей можно охарактеризовать как в целом благополучные, однако в половине из них материальная необеспеченность является насущной проблемой.

Подводя промежуточный итог проведенному региональному исследованию насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи, следует отметить схожесть результатов с данными ранее проводимых исследований, в том числе в других регионах РФ. Обладание обширной криминологовиктимологической информацией позволяет разрабатывать меры профилактики, дающие надежды на противодействие проблеме и тем самым минимизации негативных последствий насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи.

Литература

1. Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 320 с.
2. Вишневецкий, К. В. Криминологическая характеристика несовершеннолетних жертв семейного насилия // Власть. 2008. № 4. С. 84–86.

**ОХРАНА ЖИВОТНЫХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© **Будникова Кристина Олеговна**

магистр 2-го года обучения Юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: 680538@mail.ru

В статье отражены проблемы охраны животных по уголовному законодательству Российской Федерации. Проанализированы основные пробелы, существующие в уголовном законе, так же автором предложены некоторые пути совершенствования пробелов с рассмотрением действующего законодательства в данной области.

Ключевые слова: Уголовный закон; охрана животных; жестокое обращение с животными; пробелы и пути совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

The article reflects the problem of animal conservation under the criminal law of the Russian Federation. The essential gaps existing in the criminal law are analyzed, as well as the author suggested some ways to improve the gaps with consideration of the current legislation in this area.

Keywords: Criminal law; animal protection; animal abuse; gaps and ways to improve the criminal legislation of the Russian Federation.

*«Величие и моральный прогресс нации
можно измерить тем, как в этой нации относятся к животным.»
Махатма Ганди.*

В мировой политике вопрос об охране животных, защите от жестокого обращения является одним из наиболее актуальных. Мировое сообщество стремится добиться максимального эффекта, направленного на защиту животных от жестокого обращения и охрану их прав. Такие выводы можно сделать, проанализировав ведущие международно-правовые акты в данной области. Стоит отметить Всемирную Декларацию прав животных (Universal Declaration of Animal Rights) принятой Международной Лигой Прав Животных 23 сентября 1977 года в Лондоне [1].

В Декларации закреплены основополагающие положения о том, что все живые существа обладают своими естественными правами, что животные не должны подвергаться плохому обращению или жестоким действиям. Кроме этого, согласно данному международному акту, любое животное, находящееся в зависимости от человека, имеет право на надлежащие уход и заботу. Еще одним значимым документом в данной области можно отметить Европейскую Конвенцию по защите домашних животных (ETS N 125) [2], положения которой направлены, в основном, на обеспечение благополучия животных и, в частности, домашних животных, предназначенных для собственного удовольствия и общения. В ней так же закреплены основные определения, среди которых мы видим, что подразумевается законодателем под «домашним животным». Согласно Конвенции «домашнее животное» — это любое животное, которое содержит или соби-

рается завести человек, в частности, в его домашнее хозяйство, для собственного удовольствия и дружеского общения. Интересны и такие положения как: никто не имеет право причинять животному ненужной боли, страданий или ущерба, а так же никто не имеет право бросать домашнее животное. Данная норма актуальна для Российской Федерации, в общем, так и для города Улан-Удэ в частности, где по состоянию на 6 ноября 2018 года Комбинатом по Благоустройству г. Улан-Удэ было выловлено 10 674 брошенных, бездомных собак. Документ так же закрепляет правила содержания домашних животных, участие в выставках, рекламе, возможность дрессировке, гуманность усыпления, вопросы разведения и многое другое [6].

К сожалению, в Российской Федерации к проблеме охраны животных уделяется меньше внимания, чем в европейских государствах. К такому заключению можно придти только потому, что на территории Российской Федерации до сих пор нет единого, самостоятельного, действующего закона, который бы регулировал охрану прав животных. Отсутствие данного закона является важнейшим пробелом российской правовой системы в данной области. Кроме этого, необходимо с учетом особенностей национального права, ратифицировать основополагающие международно-правовые акты, присоединившись к вышеуказанным документам и другим законодательным актам в данной области.

Правовое положение животных в Российской Федерации регулируется уголовным законодательством, наряду с другими отраслями права. В уголовном законе содержится единственная норма, регулирующая запрет на жестокое обращение с животными, статья 245 УК РФ [3]. О поправках в виде ужесточения наказания говорилось давно. Так, федеральным законом № 412-ФЗ от 20 декабря 2017 года были внесены изменения в вышеуказанную статью [4]. Так согласно изменениям, виды наказания расширяются и ужесточается, в санкции данной статьи впервые появился еще один вид наказания, это лишение свободы на срок до трех лет, квалифицированные составы преступления предусматривают появление такого вида наказания как исправительные работы на срок до пяти лет, а так же лишение свободы на срок от трех до пяти лет. Кроме этого, появляются новые квалифицированные виды данного состава преступления, такие как: п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ: с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ: в отношении нескольких животных. [3]

При этом, на практике, привлечь виновное лицо к уголовной ответственности достаточно сложно. Это происходит вследствие отсутствия объективных и субъективных признаков, указывающих на оконченный состав преступления. Кроме этого отсутствуют легитимные определения понятий «домашнее животное», «жестокое обращение с животными» и его признаки. При внесении данных изменений, толкование данной нормы облегчится, расширится механизм применения нормы, что окажет помощь органам следствия, судьям, а виновное лицо не уйдет от ответственности. Несмотря на трудности применения норм уголовного закона, судебная практика имеет место быть.

«...Так, 2 сентября 2014 года мировой судья судебного участка №1 признал виновным жителя Озерска Челябинской области Ш. в жестоком обращении с животными и вандализме. В период времени с 2012 по 2014 гг. Ш совершил четыре преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 245 УК РФ. Ш. в состоянии токсич-

ческого опьянения, имея умысел на жестокое обращение с животными, применял к ним садистские методы, понимая, что причиняет боль и особые страдания, путем нанесения многочисленных телесных повреждений. В 2014 году Ш. совершил два преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 214 УК РФ. При назначении Ш. наказания мировой судья учел все обстоятельства и назначил Ш. наказание по совокупности преступлений в виде исправительных работ на срок один год четыре месяца с удержанием ежемесячно 20% заработка в доход государства...» [5, с. 72].

Подводя итог, хочется отметить, что жестокое обращение с животными — это негативное социальное явление, нуждающееся в противодействии. Необходимо осуществление комплекса внутривластных мер воспитательного и образовательного характера на всех уровнях образовательной системы, выработки установки гуманного обращения с животными, обеспечения должного учета и расследования по факту совершения данных деяний. Необходимо совершенствование действующего уголовного законодательства в данной области, пересмотра нормативно-правовой базы Российской Федерации по охране животных и создание единого закона в данной области, который бы конкретизировал положения об охране животных, помог облегчить процесс доказывания и привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Животные должны обладать статусом живого существа, а не одушевленным предметом. Необходимо учитывать и закладывать средства в соответствующий ежегодный бюджет на строительство специализированных приютов для отловленных, бездомных животных. А так же необходим специализированный надзорный комитет с наделением его соответствующими полномочиями.

Данные меры не имеют исчерпывающий характер, но и они будут способствовать к гуманному отношению к животным и противодействию жестокому обращению с ними в нашей стране.

Литература

1. Всемирная Декларация прав животных. Принята Международной Лигой Прав Животных 23 сентября 1977 года. Объявлена 15 октября 1978 года в штабе ЮНЕСКО в Париже. Пересмотрена в 1989 году. Представлена Генеральному директору ЮНЕСКО и обнародована в 1990 году. — Ст. 3, ч. 1, ст. 5, ч. 1.

2. Европейская Конвенция по защите домашних животных. Принята в Страсбурге 13 ноября 1987 года. Вступила в силу с 1 мая 1993 года. — Ст. 3.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

4. Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.12.2017, N 52 (Часть I), ст. 7935.

5. Яременко Н. Е., Майоров А. В. Перспективы российского законодательства в области противодействия жестокому обращению с животными / Н. Е. Яременко, А. В. Майоров // Правопорядок: История, теория, практика. 2016. № 3(10). С. 72–77.

6. URL: <http://xn--03-6kcd9akokf9b.xn--p1ai/>.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

© *Дугарова Баира Шагдуровна*

магистрант 2-го курса обучения юридического факультета
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: bairadugarowa@yandex.ru

Статья посвящена анализу объективной стороны посредничества во взяточничестве. В данной статье описываются спорные вопросы соотношения альтернативных посреднических действий описанных в диспозиции статьи 291.1 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: коррупция; взятка; посредничество во взяточничестве; взяткодатель; взяткополучатель; посредник.

The article is devoted to the analysis of the objective side of mediation in bribery. This article describes the controversial issues of the ratio of alternative mediation actions described in the disposition of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: corruption; bribe; mediation in bribery; bribe giver; bribe taker; intermediary.

В ч. 1 ст. 291.1 Уголовного кодекса перечислены альтернативные уголовно наказуемые действия — непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

В науке высказано несколько мнений о соотношении между собой указанных выше альтернативных посреднических действий.

Одни специалисты указывают, что объективную сторону посредничества во взяточничестве образуют два альтернативных действия: а) непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя; б) иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки [1].

Другие же полагают, что непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя и (или) взяткополучателя можно считать разновидностью и специальным случаем содействия взяткодателю (взяткополучателю) в достижении либо реализации соглашения о даче (получении) взятки.

В науке существует и другое мнение, согласно которому непосредственную передачу взятки можно считать частным случаем содействия в реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем о даче-получении взятки, поскольку действия посредника связаны с принятием мер по осуществлению ранее достигнутого соглашения между взаимодействующими сторонами, но только особым способом — путем передачи взятки от одного лица к другому [3, с. 451].

Также в науке представлена позиция о том, что все действия, перечисленные в диспозиции ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ являются самостоятельными и независимыми друг от друга [5, с. 47].

Многие ученые в своих трудах высказывают мнение о том, что диспозицию ст. 291.1 Уголовного кодекса условно можно разделить на два вида посреднических действий: физическое и интеллектуальное. К первому посредничеству относят непосредственную передачу взятки, то есть воздействие на предмет взятки. Ко второму посредничеству — способствование взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Эта форма характеризуется достаточно широким диапазоном действий, основная задача которых сводится к содействию во взяточничестве.

В литературе выделено два основных подхода к понятию «непосредственная передача взятки». Первым, более узким, данное понятие толкуется с исключительно грамматической точки зрения и основано на понимании передачи взятки как действия, связанного с оказанием воздействия на объекты материального мира то есть перехода какого-то объекта от одного субъекта к другому. Данный подход высказан профессором П. С. Яни и звучит таким образом: «Непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя не включает в себя действия по оказанию услуг имущественного характера. Поэтому, если третье лицо оказывает чиновнику полностью оплаченные взяткодателем услуги (выполняет работы), например, ремонтирует дом, и это означает, что эти услуги выполняются за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя, то подобное оказание услуг должно квалифицироваться как посредничество во взяточничестве в виде способствования взяткодателя и (или) взяткополучателю в реализации соглашения между ними о даче-получении взятки» [6, с. 17].

Второй подход, более широкий, основан на анализе статьи 290 Уголовного кодекса и уголовно-правовой характеристике понятия «передать». По мнению ученых, с учетом правовой функции, которая отведена данному понятию, нет оснований для ограничительного применения соответствующего положения уголовного закона. «Передать — не всегда означает отчуждение имущественных благ, находящихся в наличных фондах, одним лицом в пользу другого. Передать — значит еще и предоставить, что возможно не только путем физического перемещения имущественных ценностей, но и без этого, когда оплаченная взяткодателем услуга оказывается выгодоприобретателю» [4, с. 454]. При этом механизм передачи напрямую зависит от свойств и характеристик предмета взятки. Если взятка, нематериальна и, например, является услугой, то ее невозможно передать как вещь соответствующему лицу, так как обороноспособность такой взятки отличается от предметов окружающего мира. Однако общеизвестно, что носителем услуги является тот, кто ее оказывает. Оплата услуги дает право ее приобретателю распорядиться услугой по своему усмотрению, например, предоставить другому лицу. Из этого ученые делают вывод о том, что оказание посредником оплаченной взяткодателем услуги взяткополучателю является передачей взятки в виде предоставления выгоды имущественного характера.

Также особенностью объективной стороны анализируемого вида посредничества является то, что посредник передает взятку по поручению взяткодателя или взяткополучателя.

Раньше, когда действовал УК РСФСР в теории и практике уголовного права считалось, что посредник не является инициатором взяточничества. А если все же дачу-получение взятки инспирировал посредник, то его действия квалифицировали как соучастие в даче (получении) взятки.

П. С. Яни по этому поводу высказывает такое мнение: «Посредник может выступать и инициатором — подстрекателем, организатором получения либо дачи взятки. Подобная инициатива не противоречит и тому, что в итоге, при собственно передаче ценностей, посредник уже действует, как указано в ч. 1 ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ» [6, с. 17].

Законодатель признает возможность посредника самим быть инициатором преступления, тем самым криминализируя в качестве тяжкого преступления в ч.5 ст.291.1 Уголовного кодекса РФ предложение посредничества во взяточничестве.

Нынешняя редакция посредничества охватывает более широкий круг действий, нежели чем прежняя, включая в состав способствование взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. Данные действия никак не связаны с тем, от кого идёт инициатива на их осуществление. Принимая во внимание то, что формы посредничества указанные в статье юридически равноценны и каждая из этих форм сама по себе уголовно наказуема, поэтому не имеет значения в какой форме выступил инициатор. Он все равно будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ.

Между тем нельзя отрицать, что посредник-инициатор с уголовно-правовой точки зрения более опасен, чем посредник, принявший поручение о совершении посредничества от другого лица. Представляется, что данное обстоятельство должно быть учтено судом при индивидуализации наказания. «В этой связи криминалистическая рекомендация о целесообразности установления наличия инициативы соучастника в оказании содействия взяточничеству является не напрасной» [2, с. 10].

Исходя из изложенного выше, предполагаем, что посредничество по поручению взяткодателя (взяткополучателя), не означает, что инициатива такого деяния всегда исходит от этих субъектов. В юридическом значении «поручение» означает, что главные участники взяточничества предоставляют посреднику полномочия по передаче взятки. Посредник передает взятку от имени того, кто ему это поручил. То есть посредник действует не в своих интересах, а в интересах взяткодателя (взяткополучателя).

Способ поручения посреднику передать взятку, выбранный взяткодателем или взяткополучателем, также не оказывает влияния на квалификацию по ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ. Субъектами могут избираться различные способы: уговор (убеждение, подкуп) или принудительные меры (угрозы, насилие, использование служебной зависимости). Однако если посредник совершает преступление по принуждению (психическому или физическому), то вероятно, что он действовал исходя из крайней необходимости в целях предотвращения совершения преступлений против интересов личности (здоровья, жизни, собственности), что при соблюдении прочих условий исключает преступность деяния. Действия же других участников взяточничества в этой ситуации подлежат квалификации по статьям 290, 291 Уголовного кодекса РФ по совокупности с теми преступлениями, признаки которых содержатся в применимом ими способе принуждения посредника.

«Под иным способствованием взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки понимается совершение действий, направленных на установление договоренности между взяткодателям и взяткополучателем» [1]. Такая договоренность может касаться лю-

бых вопросов и выражаться в любых действиях, связанных с дачей-получением взятки. Их главное свойство — организовывать совершение данных преступлений, способствовать формированию намерения, достижению компромисса для дачи (получения) взятки, т.е. действия, без которых договоренность о даче-получении взятки не была бы достигнута.

П. С. Яни считает, что «способствование взяткодателю или взяткополучателю в достижении соглашения между ними может заключаться в том, что посредник по поручению одной из сторон, например, взяткодателя, договаривается с другой стороной — взяткополучателем о передаче взятки и о выполнении за взятку обусловленных действий» [7, с. 25].

В науке имеется более широкое определение этого понятия, которое гласит, что «договоренностью» действия посредника не ограничиваются. Посредник, кроме этого, может организовать переговорный процесс между взяткодателем и взяткополучателем, обратиться с предложением к лицу, действующему в интересах сторон, чем будет также способствовать достижению соглашения [3, с. 451].

Под иным способствованием взяткодателю или взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки понимается совершение действий, направленных на реализацию ранее достигнутых соглашений между сторонами о даче (получении) взятки.

При этом важно различать способствование взяткодателю (взяткополучателю) и пособничество в посредничестве. Лицо, способствовавшее достижению или реализации соглашения, непосредственно принимает участие в совершении преступления предусмотренного ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ и является его исполнителем. Пособник же является соучастником преступления, действия которого исчерпывающим образом перечислены в ч. 5 ст. 33 Уголовного кодекса.

Для разграничения ответственности указанных соучастников необходимо обратить внимание на несколько важных признаков объективной стороны реализации соглашения взяткодателя и взяткополучателя.

1. Способствовать реализации соглашения можно с того момента, как субъекты договорились между собой на дачу-получение взятки и до совершения соответствующих деяний.

2. Сущность реализации соглашения состоит в исполнении уже имеющего решения о даче-получении взятки. Поэтому каждый раз необходимо устанавливать какие именно действия предприняты, чтобы устранить препятствия для совершения взяточничества. Так как их установление позволяет отграничить действия посредника от иных лиц, не являющихся исполнителями посредничества.

3. Кроме того, необходимо разграничить действия, которые могут быть совершены только взяткодателем (взяткополучателем) и только посредником. Взяткодатель передает взятку. Взяткополучатель, являясь должностным лицом, принимает взятку за действия (бездействия), которые входят в его полномочия или которым он может способствовать в силу занимаемого положения. Действия, выходящие за пределы указанных выше, связанные с оказанием помощи взяткодателю (взяткополучателю) в даче и получении ими взятки, образующие объективные стороны преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 УК РФ могут быть оценены как посреднические. Иные действия, которые не связаны с оказанием помощи в реализации соглашения о получении (даче), взятки не могут быть квалифицированы по ст. 291.1 УК РФ.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2013.
2. Кушниренко С. П. Субъекты взяточничества // Следователь. 2007. № 2. С. 10.
3. Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2016. С. 451.
4. Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учебное пособие. СПб. : Юридический центр, 2016. С. 454.
5. Розовская Т. И., Пешков Д. В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения // Наука и образования: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3. С. 47.
6. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 17.
7. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 25.

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ**

© *Эрхитуева Татьяна Ильинична*
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии,
E-mail: tanja_77@mail.ru

© *Дылыкова Раиса Евгеньевна*
магистрант 2-го года обучения юридического факультета,
raisaD1995@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

В данной статье исследуется проблема эффективности назначения условного осуждения несовершеннолетним. Действующие нормы открывают широкие возможности для применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних. Основной мерой уголовно-правового характера применяемой в отношении несовершеннолетних является условное осуждение. Вместе с тем данная мера не всегда является эффективной. В статье предлагается внести ряд изменений, которые могут способствовать повышению эффективности условного осуждения в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: наказание; меры уголовно-правового характера; наказание несовершеннолетних; условное осуждение; испытательный срок.

This article explores the problem of the effectiveness of assigning probation to minors. Existing regulations provide ample opportunities for the application of probation on juveniles. The primary measure of criminal law applicable to minors is probation. However, this measure is not always effective. The article proposes to make a number of changes that can help increase the effectiveness of probation for minors.

Keywords: punishment; criminal law measures; punishment of minors; probation; probation.

Условное осуждение могло быть применено к несовершеннолетним лишь с учетом относительно небольшой степени общественной опасности совершенного преступления, а также общественной опасности личности виновного, что являлось достаточным основанием для применения этой меры и позволяло суду прийти к выводу о том, что виновный в силу своих моральных качеств и внутреннего чувства ответственности перед государством и обществом заслуживает доверия и может исправиться без применения реальных мер наказания. Таковым институт условного осуждения задумывался более ста лет назад, те же правила лежали в основе его применения до конца XX столетия.

Действующие нормы ст. 73, ст. 74, ст. 88 УК РФ открывают широкие возможности для применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних. Основной мерой уголовно-правового характера применяемой в отношении несовершеннолетних является условное осуждение.

Вместе с тем следует отметить, что данная мера не является наказанием, поскольку согласно ст. 44 УК РФ перечень видов наказаний является закрытым, а условное осуждение в него не включено.

В настоящее время закон допускает применять условное осуждение в отношении несовершеннолетних, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, данные случаи не редки в судебной практике.

Институт условного осуждения как прогрессивная мера воздействия на правонарушителей практикуется не только в России, но и в других странах. Вместе с тем, в развитых западных государствах возможности применения условного осуждения строго ограничены. Условное осуждение не применяется к лицам, которым назначено наказание в виде лишения свободы (тюремного заключения) на срок свыше двух лет (УК Испании, ФРГ, Австрии, Швейцарии). По уголовным кодексам Японии, КНР, Республики Болгарии верхний предел наказания при условном осуждении ограничен тремя годами лишения свободы. Во Франции такой срок составляет пять лет.

Гуманное отношение к преступнику, особенно к несовершеннолетнему, приводит к тому, что реальное лишение свободы отбывают не более четверти осужденных подростков. Полагаем, что условное осуждение должно назначаться не более чем 25–30 % несовершеннолетних, даже с учетом принципа гуманизма, который заложен во всем фундаменте уголовного законодательства. Сокращение условно осужденных несовершеннолетних необходимо осуществлять за счет расширения применяемых к ним видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

В п. 6.2 ст. 88 УК РФ предусматривается, что в случае совершения несовершеннолетним, условно осужденным нового преступления, не являющегося особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных обязанностей. Повторное освобождение от фактического наказания, законодатель, на наш взгляд, полностью дискредитировал идею условного осуждения ювенальной преступности, заменив гуманность всепрощенчеством.

Большинство ученых-юристов не одобряют вышеуказанную норму. Так, В. А. Новиков указывал: «Прослеживается очевидная закономерность: на значительный рост числа совершаемых тяжких преступлений судебная практика опережающими темпами отвечает смягчением наказания, расширяя применение условного осуждения. Весьма сомнительно, что все 66,8% в 2017 г. осужденных за хулиганство с применением оружия заслуживали условного наказания» [2, с. 61–65]. Лишь небольшое число исследователей данной темы оправдывает повторное применение условного осуждения к несовершеннолетним «применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести» или «при наличии исключительных обстоятельств дела» [3, с. 42].

Следует согласиться с мнением М. И. Третьяк, который считает обоснованной отмену рассматриваемого института в случае совершения условно осужденным любого нового преступления, так как это закреплено в уголовном законодательстве Латвии, Франции, ФРГ, Китая и ряде других стран. Такое положение позволяет достигать целей, стоящих перед данной уголовно-правовой мерой [4, с. 98]. Некоторые авторы обращают внимание на то, что подростки, которым

назначалось условное наказание, чаще совершают повторные преступления, чем те, которые отбывали реальное лишение свободы.

По сути, положение п. 6.2 ст. 88 УК РФ расширяет применение условного осуждения к несовершеннолетним, что является необоснованным и не имеет аналогов в мировой практике регламентации исследуемого института.

Полагаем, что можно сделать исключение для несовершеннолетних, совершивших в течение испытательного срока неосторожные преступления. Совершение подобных преступлений свидетельствует не о криминальной направленности лиц, их совершивших, а о недостаточно хорошей ориентации несовершеннолетних в окружающей действительности. В связи с этим повторное решение суда об условном осуждении несовершеннолетнего за неосторожное преступление будет вполне обоснованным [5, с. 52].

При условном осуждении в течение испытательного срока за осужденным осуществляется контроль. Представляется, что любое нарушение условий контроля должно являться основанием для отмены условного осуждения. Поведение осужденного, свидетельствующее о его намеренном уклонении от контроля или невыполнении возложенных на него обязанностей, должно выступать в качестве основания для реального исполнения наказания.

Однако в ч. 3 ст. 74 УК РФ используется формулировка «суд может». По нашему мнению, если имеет место систематическое неисполнение осужденным возложенных на него судом обязанностей, либо он скрылся от контроля, то суд должен отменить условное осуждение, так как это свидетельствует, что виновный не встал на путь исправления.

Представляется, что вышеуказанные предложения будут способствовать повышению эффективности применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (от 23.04.2018 № 96-ФЗ, № 99-ФЗ, № 111-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. 240 с.
2. Новиков В. А. Условное осуждение: современные тенденции и пути совершенствования закона // Журнал российского права. М., 2015, № 11. С. 61–65.
3. Редькина Е. А. К вопросу об эффективности условного осуждения несовершеннолетних. М., 2016, № 6. С. 42–44.
4. Третьяк М. И., Колячкина И. В. Некоторые вопросы применения условного осуждения несовершеннолетних // Уголовная политика: теория и практика. 2013. № 2. С. 98–101.
5. Хаитжанов А. История возникновения и развития института условного осуждения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 2. С. 52–55.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

© Кононыхина Татьяна Сергеевна

экстерн,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

E-mail: kvm-taneika@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты виктимологической профилактики женской преступности. Приводится классификация мероприятий виктимологической профилактики. Предлагаются конкретные рекомендации виктимологической профилактики преступности среди женщин.

Ключевые слова: женщина; женская преступность; жертва; виктимологическая профилактика.

The article discusses some aspects of victimological prevention of female crime. The classification of victimological prevention measures is given. The author suggests specific recommendations for victimization of crime prevention among women.

Keywords: woman; female crime; victim; victimological prevention.

Рассмотрение женской преступности как одного из наиболее опасных видов преступной деятельности включает в себя исследование не только процессов криминализации преступника, но также факторов, способствующих виктимизации потенциальных потерпевших. Следует заметить, что в юридической литературе изучению различных аспектов поведения личности потерпевших от преступлений уделяется все больше внимания, это связано с тем, что только всестороннее изучение личностных особенностей преступника и его жертвы, взаимоотношений между ними, объективной роли, которую каждый из них выполнял в противоправном деянии, позволит внедрять более эффективные меры борьбы с преступностью, в том числе среди женщин.

Справедливо мнение Н. Хуссин и М. Завави в том, что органами государственной власти, как правило, не учитывается, что жертва сама может стать фактором, способствующим совершению преступления [19, с. 855].

С этой позиции криминологическая профилактика была бы неполной без определения основных подходов виктимологической профилактики.

Среди российских исследователей данной проблеме уделяли внимание Л. В. Франк [16, с. 140], В. В. Вандышев [1, с. 132], В. И. Полубинский [9, с. 91], Д. В. Ривман [13, с. 15], А. Л. Репецкая [11, с. 66], А. В. Швец [18, с. 200], Д. В. Синьков [15, с. 190; 14, с. 33], Ф. Х. Хаткова [17, с. 90] и другие.

Многие из указанных авторов приводят свою классификацию мер виктимологической профилактики, в настоящем исследовании дифференцируем указанные меры на правовые, политические, организационно-управленческие, нравственно-воспитательные и информационные.

Так, к правовым мерам относится разработка и принятие нормативно-правового акта, регулирующего основы виктимологической профилактики, а также позволяющего упрочнить правовое положение лиц, пострадавших от преступлений, и урегулировать полномочия субъектов виктимологической профилактики [5, с. 115].

В настоящее время отдельные законодательные акты (Закон Республики Бурятия от 13 октября 2010 года №1570-IV «О системе профилактики правонарушений в Республике Бурятия» [7]), муниципальные программы (Муниципальная целевая программа «Усиление борьбы с преступностью и профилактика правонарушений в городском округе «город Чита» [8]), региональные распоряжения и постановления правительств (Постановление Правительства Иркутской области «О межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве Иркутской области» [6]), действующие на территории исследуемых регионов, опосредованно касаются вопросов виктимологической профилактики преступности, однако ни один из них не воздействует на нее непосредственно.

Исходя из этого, помимо осуществляемых правоохранительными органами и специальными службами профилактических мероприятий, создание единого федерального закона позволит разграничить пределы полномочий между уровнями публичной власти, а также осуществить правовое регулирование по соответствующему предмету совместного ведения в целом.

В этой связи интересным представляется федеральный закон «О виктимологической профилактике преступлений в Российской Федерации», предлагаемый Е. В. Маковецкой. Данный закон направлен на пропаганду позитивных жизненных ценностей, материальную, психологическую и иную адаптационную поддержку лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или находящимся в социально опасном положении, а также будет предусматривать активную деятельность различных государственных органов по виктимологической профилактике преступлений [5, с. 197].

Следует отметить, что разработка закона на федеральном уровне, определяющем общие положения виктимологической профилактики преступности, и дальнейшая разработка нормативных актов для каждого отдельного субъекта в Российской Федерации, позволит привести к единообразию действующие нормы, устранить существующие коллизии и пробелы в действующем законодательстве, эффективно скоординировать работу органов государственной власти, правоохранительных органов и других субъектов виктимологической профилактики.

На сегодняшний день в России отсутствует единая и целенаправленная виктимологическая политика, однако имеется разработанная теоретическая база для её формирования. В этой связи, создание виктимологической ассоциации с ее региональными отделениями, позволило бы эффективно координировать работу государственных органов в данной сфере и помогать большему количеству людей, а также более эффективно и целенаправленно сотрудничать с общественными организациями и ассоциациями, специализирующимися на оказании поддержки пострадавшим гражданам в каждом конкретном случае. Это могло бы вернуть доверие жертвам преступного посягательства государству, которое не смогло его защитить, ускорить процесс психологической реабилитации потерпевших от таких видов женской преступности как преступления против жизни и здоровья, семьи и несовершеннолетних [3, с. 104].

Под организационно-управленческими мерами понимается проведение масштабных виктимологических исследований, что позволит своевременно реагировать на изменения уровня виктимизации, отслеживать ее латентный слой, выявлять изменения в структуре ситуативных факторов, в целом определять реальное состояние борьбы с преступностью на конкретной территории в текущий период и своевременно корректировать профилактические мероприятия [2, с. 253].

Ведущую роль в виктимологической профилактике женской преступности должны занимать нравственно-воспитательные меры, а именно: осуществление образовательно-просветительской деятельности, повышение уровня нравственного сознания, воспитание граждан в духе уважения к человеческой личности, нетерпимости к проявлению различных форм насилия, а также разъяснение социальной и правовой природы различных преступных посягательств и последствий, которые оно вызывает.

Как отмечалось ранее, организация виктимологической профилактики станет успешнее, если органы государственной власти будут сотрудничать с институтами гражданского общества (общественными и религиозными организациями, органами местного самоуправления). Важным представляется осуществление коррекции межличностных и групповых отношений, складывающихся с раннего возраста в семье, детском саду, начальной школе, иных образовательных учреждениях.

При этом гарантом виктимологического просвещения может стать надлежащая работа подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, т.к. воспитательное воздействие, оказываемое на подростков, является эффективным способом профилактики взрослой преступности. Сюда входят: проведение консультаций с помощью психологов, социальных педагогов, просветительские беседы, обучающие семинары, бесплатное лечение от алкогольной и наркотической зависимости, постановка на учет [10, с. 87], осуществление мер по социальной защите, социальной реабилитации и ресоциализации жертвы, в случае если антиобщественный поступок стал реакцией девочки на противоправные действия в отношении неё самой.

Рассматривая виктимологическую профилактику преступлений, совершаемых женщинами, следует отметить, что доля женской корыстной преступности около 50%, таким образом, особое внимание следует уделить информационным мерам, призванным наиболее полно и достоверно сосредоточиться на ознакомлении населения о динамическом росте количества совершаемых корыстных преступлений и мерах защиты себя и своих близких в случае причинения ущерба, а также снижении возможности увеличения потенциального количества жертв.

Здесь основными мероприятиями будет разработка правил поведения в опасных ситуациях, путей пресечения возможных конфликтов, обучение приемам простейшей самообороны. Эти сведения должны быть доведены до потенциальных жертв путем разъяснения через средства массовой информации, лекций, листовок, социальной рекламы, показанных, например, в общественном транспорте, на улицах, в магазинах, досуговых учреждениях. Используя вышеназванные информационные каналы, можно было бы также довести до сведения потенциальных жертв их права при противодействии преступнику в пределах необходимой обороны, перечень действий, которые необходимы, если виктимизация уже произошла, адреса местонахождения, телефоны, названия сайтов служб, куда можно обратиться в этом случае [2, с. 259].

Поскольку главной целью применения рассматриваемых мер является доступная и своевременная помощь гражданам, незаменимым средством в реализации виктимологической профилактики преступлений, в том числе, совершенных женщинами, является Интернет, который можно использовать в распространении специальных видеороликов, презентаций, E-book, цифровых подкастов, брошюр, видеолекций, вебинаров, направленных на информирование граждан полезной информацией, моделями поведения, контактной информацией, необходимой в случае попадания в криминально опасную ситуацию [4, с. 288].

Таким образом, усилия, направленные на снижение виктимности, прямо влияют на снижение преступности [12, с. 129], а реализация даже части указанных мер поспособствует снижению женской преступности в целом и социальной стабильности женщин, в частности.

Литература

1. Вандышев В. В. Криминология: учебник. М.: Экспресс, 2013. 432 с.
2. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под ред. проф. А. Л. Репецкой. М.: Academia, 2009. 304 с.
3. Вишневецкий К. В. Зарубежный опыт виктимологической профилактики преступлений и перспективы ее развития в России // Современное право. 2008. № 2. С. 104–108.
4. Зырянова Ю. В. Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение (по материалам Южно-Сибирского региона): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Абакан, 2017. 348 с.
5. Маковецкая Е. В. Предупреждение женской преступности (по материалам Южного федерального округа): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Волгоград, 2015. 220 с.
6. О межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве Иркутской области: Постановление Правительства Иркутской области от 22 мая 2009 г. №56 (с изменениями на: 27.05.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469403549> (дата обращения: 19.12.2018).
7. О системе профилактики правонарушений в Республике Бурятия: Закон Республики Бурятия от 13 октября 2010 №1570-IV (с изменениями на 12 ноября 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895282548> (дата обращения: 19.12.2018).
8. Об утверждении муниципальной целевой программы «Усиление борьбы с преступностью и профилактика правонарушений в городском округе «Город Чита» на 2003-2006 годы: Решение Думы городского округа «Город Чита» Забайкальского края от 11 декабря 2002 №269 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428696290> (дата обращения 19.12.2018).
9. Полубинский В. И. Криминальная виктимология. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2008. 191 с.
10. Прокопенко Е. А. О современном криминологическом подходе к изучению преступности несовершеннолетних женского пола // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. 2010. № 24. С. 86-90.
11. Репецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. С. 152.
12. Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология. Общая часть: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. 240 с.
13. Ривман В.Д. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. трудов. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. С. 15–24.
14. Синьков Д. В. Некоторые проблемы виктимологической профилактики женской преступности // Российский следователь. 2009. № 3. С. 32–36.
15. Синьков Д. В. Преступность женщин: состояние, причины и предупреждение (региональная характеристика): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Иркутск, 2003. 211 с.
16. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 240 с.
17. Хаткова Ф. Х. Виктимологические аспекты женской преступности: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 186 с.
18. Швец А. В. Предупреждение мошенничеств, совершаемых женщинами: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. М., 2015. 217 с.
19. Hussin N., Zawawi M. Preventing Criminal Victimization through Community Education: An Islamic formula // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. № 68. P. 855-864.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ПРИНЯТИИ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

© *Ламуев Буянто Борисович*

победитель XIII Всероссийской научно-практической конференции «Криминологические чтения», призер XIV Всероссийской научно-практической конференции «Криминологические чтения», студент 4-го курса юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: buyanto.lamuev@mail.ru

В этой статье автор исследует необходимость принятия в России нового уголовного закона и устанавливает для этого актуальные причины. Акцентируется особое внимание на систему уголовных наказаний, декриминализацию ряда статей, введение «уголовного проступка» и многочисленные примечания в законе. Также в этой работе анализируются тенденции уголовной политики последних лет и делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: уголовный закон, примечания, уголовный проступок, система наказаний, уголовная политика.

In this article, the author examines the need for the adoption of a new criminal law in Russia and establishes relevant reasons for this. Special attention is paid to the system of criminal penalties, decriminalization of a number of articles, introduction of "criminal offence" and numerous notes in the law. Also in this work the tendencies of criminal policy of the last years are analyzed and the corresponding conclusions are drawn.

Keywords: criminal law, notes, criminal misconduct, penal system, criminal policy.

Как многим уже известно, складывающиеся стремительным образом общественные отношения в российской правовой среде и во всём мире закономерно могут меняться с каждым днём. А поскольку их регулирование ложится на плечи государства путем принятия соответствующих нормативных актов, не всегда возможным представляется законодателю предусмотреть все дальнейшие варианты развития этих отношений. Поэтому в каждой отрасли права существуют конкретные проблемы и недостатки, связанные как с теоретической основой, так и с правоприменительной практикой. И уголовное право не является здесь исключением.

Поскольку единственным источником данной отрасли является Уголовный Кодекс РФ (не считая основывающихся на этом Конституцию РФ и общепризнанные принципы и нормы международного права), формирование российской судебной практики и, соответственно, отражение всей криминологической ситуации в стране происходят на основе именно этого акта. Реализацией норм, как очевидно, закрепленных в этом законе, занимается уголовно-процессуальное право. Но речь не об этом, хотя и там существуют определенные изъяны. Уголовный закон как главный материальный источник является своего рода базисом, на основе которого устанавливается ответственность лиц, криминализируются или декриминализируются общественно опасные деяния, перечисляются виды наказаний и так далее. На сегодняшний день в действующем УК РФ есть много проблем, требующим их юридического разрешения. С момента принятия по-

следнего закона прошло 23 года. За это время изменились правовые реалии, изменились общественные отношения, появились неопределенности и пробелы.

По мнению профессора А. В. Наумова, «все они (недостатки) могут быть подразделены на две группы: а) относящиеся к социальной обусловленности уголовного закона и выражающиеся либо в существовании определенных пробелов в уголовно-правовом регулировании либо (что чаще всего и имеет место) в излишней криминализации соответствующих деяний, объявленных на сегодняшний день преступлениями; б) относящиеся к изъянам техники уголовного закона (таковых еще больше и преимущественно они обусловлены нарушением системности в конструировании уголовно-правовых запретов и нередко несогласованностью одних с другими)» [2, с. 13]. Поэтому здесь можно задать вполне закономерный вопрос: принять новую редакцию или новый кодекс?

Еще раз стоит напомнить, что действующий УК РФ был принят в 1996 году и вступил в силу с 1 января 1997 года. Практически ежегодно данный закон подвергается неоднократным поправкам, изменениям и дополнениям, в результате чего разгораются острые дискуссии не только внутри юридического сообщества, но и в обществе в целом. Но самые большие и, пожалуй, самые кардинальные изменения были внесены в 2003 году, когда законодатель принял Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Этим актом государство привнесло массу противоречивых новелл в уголовное законодательство, касающиеся, например, нормы о конфискации имущества (её изъятие из системы наказаний), института рецидива (отсутствие учета судимости за преступления небольшой тяжести при назначении наказания), видов множественности преступлений (исключение понятия неоднократности) и далее по списку.

Цель принятия такого закона с моей точки зрения очевидна — гуманизация. Общую направленность той системы, пожалуй, можно охарактеризовать как либерализация уголовной политики. А какова идеология сегодня в современной России? С одной стороны, государство продолжает линию смягчения уголовной ответственности, а с другой — вводит новые составы, которые в массе своей являются спорными в широких кругах и принимаются весьма отрицательно. Например, пресловутая ст. 148 УК РФ, где речь идет об оскорблении чувства верующих. Другой пример — знаменитая всем ст. 282 УК РФ, «благодаря» которому к уголовной ответственности стали привлекаться лица, использующие так называемые «лайки», «репосты» и комментарии к экстремистским, по мнению законодателя, публикациям в социальных сетях, и получали за это судимость. Правда здесь стоит отметить, что власть осознала свою ошибку в излишней жестокости и поэтому в прошлом году указанная норма была декриминализована частично. И то это произошло лишь по инициативе Президента РФ.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. В 2011 году произошли очередные изменения в части расширения круга преступлений небольшой тяжести и установлении права суда понижать категорию преступления в ряде случаев, указанных в законе. Надо сказать, что ничего подобного российскому законодателю не было известно. По моему мнению, указанное право для суда порождает собой лишь дополнительные проблемы и ставит под сомнение реализацию принципа справедливости.

Помимо этого, активно в последнее время на практике стала применяться административная преюдиция. Недавно такой способ стал использоваться в таких

составах преступлений как побои (ст.116.1 УК РФ), мелкое хищение (ст.158.1 УК РФ), нарушение ПДД (ст.264.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и т.д.

Не трудно догадаться, что все эти шаги опять-таки были направлены к гуманизации уголовной политики. Кое с чем, конечно же, можно согласиться. Но вопрос в том, не слишком ли крайний идёт перекос в сторону либерализации нашего закона? А главное, даёт ли это необходимый результат? Достигаются ли таким образом цели уголовного законодательства? Безусловно, права и свободы человека и гражданина должны оставаться в центре. Но возникает справедливый вопрос, какого именно человека? Лица, привлекаемого к уголовной ответственности, или потерпевшего в результате преступных деяний субъекта? Важно здесь уметь находить разумный баланс в случае выработки новой концепции Уголовного Кодекса. На мой взгляд, в государстве не должно быть явного уклона в защиту виновного лица, принимая законы, смягчающие его наказания и зачастую не оправданно.

Кстати, об институте наказания. С моей точки зрения, перечень уголовных наказаний необходимо пересмотреть. Речь идет только о том, что те санкции, которые должны применяться к осужденным, необходимо указать, а те, которые де-факто не применяются или применяются слабо, необходимо исключить. К последнему можно отнести: арест, поскольку в России практически отсутствуют арестные дома, и их содержание становится вполне затратным для государственного бюджета; принудительные работы, так как на практике они применяются достаточно редко и не оправдали желаемых результатов. Но и в то же время, должна быть возвращена конфискация имущества в полном объеме, обязательность возмещения вреда потерпевшему лицу и государству. Изъятие указанного института из системы наказаний и перемещение его в разряд иных мер уголовно-правового характера считаю нецелесообразным, поскольку на практике это малоэффективно в борьбе с преступностью, в частности, коррупционной направленности. Указанная мера должна быть отнесена исключительно к дополнительным видам санкций.

Не первый год среди юристов обсуждается введение в закон пока еще реализовавшегося так называемого «уголовного проступка». Сразу отмечу, что в этом вопросе я выступаю против данной инициативы по нескольким причинам. Во-первых, предполагается, что под указанную категорию попадут все преступления небольшой тяжести. И немало важный аспект — отсутствие судимости за совершение таких преступлений. Как бы парадоксально это не звучало, но отсутствие судимости сыграет скорее отрицательную роль, чем положительную. Почему? Я вижу в этом отсутствие превентивной функции уголовного закона. Кроме того, согласно ст. 86 УК РФ судимость погашается всего по истечении года со дня отбытия наказания, если оно не было наказанием в виде лишения свободы (причем безотносительно к категории преступления). По мнению профессора А. В. Бриллиантова, «в подавляющем большинстве случаев, именно наказания, не связанные с лишением свободы и назначаются за совершение преступлений небольшой тяжести» [1, с. 25]. А во-вторых, если государство хочет подвергать лицо к ответственности за впервые совершенный «проступок» и при этом не назначать ему судимость, то можно использовать упомянутую мною административную преюдицию. То есть другими словами, те деяния, которые будут считаться «проступками», следует их отнести к Кодексу об административных правонарушениях.

ях, а те деяния, которые подпадают под понятие «преступление», необходимо оставить в Уголовном Кодексе, чтобы было чёткое разграничение этих терминов. По моему мнению, легче принять решение о декриминализации определенных составов преступлений и отнести их к КоАП. Иначе на практике возникнет путаница между «уголовным проступком» и «административным правонарушением».

И, наконец, ещё одна немало важная причина для принятия нового УК РФ — примечания в уголовном законе. Одни авторы считают, что примечания усложняют текст, ухудшают структуру нормативного акта, делают закон более запутанным, а другие полагают, что они, наоборот, закрепляют необходимую информацию и дополняют общие предписания. Моя позиция по этому вопросу близка к первой группе, поскольку практика показывает, что примечания в УК РФ во многом загромождают текст самого документа. Однако это вовсе не означает, что не нужно делать вообще какие-либо поправки в законы. Но речь идёт только о том, что за эти годы накопилось огромное количество таких примечаний, что делает Уголовный Кодекс нестабильным и неустойчивым. Лишь с 1998 по 2014 гг. было принято 166 федеральных законов, которыми были внесены многочисленные изменения и дополнения [3, с.107]. И эти цифры продолжают неуклонно расти. В первоначальный текст УК РФ законодатель включил 44 примечания к 35 статьям Кодекса (ст. ст. 126, 158, 171, 177, 178, 188, 191, 192, 193, 194, 198, 199, 200, 201, 204, 205, 206, 208, 221, 222, 223, 228, 260, 264, 275, 285, 290, 291, 308, 316, 318, 322, 337, 338, 359). За восемнадцать лет действия УК РФ количество примечаний увеличилось почти в три раза. При этом надо отметить, что одни утрачивают силу вместе со статьями (ст. 200 «Обман потребителей»), другие исключаются как ненужное дополнение к статьям (ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов» и др.), третьи редактируются, в том числе неоднократно, в направлении, заданном уголовно-правовой политикой (примечания к ст. ст. 117, 122, 126, 127, 134, 139, 144, 146, 151, 158 УК и др.) [4, с. 64].

Разумеется, это ещё не все вопросы, которые необходимо решить при составлении нового УК РФ. По моему твердому убеждению, принятие нового Уголовного Кодекса является более эффективным способом при разрешении тех правовых проблем, которые сложились за последние двадцать лет.

Литература

1. Бриллиантов А.В. Реализация направлений уголовной политики в уголовном законе // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. 2018. С. 22–26.
2. Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44–48.
3. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // LexRussica. — 2017. № 3. С. 106–122.
4. Ситникова А. И. Примечания в уголовном законе как инструмент уголовной политики // Вопросы правовой теории и практики. 2016. С. 62–69.
5. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113.

ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНОГО ПРАВА

© *Мадаев Евгений Олегович*

канд. юр. наук, доцент кафедры международного права юридического факультета
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: madaeo@mail.ru

Автор отмечает, что в научном мире развернулась активная дискуссия вокруг проблемы источников уголовного права, неоднозначно трактуется роль обычного права, Конституции, международно-правовых норм, судебной практики, правовой доктрины по отношению к уголовному праву не только в России, но и за рубежом. Автор уделяет важное значение правовой доктрине не только как особой форме познания правовой действительности, но и как материальному источнику уголовного права.

Ключевые слова: проблема источников уголовного права; материальный источник; правовая доктрина.

The author notes that in the scientific world vigorous debate around issues of criminal law sources, ambiguously interpreted the role of customary law, the Constitution, international legal norms, jurisprudence, legal doctrine in relation to the criminal law not only in Russia but also abroad, for example in Germany.

In this article the author pays the importance of legal doctrine, not only as a particular form of knowledge of legal validity, but also as a material source of criminal law.

Keywords: the problem of sources of criminal law; material source; legal doctrine.

Абсолютно прав М. Н. Марченко, говоря о том, что решения проблем, непосредственно связанных с представлением о праве как таковом и определением понятия права целиком и полностью зависит от разработки проблем, касающихся форм или источников права [4, с. 13].

В силу своей специфики проблемы источников права исследуются, прежде всего, в общей теории права. Тем не менее, тема обсуждается и в рамках отраслевых исследований. Так, например, активная дискуссия развернулась вокруг проблемы источников уголовного права. В частности, неоднозначно трактуется роль обычая, Конституции Российской Федерации, международно-правовых норм, руководящих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по отношению к уголовному праву.

Так, А. Н. Комиссаров, ссылаясь на часть 2 статьи 1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, относит Конституцию РФ, а также ратифицированные РФ международные договоры не к источникам, а к «юридическим основанием» уголовного законодательства [8, с. 24].

Некоторые авторы предлагают понятие «источник уголовного права» рассматривать в двух значениях: материальном и формальном. «Под материальными источниками, — пишет З. А. Незнамова, — понимаются те силы, которые творят закон, те истоки, которые питают нормы права, те материалы, которые положены в основу того или иного законодательства». Автор отмечает, что вопрос о материальных источниках уголовно-правовых норм является весьма спорным. Материальным источником уголовно-правовых норм является госу-

дарственная власть, так как эти нормы создаются в процессе правотворчества, которое является направлением государственно-властной деятельности. Законотворческая деятельность основана на правосознании, которое также можно рассматривать в качестве одного из материальных источников уголовно-правовых норм.

Правосознание — является относительно самостоятельной формой общественного сознания, которая представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву. Оно играет значительную роль в процессе правотворчества, ибо прежде, чем создать государственно-властные правовые предписания, следует осознать закономерности общественного развития, необходимость их правового регулирования [9, с. 25].

По мнению А. Э. Жалинского, в учебниках по немецкому уголовному праву редко дается понятие источника права. Обычно анализируется то, что входит в их круг. Поэтому здесь принимается собственный подход. Он состоит в следующем. Поскольку источник немецкого уголовного права, естественно, имеет высшую юридическую силу, его целесообразно рассматривать с двух позиций: а) формально, т. е. именно как источник уголовного права, что делает необходимым выявление релевантных к уголовному законодательству предписаний; б) содержательно, т. е. по значению этих предписаний, что чаще рассматривается применительно к отдельным проблемам, именно это и определяет его непосредственное влияние на уголовное законодательство в собственном смысле [3, с. 70].

Далее автор указывает, что вопрос определения круга (видов) источников немецкого уголовного права в литературе рассматривается как задача, сложная теоретически и острая практически. Проблемы ее решения следующие:

а) в сфере уголовного права, законодательная компетенция распределяется между Федерацией и землями; кроме того, перечень источников уголовного права велик. В отличие от законодательства РФ он включает в себя и общепризнанные их виды, и те, правовая природа которых подвергается сомнению;

б) понятие и границы собственно уголовного законодательства также являются спорными, во всяком случае, в части их соотношения с «наполняющими» бланкетность нормами;

в) проявляется необходимость в сближении англо-американского прецедентного и статутного континентального права (причем в сфере уголовного права прецедент все больше как будто уступает место статутам, но отвоевывает пространство при применении статутов).

Поэтому столь остры споры о признании источниками уголовного права обычного права, судебной практики (*Richterrecht*) и др. К бесспорным относят Основной Закон страны (*Grundgesetz Deutschland*), международное право с существенными оговорками, собственно уголовное законодательство, которое кодифицировано не полностью и включает: а) Уголовный кодекс; б) сложный и объемный комплекс так называемого дополнительного законодательства (*Nebengesetze*), возможно, включая Международный УК; в) уголовное законодательство земель, действующее в крайне ограниченном объеме [3, с. 71].

Эти выкладки из учебных трудов, в концентрированном виде передающих для студентов те или иные научные воззрения, являются результатом серьезных научных обсуждений проблематики источников права, происходящих в уголовно-правовой научной среде.

Примерно то же происходит и в других отраслях права: основываясь на общетеоретических разработках, ученые наполняют их своей отраслевой спецификой, связанной с разницей не только в предмете и методе правового регулирования, но отображающей те или иные отраслевые доктрины. Однако в учебниках проблематика, в конечном счете, сводится к перечню форм права, в которых выражены нормы соответствующей отрасли, и определению их иерархии.

Таким образом, в научных трудах понятию «источник права» придается более широкое и разнообразное значение, нежели в учебных. Это обусловлено двумя моментами: а) полисемичностью слова «источник»; б) многоликостью исходного явления — права. Научный интерес к данной теме постоянен, однако, судя по хронологии публикаций и научных форумов, последний по времени определенный всплеск внимания к ней имел место в начале 2000-х, в условиях интенсификации реформы правовой системы России, вышедшей на качественно новый уровень.

Так, о проблеме адекватного определения понятия и использования категории «источник права» говорил в 2002 г. своем выступлении на всероссийской научной конференции, специально посвященной этой теме, Ю. И. Гревцов. Им была отмечена множественность значений слова «источник» и указано на то, что юристы преимущественно пользуются лишь одним из значений этого термина. Выступающий сформулировал задачу более основательного согласования понятия «источник права» с множеством значений слова «источник». Ю. И. Гревцов предложил понимать под источником права в собственном смысле слова материальные источники права, являющиеся продуктом разных видов правотворчества: спонтанное правотворчество (правовой обычай), правотворчество посредством создания конкретных норм (правовой прецедент, кияс и т. п.), правотворчество посредством создания общих юридических норм (нормативно-правовые акты и юридическая доктрина), заимствование правовых ценностей, созданных прошлыми поколениями [1, с. 209].

Еще раз делаем акцент на том обстоятельстве, что тот или иной вариант решения конкретным автором (группой ученых) вопроса о сущности источников права во многом зависит от решения им (ими) вопроса о сущности самого права, т. е. от школы правопонимания, к которой он (они) относится.

М. Н. Марченко справедливо указывает, что решение вопросов, касающихся понятия формы права и его соотношения с понятием источника права, производно от решения проблем правопонимания и определения самого понятия права. «От того, на каких методологических позициях находится исследователь, придерживается ли он, скажем, позитивистских воззрений или же разрешает проблемы правопонимания с позиций естественного права, в полной мере зависят и его представления о формах и источниках права» [5, с. 3].

Тезис о том, что в основе любой доктрины лежит тот или иной тип научного правопонимания, не нуждается в доказательстве. В полной мере это относится и к доктрине источников права.

Т.В. Гурова предлагает придать источнику права статус многозначного научного понятия и обращается к коллегам с предложением достичь определенных договоренностей относительно его грамотного использования в контексте теории государства и права. По мнению автора, при использовании термина «источник права» целесообразно присоединение к нему дополнительных определяющих

слов, очерчивающих сферу его применения: социальный источник, политический источник, формальный источник и т. д. [2, с. 7].

Безусловно, что использование категории «источник права» в самом узком значении обедняет наличное теоретико-правовое знание. В наши задачи не входит детальное семантическое, логико-юридическое и пр. исследование искомого понятия, однако, на наш взгляд, правы те из авторов, которые исходят из посыла, что право — это сфера должного, а не сущего. «Поэтому изначально оно может иметь и действительно имеет внеправовую основу, поскольку является продуктом (следствием) развития общества, его экономических, политических, идеологических, социальных детерминантов. Способ производства материальных благ, формы их распределения, деятельность государства, политические отношения в обществе, расстановка классовых сил, идеология, господствующая (главенствующая) в обществе, социальная структура общества выступают внеправовыми (доправовыми) источниками права» [6, с. 361–362].

По нашему мнению, выше речь идет ни о чем ином, как о понимании явления «источник права» в материальном смысле, в значении «база формулирования правил поведения, закрепленных в нормах права, их начало». Эта база действительно может лежать в разных плоскостях: экономической, политической, идеологической, культурной, этнической и др. В этом отношении приведенное выше предложение Т. В. Гуровой представляется вполне разумным.

И в соответствии с этим предложением полагаем необходимым выделить в качестве разновидности источника «научный источник» права. Это и есть доктрина.

Не каждая научная теория (взгляд, мысль, концепция, идея) становится доктриной (источником права), а лишь такая, которая строго научно обоснована, авторитетна — признана научным сообществом и практиками-реализаторами правовых норм, имеет научно-прикладной и практический характер, обладает регулятивными возможностями.

Таким образом, предлагается категорию «источник уголовного права» рассматривать в двух основных значениях:

1) Источники права в материальном смысле, в значении «естественные, материальные, психологические и интеллектуальные факторы формирования правовых норм, их отправные начала». Среди них выделяются разновидности: культурологические (цивилизационные) [7, с. 138], экономические, политические, научные и т. п. К ним, прежде всего, относятся правовые обычаи, правовые принципы и юридическая доктрина.

2) Источники права в формально-юридическом смысле, в значении «формы внешней фиксации, официального формального выражения правовых норм». Это, прежде всего нормативные правовые акты, в том числе политико-правовые документы типа «доктрина» и «концепция», договоры нормативного содержания и юридические прецеденты. Для российской правовой системы последний из перечисленных источников в целом нехарактерен, однако такие фактически существующие ее элементы, как документы Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, содержащие в себе так называемые «правовые позиции», обладают отдельными свойствами прецедента и играют важную роль в функциональной структуре правовой системы России. В свою очередь, на формирование судебных правовых позиций решающее влияние оказывает правовая доктрина.

Литература

1. Всероссийская научная конференция «Источники (формы) права: вопросы теории и истории» // Правоведение. 2002. № 4.
2. Гурова Т. В. Актуальные проблемы теории источников права: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2000. 188 с.
3. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 560 с.
4. Марченко М. Н. Источники права: учебное пособие. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. — 760 с.
5. Марченко М. Н. Форма права: проблемы понятия и значение // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2002. № 1. С. 3–15.
6. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2005. 811 с.
7. Спиридонов Л. И. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 1999. 300 с.
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1996. 480 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М.: НОРМА, 1998. 516 с.

ОПЫТ В СФЕРЕ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

© *Мамедова Анастасия Аскеровна*

магистрант 2-го курса обучения Юридического института,
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск
E-mail: anastasea.m@ya.ru

В работе исследованы методы борьбы со взяточничеством разных зарубежных стран. Автор рассматривает законодательство в части взяточничества на основании рейтинга Transparency International. В соответствии с данным рейтингом наиболее низкий уровень коррупции имеют Швеция, Сингапур и Германия. На основании рассмотренных методов борьбы со взяточничеством автор формулирует сильные стороны законодательства рассмотренных зарубежных стран в части ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: взяточничество; мелкое взяточничество; взятка; ответственность за взятку.

Anticorruption efforts of foreign countries are analyzed in this article. Author analyzes bribe legislation based on Transparency International rating. According to this rating the lowest corruption level can be found in such countries as Sweden, Singapore and Germany. Author formulated advantages of foreign countries' legislation about bribe liability as well as methods of anti-bribery.

Keywords: Corrupt practice; petty bribery; bribe; bribe liability.

Коррупция представляется глобальной проблемой и мирового сообщества, поскольку препятствует нормальному функционированию и социально-экономическому развитию общества. Согласно данным, полученным в ходе проведения всемирных социологических опросов международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру Transparency International в 2017 году. Индекс представляет собой оценку, где 0 баллов — это высокий уровень коррупции, а 100 — низкий уровень. Оценка России в данном списке составляет 29 баллов, оставаясь неизменной с 2015 года. На первых строчках рейтинга находятся Дания, Финляндия, Швеция, Новая Зеландия и Нидерланды — у них от 87 до 91 балла из 100 возможных, что указывает на минимальный уровень коррупции.

В связи с проблемами, которые имеют место быть в предупреждении коррупции в России, представляется целесообразным рассмотреть опыт борьбы со взяточничеством тех зарубежных странах, где эти вопросы решаются более успешно.

Особый интерес вызывает опыт Швеции, которая занимает 4 место в рейтинге Transparency International по уровню коррупции.

Отличительной особенностью и преимуществом УК Швеции является криминализация обещания взятки. Из этого следует, что данное преступление имеет формальный состав, в некоторой степени схожий со ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Преступление считается оконченным в момент выражения намерения дать или обещания получить взятку (произнесения, передачи через знакомых и т.д.) и влечет наказание в виде штрафа.

фа или лишения свободы на срок до двух лет, а в особых случаях — до 6 лет (что практически не применяется).

Наступление ответственности за предполагаемую взятку до совершения определенных действий является одним из главных элементов, способствующих выполнению превентивной функции.

Кроме того, подвергается уголовному преследованию гражданин, давший обещание до назначения на соответствующую должность, и после того как покинул свой пост, то есть не имеющий на момент обещания осуществления услуги за взятку возможности его реализовать.

Таким образом, цель уголовно-правового закрепления ответственности за взятничество в УК Швеции — стимулирование здоровых методов взаимодействия в обществе, открытой и честной конкуренции в сфере бизнеса.

Следующая страна, на примере которой будет рассмотрен опыт в сфере борьбы со взятничеством — это Сингапур.

В соответствии с рейтингом Transparency International Сингапур занимает 7 место.

Правовой базой является Закон о предотвращении коррупции (Prevention of Corruption Act). Сформулированное в нём определение взятки, называемой «коррупционным вознаграждением», которое охватывает любые имеющие стоимость материальные блага (в том числе деньги, подарки, гонорары, займы, ценные бумаги, контракты, освобождение от долгов или их погашение и т.п.), регулярно дополняется новыми поправками и уточнениями, призванными исключить двусмысленность толкования, которое может создавать «лазейки» для коррупционеров. [1, с.126].

В отличие от мировой юридической практики Закон устанавливает «презумпцию виновности» госслужащего: всякое вознаграждение, полученное чиновником от другого лица, будет считаться коррупционным стимулом или наградой за услуги, пока не будет доказано обратное. Причём доказательство невиновности возлагается на самого подозреваемого.

В соответствии со ст. 5 и 6 Закона подобное нарушение карается штрафом до 100 тыс. синг. дол. (около 80 тыс. дол. США) или тюремным заключением сроком от 5 до 7 лет. Неоказание помощи в проведении расследования антикоррупционного дела, например, сокрытие компрометирующей информации, также рассматривается как правонарушение и может повлечь наказание в виде штрафа до 10 тыс. синг. дол. (около 8 тыс. дол. США) или заключения под стражу сроком до 1 года либо оба наказания одновременно.

Исполнение предусмотренных Законом мер по борьбе с коррупцией опирается на эффективный механизм правоприменения в виде Бюро по расследованию случаев коррупции. Этот орган наделён широкими полномочиями: он имеет право без постановления суда задерживать и проводить обыски в отношении подозреваемых в коррупционных деяниях, «если на то есть основания»; вести расследование в отношении не только подозреваемого, но также его родственников и поручителей. В процессе исполнения своих функций Бюро обладает полной политической и операционной самостоятельностью. Его директор подчиняется исключительно главе государства, и никто другой не может вмешиваться и контролировать деятельность этого органа.

Следующий опыт в сфере борьбы со взяточничеством мы рассмотрим на примере Германии, которая занимает 10 место в рейтинге Transparency International.

На уровне законодательства в Германии установлен порядок декларирования доходов служащих государства, однако распространяется он только канцлера, министров и депутатов Бундестага.

В целях противодействия коррупции в ФРГ был принят ряд мер законодательного и административного характера. В 1997 г. вступил в силу Закон о борьбе с коррупцией с внесением изменений в Уголовный кодекс (УК) Германии [2, с. 524].

В системе наказаний уголовного закона ФРГ за коррупционные деликты предусмотрены такая эффективная мера правового принуждения, как конфискация имущества, добытого преступным путем, в пользу государства (§ 73 УК ФРГ).

В качестве позитивного международного опыта отмечается пристальное внимание к должностным лицам со стороны фискальных органов по качеству содержания налоговых деклараций о доходах и расходах [6, с. 14].

Некоторые решения, успешно реализованные в зарубежном праве, могут быть использованы российским законодателем в целях оптимизации уголовно-правовых средств борьбы с данным видом преступления. Так, например, предметом взятки по законодательству стран Европы признаются выгоды и блага как имущественного, так и неимущественного характера.

Положительной чертой законодательства многих зарубежных стран является дифференциация ответственности взяточполучателя в зависимости от обусловленности его действий незаконным вознаграждением (разграничение взятки-подкупа и взятки-благодарности).

Существенным плюсом законодательства ряда стран Европы является то, что получение взятки признается оконченным не только с момента фактического принятия лицом незаконного вознаграждения, но и с момента дачи согласия его принять.

Пример эффективного противодействия коррупционным преступлениям посредством применения уголовно-правовых средств в настоящее время демонстрируют, в первую очередь государства, принадлежащие к англо-саксонской правовой системе. Поскольку, объективный характер возникновения и развития коррупции, вызван в конечном итоге сущностными особенностями капиталистической социально-экономической системы, особый интерес представляет практика тех государств, где структурные преобразования дали наибольшие результаты и тем самым создали предпосылки для успешного экономического роста.

Слепое копирование зарубежного опыта, не принесет нашей стране пользы в противодействии взяточничеству, однако некоторые решения, успешно реализованные в зарубежном праве, могут быть использованы российским законодателем в целях оптимизации уголовно-правовых средств борьбы с данным видом преступления. Так, например, предметом взятки по законодательству большинства штатов США и многих стран Европы в отличие от России признаются выгоды и блага как имущественного, так и неимущественного характера.

Положительной чертой законодательства многих зарубежных стран является дифференциация ответственности взяточполучателя в зависимости от обуслов-

ленности его действий незаконным вознаграждением (разграничение взятки-подкупа и взятки-благодарности).

Существенным отличием законодательства ряда стран Европы от положений УК РФ является то, что получение взятки признается оконченным не только с момента фактического принятия лицом незаконного вознаграждения, но и с момента дачи согласия его принять.

Круг субъектов получения взятки по законодательству стран Европы и США, как правило, шире, нежели категория лиц, подпадающая под признаки должностных в соответствии с российским уголовным законом, поскольку включает всех публичных служащих, а в ряде случаев и членов некоторых общественных организаций (например, партийные деятели по законодательству США).

Литература

1. Гладченко Л. В. Об опыте Сингапура по противодействию коррупции // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3(24). С. 126–138.
2. Индекс восприятия коррупции Трансперенси Интернешнл [Электронный ресурс] // URL: <http://www.transparencykazakhstan.org/UserFiles/file/CPI2008.pdf> (дата обращения: 10.02.2018).
3. Муравьев Ю. А. Понятие коррупции в уголовном законодательстве ФРГ // Вестник МГЛУ. 2012. № 23(656). С. 98–106.
4. Новикова О. С. Сравнительный анализ законодательной базы по минимизации коррупции в Германии и России // Безопасность бизнеса. 2010. № 2. С. 22–25.
5. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции информация об исследовании. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] // URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (дата обращения: 10.02.2018).
6. Савенков А. Н., Савенков А. А. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией и финансовыми преступлениями // Налоги. 2012. № 34. С. 14–22.
7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 524 с.

**ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ В РОССИИ**

© *Метелкин Антон Юрьевич*

магистрант 2-го года обучения,

Иркутский Юридический Институт (филиал) Университета Прокуратуры РФ

Российская Федерация, г. Иркутск

E-mail: anton-metyolkin@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния географических, климатических факторов на распространение различных видов наркотических средств на территории России. Анализируется актуальная статистика правоохранительных органов. Автора выделяет специфические особенности регионов России, влияющие на распространение тех или иных видов наркотических средств.

Ключевые слова: наркотические средства; психотропные вещества; незаконный оборот наркотиков; наркотрафик; география преступности.

The article is devoted to the analysis of the influence of geographical and climatic factors on the distribution of various types of drugs in Russia. Analyzed current statistics of law enforcement. The author highlights the specific features of the regions of Russia that affect the distribution of certain types of drugs.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, drug trafficking, drug trafficking, crime geography.

Наркомания занимает одно из центральных мест среди множества проблем, стоящих перед российским обществом, являясь глобальной угрозой здоровью населения и национальной безопасности в целом. Распространение наркомании на территории бывшего Советского Союза и, в первую очередь, в России в последние десятилетия происходило угрожающими темпами. По оценкам экспертов, ежегодно жертвами наркомании в России становятся десятки тысяч человек. Это лишь те, кто гибнет от передозировок. Еще сотни тысяч людей становятся социально-дезорганизованными, пополняют ряды криминалитета [1, с. 162].

В настоящее время криминальная статистика показывает высокий уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее — НОНСиПВ). Так, если в 1991 году доля преступлений этого вида в общей структуре преступности составляла менее 2%, то в настоящее время она достигает 10% (199228 по итогам 2018 года) [2].

Стоит отметить тот факт, что самыми «зараженными» наркоманией являются регионы с относительно небольшой численностью населения. Так, первые места в рейтинге по количеству преступлений, связанных с НОНСиПВ на 1000 чел. занимают Магаданская область (8,5 преступлений), Республика Тыва (7,7), Приморский Край (7,5), Амурская область (6,4), Сахалинская область (6,2), Еврейская автономная область (5,6), Республика Бурятия (5,4) [3].

За последнее десятилетие ежегодно правоохранительными органами и изымается более 30 тонн различных видов наркотиков. Треть всех известных изъятых наркотиков составляют натуральные каннабиноиды. При сложении с синтетическими каннабиноидами, количество преступлений, связанных с наркотиками

каннабисной группы (где они также были либо единственным, либо самым крупным по объёму изымаемым нарковеществом), составит почти половину (47,4%) всех наркопреступлений. На втором месте героин, а после — наркотики амфетаминового ряда, которые приближаются к показателю преступлений с синтетическими каннабиноидами. Затем с большим отрывом идут иные опиаты (включая метадон), мак и его производные, дезоморфин и другие наркотические вещества [3].

Массовая распространённость натуральных каннабиноидов по данным МВД и ФСКН в основном характерна для южных регионов страны (Северный Кавказ, Поволжье, Алтай), а также для центральной России. Объяснение такой популярности можно найти в благоприятном климате, плодородной почве и росте конопли с высоким содержанием тетрагидроканнабинола в указанных регионах. Так, например, только в Северо-Кавказском регионе, по экспертным оценкам специалистов ФСКН России, засорено дикорастущей коноплей свыше 1500 га земельных угодий [4, С. 24]. Следует отметить, что каннабиноидная группа натуральных наркотиков включает в себя марихуану и гашиш, которые производятся непосредственно из конопли. Также значимым фактором распространения каннабиноидов является высокие темпы миграции людей из Кавказских регионов и Ближнего Востока, где также этот наркотик является популярным. Нельзя сбрасывать со счетов и близость границ других государств (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), являющихся транзитными пунктами из «сердца» мирового наркотрафика — Афганистана.

Говоря о географическом положении регионов, нельзя не обратить внимание на распространённость стимуляторов (амфетамина, метамфетамина, экстази, МДМА) в Псковской, Ленинградской, Новгородской областях. Наркотические средства этой группы изготавливаются в подпольных лабораториях в Голландии, Германии, Польши. В Россию они поступают нелегально транзитом через государства Балтии [4, С. 26]. Труднодоступность одних и близость других влияет на цену и соответственно популярность того или иного наркотика.

По данным ФСКН и МВД одни из самых дешевых наркотиков являются каннабиноиды, цена в среднем по России составляет 16 долларов за грамм. При этом нужно учитывать, что одна средняя доза составляет 0,3-0,4 грамма такого наркотика. Самым дорогим, а значит и редким является кокаин, цена которого превышает 170 долларов за грамм. Такая цена вероятно связана с большой удаленностью от мирового центра производства кокаина — Латинской Америкой (Перу, Колумбия, Эквадор). Вторым по популярности наркотиком является героин. Средняя его цена за один грамм составляет 80 долларов, при этом одна доза равна примерно 0,1 г, что делает этот вид наркотика доступным. Однако, не каждый рискнёт употреблять такой условно «тяжелый» наркотик, вызывающий сильную зависимость, в отличие от синтетических каннабиноидов (спайсов) или амфетамина.

Экспертные оценки внешних наркоугроз и анализ внутренней наркоситуации показывают, что с 1990-х гг. для России наиболее острой являлась героиновая проблема. По указанной причине силы и средства отечественных правоохранительных органов и спецслужб преимущественно направляются в сторону противодействия героиновой наркоэкспансии. Таким образом, другая, не менее опасная угроза в лице контрабандных поставок наркотиков синтетической группы

как бы остались в тени героиновой угрозы, в результате чего она приобрела в России особую специфику, получила распространение, сохраняя латентность.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в России имеет два источника: внутренний и внешний. Первый источник характеризуется преобладанием натуральных каннабиноидов (марихуаны и гашиша), которые производятся из конопли, распространённой в южных широтах страны. Лёгкая доступность, фактическая бесплатность сырья, простота производства создают условия для высокой популярности этого вида наркотиков. Яркий тому пример — Республика Тыва, где за 2014 год из 1032 преступлений 1023 (99% из общего количества) было связано с натуральными каннабиноидами. Факт популярности марихуаны и гашиша с большой долей вероятности подтверждается сезонными колебаниями НОНСиПВ. Наблюдается всплеск совершения преступлений в данной сфере в сентябре-октябре. К этому времени и происходит созревание конопли, 11 этап органогенеза — накопление питательных веществ и масел в семенах. При этом нужно принять во внимание, что целый месяц уходит на производство конечного продукта (т.н. «сушка» и «пролечка»).

Остальная масса наркотиков ввозится в страну контрабандно из-за рубежа. В Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах доля контрабандно ввезенных наркотиков достигает 80%. Из Центральной и Юго-Восточной Азии в Россию поставляются крупные партии опия и героина, с территории Китая и Северной Кореи поступают эфедриносодержащие препараты, из Западной Европы — синтетические наркотики, из стран Латинской Америки — кокаин [5, С. 459]. По оценкам экспертов ООН, в настоящее время Северный Кавказ является южными воротами евразийского наркотрафика, через которые проходят крупнейшие партии афганского, таджикского, пакистанского, иранского героина, доставляемого этническими и транснациональными организованными преступными группами во все области Российской Федерации, а также в Европу и США.

Исходя из вышеизложенного следует выделить несколько факторов формирования НОНСиПВ. Во-первых, это климатические и сельскохозяйственные условия региона. При благоприятном климате, плодородной почве и преобладании внутреннего источника оборот сильно тяготеет к местным наркотикам. Сезонные колебания показателей изъятия подтверждает стадии органогенеза конопли и процессов её обработки (изготовления, производства). Во-вторых, это достаточное экономическое развитие региона и низкий индекс экономического расслоения общества — они создают предпосылки для большего разнообразия наркотических средств. Так, у людей при наличии денег появляются возможности, а с ними и желание попробовать эксклюзивные виды. В-третьих, как ни странно, большое значение имеет географическое положение, а именно близость к каналам транзита. Таким образом при низких доходах населения, невыраженной урбанизации и наличии сырьевой базы в НОНСиПВ региона будет преобладать марихуана и (или) гашиш (Тыва, Бурятия, ЕАО). При отсутствии внутреннего источника большую роль будет играть расстояние до каналов транзита. Так при близости к каналам героина соответственно будет много героина, но это характерно в основном для регионов, где доходы населения в основе своей ближе к средним. Для «бедных» регионов будут часто проявляться такие виды, как дезоморфин, кодеин, ацетилморфин. Отдаленность от транзитных путей героина либо там, где каналы его поставки перекрыты, популярностью пользуются синтетические каннабиноиды (спайсы). При близости к Польше и Прибалтике в обо-

роте появляются стимуляторы (амфетамин, метамфетамин), а при близости к Северо-Восточной Азии — эфедриновые препараты. Для крупных городов, где проживают люди с достаточно высокими экономическими возможностями, в целом характерен широкий спектр наркотиков, так как эти города внутреннего источника НОНСиПВ не имеют, однако этот спрос на «товар» очень высокий. В качестве примера можем привести такие города как Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск, где за 2014 — 2018 годы изымалось из незаконного оборота большое количество самых различных видов наркотиков, начиная от дезоморфина и заканчивая кокаином.

Литература

1. Радченко С. А. Оценка внешних наркоугроз и контрабанды наркотических средств синтетической группы в Россию // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 160–162.
2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_rate
3. Институт проблем правоприменения [Электронный ресурс]. URL: http://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/FSKN_MVD_memo_2015_web.pdf
4. Ужахов А.С. Криминологическая характеристика и профилактика незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (по материалам Северо-Кавказского и Южного федеральных округов) : автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Рязань, 2014. С. 23–26.
5. Исаев И. И. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 458–460.

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

© *Номогоева Ирина Александровна*

студент 1-го курса Института публичного права и управления,
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Российская Федерация, г. Москва
E-mail: nomogoeva14@gmail.com

© *Номогоева Марина Александровна*

помощник прокурора,
Прокуратура Иволгинского района Республики Бурятия
Российская Федерация, 671050, пос. Иволгинск, ул. Ленина, 4а
E-mail: tikhon1812@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты, связанные с объективной стороной провокации взятки либо коммерческого подкупа. Особое внимание уделяется проблеме неточного использования терминов при конструкции деяния, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Рассматривается вопрос о расширении сферы уголовно-правовой защиты общественных отношений, которые охраняются ст. 304 УК РФ.

Ключевые слова: провокация, провокация преступления, провокация взятки, провокация коммерческого подкупа, объективная сторона преступления.

In article some problem aspects connected with the objective party of provocation of a bribe or commercial bribery are considered. Special attention is paid o a problem of inexact use of terms at a design of the act provided by Art. 304 of the criminal Code of the Russian Federation. The issue of expanding the scope of criminal law protection of public relations, which are protected by article 304 of the criminal code.

Keywords: provocation, crime provocation, provocation of a bribe, provocation of commercial bribery, objective party of crime.

Проблема определения термина «провокация преступления» в теории уголовного права все еще остается нерешенной и дискуссионной. Самое первое с чего стоит начать для уяснения определения провокации — это его этимологии. Провокация была заимствована в 19 веке из французского языка от слова «prouvocation», которое в свою очередь произошло от латинского «prouvocatio», что означало «побуждать, вызывать, бросать вызов, подстрекать» [8, с. 243].

А также, лексическое (терминологическое) значение понятия «провокация» выражается в следующих определениях, содержащихся в толковых словарях: 1) возбуждение, науськивание [1, с. 1238], 2) предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия [4, с. 607].

Рассматриваемые дефиниции провокационной деятельности не полностью раскрывают ее применительно к уголовно-правовой науке. Поэтому следует рассмотреть, как в юридической литературе рассматривается понятие «провокация».

Так, А. А. Мастерков считает, что провокация — это вовлечение другого лица в совершении преступления, совершенное с целью наступления вредных для этого лица последствий [3, с.3]. С. Ю. Радачинский определяет провокацию, как умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на модели-

рование такого поведения у другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения [6, с. 63]. М. Ю. Тихомиров считает, что провокация — это подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т. п. к действиям, которые могут повлечь тяжкие последствия [7, с. 366].

Вышеприведенные позиции определяют провокацию, как воздействие, подстрекательство, побуждение лиц к совершению противоправных действий, искусственное создание преступления не самим провоцируемым, а вместо него провокатором.

Из указанных понятий возможно вывести следующие признаки провокации преступления:

1) Особая цель провокации: использование факта совершения преступления провоцируемым лицом против интересов последнего. Например, для привлечения провоцируемого лица к уголовной ответственности, для угрозы разглашения факта совершения деяния, для причинения провоцируемому лицу иного вреда.

2) Возможность волеизъявления провоцируемого. Провокация по своему смыслу предполагает возможность выбора модели поведения провоцируемым лицом. Нельзя считать провокацией такое воздействие на провоцируемое лицо, которое лишает его возможности руководить своими действиями.

3) Деяние провоцируемого лица нарушает нормы уголовно-правового законодательства.

4) Деяние провоцируемого лица является следствием побудительного воздействия провоцирующего лица, между ними имеет место причинная, а не обуславливающая связь. Так, само по себе не может считаться провокацией согласие, одобрение предстоящего деяния провоцируемого лица, создание благоприятных условий для его совершения. Способы провокации могут быть различны: предложение, совет, просьба, обещание или предоставление выгод, угроза причинения вреда (жизни, здоровью, имуществу, чести, достоинству, репутации, интересам) или реальное причинение вреда.

Сущность провокации может заключаться в следующем:

1) Провокация — частный случай подстрекательства к совершению преступления. Однако данное утверждение достаточно спорно. Одни ученые считают, что «подстрекательство и провокация — взаимопроникающие понятия: не всегда провокация является подстрекательством, и не всякое подстрекательство является провокацией, но, несомненно, определенные деяния отвечают как признакам провокации, так и признакам подстрекательства. Соответственно, провокацию одновременно можно рассматривать как подстрекательство, если: — деяние провоцируемого лица является умышленным преступлением; — провоцирующее и провоцируемое лицо обладают признаками субъекта преступления; — побуждение имеет конкретизированный характер: провоцирующим лицом выражены, по меньшей мере, объект, вид преступления и потерпевший (если вид преступления предполагает наличие потерпевшего); — побудительное качество воздействия провоцирующего лица осознается провоцируемым лицом» [2, с. 75]. Указанные соображения были закреплены в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 8 июня 1946 года, в котором отмечено, что лицо, спровоцировавшее другое лицо на совершение преступления, хотя и с целью последующего изобличения, должно отвечать как за подстрекательство к совершению преступления [2, с. 75].

Другие — что провокация не может являться подстрекательством ввиду отсутствия единства умысла провоцирующего и провоцируемого лица [5, с. 43]. С данной точкой зрения стоит согласиться и еще по той причине, что лицо подстрекающее другое лицо на совершение преступления своими действиями причиняет вред тем общественным отношениям, на которое направлено само преступление, на совершение которого подстрекают. А в случае провокации лицо причиняет вред только общественным отношениям, связанным с интересами правосудия и с интересами государственных органов, а именно правоохранительных органов, призванных бороться с преступностью.

Сущность провокации установить очень сложно по той причине, что нет единства, как в науке, так и в законодательстве РФ. Поэтому провокация это определенная деятельность, направленная на склонение лица к совершению противоправных действий с тем, чтобы в последующем провоцируемое лицо претерпело меры негативного характера, которые будут связаны с спровоцированным противоправным действием. Данное определение тождественно с тем определением, которое содержится в ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» а именно подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий

Можно остановиться и на вышеуказанных определениях провокации, определить сущность таких действий и выявить признаки. Однако при анализе уголовно-правовых норм, мы видим ст. 304 УК РФ, которая предусматривает ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. Изначально возможно ошибочно рассматривать ее как частный случай провокации, в виде склонения и побуждения к взяточничеству и коммерческому подкупу. При дальнейшем анализе ст. 304 УК РФ видно, что это не так. В ст. 304 УК РФ провокация, как деяние, выражается в противоправных действиях, направленных на создание видимости совершения преступления лицом, которое об этом не подозревает. Ни о каком склонении и побуждении лица к перечисленным преступлениям не идет речи.

В данном случае, основываясь только на законодательстве РФ, можно вывести две разновидности провокации — это провокация в уголовном правовом смысле, которая содержится в ст. 304 УК РФ, и провокация в уголовно-процессуальном (служебном) смысле, запрещенная ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Нужно четко отличать два существующих значения термина провокация в законодательстве, так как результаты проведенного опроса показали, что преобладающая часть правоприменителей не отличает указанные значения.

А на практике вопрос о провокации приобретает особую актуальность в связи с выявлением и расследованием преступлений, характеризующихся высокой латентностью, например, в сфере коррупции, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Лица, призванные бороться с преступностью, должны приложить немало усилий для изобличения виновных в совершении этих преступлений. Нередко правоохранительные органы прибегают к не совсем законным методам и способам борьбы с преступлениями. Указанные методы могут нарушать конституционные права и законные интересы граждан. Это усугубляется тем, что расследование таких преступлений тесно сопряжены с проведением оперативно-розыскных мероприятий.

В силу высокого уровня негласности таких мероприятий, которая характеризуется односторонней деятельностью со стороны сотрудников, возникает вопрос о возможных вольностях с их стороны, которые продиктованы желанием улучшить статистику либо получить неправомерное вознаграждение за преследование определенных «неудобных» лиц, а так же продиктованы необходимостью исполнения неправомерного, порой негласного, приказа вышестоящего должностного лица, который оказывает давление на своих сотрудников, служебная солидарность.

Так же, создание видимости в ст. 304 УК РФ безосновательно сужена досоздание видимости получения взятки либо коммерческого подкупа. На наш взгляд, создать видимость и инсценировать возможно и иные преступлений и 75 % опрошенных правоприменителей считают, что можно инсценировать в том числе незаконный оборот наркотических средств или оружия.

На основании вышеизложенного, нами предлагается следующая редакция статьи 304 УК РФ:

«Статья 304. Искусственное создание факта совершения преступления

Искусственное создание факта совершения преступления — это умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на формирование определенного поведения другого лица, а равно обстановки вокруг него, которые будут обладать всеми внешними признаками преступления с целью создания искусственных доказательств обвинения...»

Предлагается предусмотреть в редакции ст. 304 УК РФ наличие следующих квалифицирующих признаков: в зависимости от категории тяжести искусственно созданного события преступления (небольшой или средней тяжести, а также тяжкого или особо тяжкого), в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, совершение действий группой лиц по предварительному сговору, повлекшие наступление тяжких последствий, с использованием должностного положения.

Второе значение провокации в существующем законодательстве содержится в ст. 5 ФЗ Об ОРД. Это служебная (полицейская) провокация, под которой понимается подстрекательство, склонение, побуждение к совершению противоправных действий. Для того, чтобы запрет на осуществление такой деятельности реализовывался и соблюдался, необходим законодательно отрегулированный механизм привлечения к ответственности в случае нарушении данного запрета

С учетом вышеизложенного представляется возможной криминализация ответственности за служебную провокацию преступления при условии существенного нарушения прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства. Нами предлагается внесение квалифицирующего признака в ст. 286 УК РФ — превышение должностных полномочий, в виде — провокации преступления, под которой будет пониматься деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению преступных действий.

Предложенные изменения основаны на выявленных в ходе исследования пробелов правового регулирования, неточностей в употреблении юридических терминов и категорий и поэтому представляются соответствующими складывающимся общественным отношениям.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка. М.: Рипол Классик, 1994. Т.3. 1238 с.
2. Кокунов А. И. Понятие и уголовно-правовое значение провокации // Альманах современной науки и образования. 2015. № 1. С. 73–76.
3. Мастерков А. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Владивосток, 2000. 18 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009. 736 с.
5. Радачинский, С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.08. Н. Новгород, 2011. 367 с.
6. Радачинский С. Н. Юридическая природа провокации преступления / С. Н. Радачинский // Уголовное право. 2008. № 1. С. 63–68.
7. Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. М.: Юр. литература, 1997. 366 с.
8. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 400 с.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

© *Эрхитуева Татьяна Ильинична*

канд. юр. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Email: tanja_77@mail.ru

© *Федюшина Любовь Сергеевна*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета
Email: lyubov89148371409@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

В статье рассматриваются некоторые вопросы восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания. Автор анализирует различные точки зрения на социальную справедливость. Рассматривает решения судов Республики Бурятия. В заключении автор определяет цель восстановления социальной справедливости в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели уголовного наказания, справедливость, социальная справедливость, назначение уголовного наказания.

The article discusses some issues of restoring social justice as a goal of criminal punishment. The author analyzes the different points of view on social justice. Considers decisions of the courts of the Republic of Buryatia. In conclusion, the author defines the goal of restoring social justice in criminal law.

Keywords: criminal punishment, goals of criminal punishment, justice, social justice, criminal punishment.

Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания впервые получила свое закрепление в Уголовном кодексе РФ [1]. Несмотря на это, законодатель не определяет, что понимается под «восстановлением социальной справедливости», термин «справедливость» используется в ст. 6, ч. 1 ст. 60 Уголовного кодекса РФ, а также, например, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [2]. Это обстоятельство породило неоднозначность толкования понятия социальной справедливости.

Восстановление социальной справедливости означает восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства. Материальный ущерб в этой связи возмещается штрафом и вычетами при реализации исправительных работ и ограничения по военной службе. Физический вред, восстановлению не подлежит или же компенсируется расходами на лечение. С последним утверждением невозможно согласиться, поскольку взыскание компенсации за расходы на лечения относится сфере действия гражданского права и не имеет непосредственной связи с уголовным наказанием.

При этом, чтобы обязать виновного устранить причиненный материальный и моральный вред реализация уголовного наказания не нужна. Виновный обязан сделать это в силу предписаний норм гражданского права, поэтому совершение этих действий не является целью наказания.

Очевидно, возмещение материального и морального вреда не реализуется посредством наказания, а выходят за рамки уголовного права. Соответственно определять сущность восстановления социальной справедливости через такого рода возмещение нельзя.

Еще одним аргументом против подобного толкования данной цели служит факт того, что в подтверждение своих позиций сторонники компенсационного подхода рассматривают ограниченный круг деяний, последствия которых можно измерить и, соответственно, соразмерно восстановить прежнее состояние. Таким образом, возможность реализации восстановления социальной справедливости возлагается выборочно, на отдельные виды наказаний. Такой подход неверен, поскольку восстановление социальной справедливости обозначено как цель наказания в общем, а не как цель штрафа, исправительных работ и ограничения по военной службе.

Трактовка категории восстановления социальной справедливости только с точки зрения экономических благ неверна, поскольку справедливость не ограничивается экономическим содержанием, а охватывает целый комплекс прав и обязанностей.

Представляется, что наиболее правильно было бы трактовать социальную справедливость с точки зрения реализации интересов общества в целом.

Не зря законодатель указал именно на социальность как на качественный критерий справедливости. С. Б. Кармашев верно отметил, что термин «социальный» может иметь значение в данном случае только при противопоставлении его индивидуальному [3, с. 31]. Социальная справедливость, в отличие от индивидуальной справедливости, содержит типичные, универсальные образы, что позволяет их использовать для обобщения явлений. Социальное имеет место тогда, когда явления формируются помимо воли и действий конкретного индивида. И эти модели воплощаются независимо от воли конкретного человека в его поведении. Различные нравственные нормы действуют в различных общностях людей по-разному и зависят от сознания конкретных индивидов и социальных групп. Посему очевидно, что удовлетворить интересы и осужденного, и потерпевшего одновременно вряд ли возможно, поскольку эти интересы во многом противоположны и основаны, в том числе, на индивидуальных особенностях личности. Именно поэтому восстановить социальную справедливость можно лишь в глазах общества в целом, но никак не на уровне конкретных индивидов.

К. Н. Шутов рассматривает необходимость восстановления социальной справедливости как следствие самого понятия права как «нормативов справедливости» [7, с. 62].

То есть, по мнению автора, справедливость представляет собой состояние правопорядка, в связи с чем каждое преступление становится посягательством на справедливость. Схожей позиции придерживается А. В. Наумов, говоря о том, что право закрепляет определенный уровень прав и обязанностей, нарушение которых всегда представляет собой несправедливость [4, с. 56].

Так или иначе, в результате совершения преступления отрицаются общепризнанные ценности определенного характера с одной стороны, и утверждает ценности иного характера. То есть преступление нарушает соотношение признанных обществом ценностей, дестабилизируя психологическое спокойствие и создавая чувство тревожности. Эти последствия и призвана устранить цель восстановления социальной справедливости.

В. В. Похмелкин считает проявлением восстановления социальной справедливости, во-первых, удаление виновного лица из системы общественных отношений; во-вторых, нормализацию морально-психического спокойствия населения [5, с. 90]. Представляется, что первое проявление выделять не имеет смысла, поскольку на общественное сознание положительным образом влияет не только факт ограничения виновного лица в правах, но и иные обстоятельства (в том числе реализация всех принципов и общих начал назначения уголовного наказания). Поэтому общим проявлением того, к чему стремится наказание при реализации данной цели, — восстановить систему нарушенных общественных отношений и сформировать в общественном сознании чувство защищенности, убежденности в решимости государства применять к виновным лицам уголовное наказание.

В. Д. Филимонов, говоря о социальной справедливости, указывал на то, что преступление отрицает справедливость общественных отношений и порождает социальную несправедливость. Следствием этого в действие приводятся нормы, требования которых проигнорировал преступник. В результате деятельности правоохранительных органов по реализации этих норм утверждается та справедливость, которая была первоначально заложена в системе общественных отношений и закреплена в правовых нормах.

При этом происходит воздействие двух факторов: прямого влияния на сознание лиц, имевших отношение к совершению преступлений, итогов применения наказания и влияния на сознание этих лиц определенной области общественного сознания, которая аккумулирует взгляды и представления людей о карательной деятельности государства за более или менее длительный период ее осуществления. При этом наказание может привести к восстановлению социальной справедливости только в том случае, когда оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [6, с. 186].

Указанные доводы подтверждаются практикой судов Республики Бурятия. Наказание отвечает требованиям закона, в том числе о справедливости, является соразмерным содеянному, оснований для его смягчения не установлено [9]. Принятое судом решение о назначении наказания в виде реального лишения свободы является мотивированным, для достижения целей наказания, восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений [10]. Исправление осужденного продолжается недостаточное время, а целью наказания, помимо исправления виновного, является восстановление социальной справедливости. Лишь в случае, если социальная справедливость, как основная цель наказания, достигнута до истечения срока наказания, можно говорить об условно-досрочном освобождении осужденного от отбытия наказания [11].

Таким образом, цель восстановления социальной справедливости можно определять как максимально возможное приведение в первоначальное состояние системы нарушенных преступлением общественных отношений посредством назначения (с учетом общих начал назначения наказания и основополагающих принципов) виновному лицу наказания, способного сформировать в общественном сознании чувство защищенности и удовлетворенности работой правоохранительных органов.

Социальная справедливость представляет собой скорее философскую и морально-этическую, а не правовую категорию, которая является далеко не однозначной в понимании. Само чувство справедливости достаточно абстрактно и неопределенно, содержание и средства достижения этой цели законодательно не определены, точно также как и в теории уголовного права нет единого подхода к их пониманию. Наиболее распространенная позиция, ограничивающая толкование названной цели до необходимости применения соразмерного наказания влечет простое дублирование принципа справедливости и не содержит чего-то нового. Неправильно считать, что социальная справедливость восстанавливается каждый раз, когда имеет место назначение виновному лицу соразмерного наказания [8].

В действительности социальная справедливость представляет собой более широкую категорию. В результате совершения преступления причиненный ущерб зачастую заключается в такого рода последствиях, которые не могут быть определены с помощью одних юридических критериев. Поэтому полностью восстановить социальную справедливость только лишь назначением справедливого наказания невозможно.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
3. Кармашев С. Б. Восстановление справедливости как цель уголовного наказания: дис. ... канд. юр. наук. Красноярск, 2004. 200 с.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т.1. Общ.ч. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. — 703 с.
5. Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 177 с.
6. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2003. 198 с.
7. Шутов К. Н. Конфискация имущества в российском уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: дис. ... канд. юр. наук. Томск, 2000. 168 с.
8. Вишнякова А. А. Проблемы целей уголовного наказания [Электронный ресурс]. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content> (дата обращения 28.01.2019).
9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 23 августа 2018 г. по делу № 22-1676/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 28.01.2019).
10. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 14 августа 2018 г. по делу № 22-1604/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 28.01.2019).
11. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия от 14 августа 2018 г. по делу № 22-1586/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 28.01.2019).

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

© *Халапханова Елена Юрьевна*

аспирант 1-го курса обучения юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: elena_halap@mail.ru

Повышение уровня правовой культуры населения существенным образом влияет на снижение количественных и качественных показателей преступности. Одним из средств повышения уровня правовой культуры является правовое просвещение. В настоящей статье предприняты попытки разработать дефиницию правового просвещения, правового просвещения как меры профилактики преступности и его характерных признаков.

Ключевые слова: правовое государство, профилактика преступности, правовая культура, правовое просвещение.

Increasing the level of legal culture of the population significantly affects the reduction of quantitative and qualitative indicators of crime. One of the means of raising the level of legal culture is legal education. This article attempts to develop a definition of legal education, legal education as a measure of crime prevention and its characteristic features.

Keywords: legal state, crime prevention, legal culture, legal education.

Россия, провозгласив себя правовым государством в 1993 году, постоянно развивает и совершенствует направления государственной политики в различных сферах жизнедеятельности в целях укрепления национального согласия, формирования в ней гражданского общества и поддержания общественной безопасности. Достижение поставленных перед государством целей предполагает высокий уровень правовой культуры, которая в свою очередь помогает реализовывать такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод.

Так, важным шагом к реализации этих задач стало утверждение Президентом 28 апреля 2011 «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Государственная политика осуществляется в отношении всего населения страны, определенных социальных групп и каждого человека, помимо этого, особое внимание уделяется формированию правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения. Так же и профилактика преступности направлена на три упомянутых уровня: общесоциальный, групповой и индивидуальный.

Пункт 15 Основ государственной политики первым из шести своих основных направлений называет правовое просвещение, но в то же время не раскрывает его понятие и основные признаки. В связи с чем, субъекты государственной политики при реализации мер сталкиваются с вопросами, касающимися сущности правового просвещения, его функций и отличий, к примеру, от правового информирования. Наша же задача не просто дать понятие правового просвещения, а охарактеризовать его как меру профилактики преступности.

На первоначальном этапе логичной будет постановка вопроса о генезисе термина «правовое просвещение». Однако обратившись к этимологическим словарям русского языка, нами не было найдено искомой информации.

Что касается лексики, то термин «просвещение» в первом значении, равнозначном глаголу «просветить», толкуется, как сообщить кому-нибудь знания, распространить где-нибудь знания, культуру. Во втором значении «просвещение» — это распространение знаний, образования [4, с. 504]. Таким образом, просвещение есть сообщение, распространение знаний.

Намного проще обстоят дела с определением термина «правовой». В рассматриваемом случае «правовое» просвещение значит содержащее информацию о праве, касающееся права, затрагивающее знания о праве.

По мнению профессора Ю. П. Гармаева, наиболее содержательное определение дано в Концепции правового просвещения до 2020 года, подготовленной Общественным советом при Уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае. Здесь «правовое просвещение следует понимать как целенаправленную и систематическую деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности, без которого нельзя обойтись, реализуя идею построения в России правового государства» [1, с. 63]. В приведенном мнении невозможно согласиться с определением просвещения как деятельности государства, поскольку оно слишком широкое и требует уточнения. Без сомнений просвещение, прочем как и информирование, и профилактика преступности — это деятельность государства, однако необходимо конкретизировать в какой форме или посредством выполнения каких действий эта деятельность осуществляется. Деятельность по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры отражает не формальную сторону, больше отвечает на вопрос не каким образом, а зачем, в каких целях. Что касается содержательной стороны правового просвещения, например, А. А. Жидких указывал, что правовое просвещение включает в себя правовое обучение (преподавание правовых знаний в образовательных заведениях), правовую пропаганду (распространение в доступной форме сведений о правовых актах) и правовое консультирование (разъяснения отдельным гражданам юридических норм) [2, с. 58].

В теоретико-правовом анализе А. И. Петрова приводится мнение Председателя Верховного суда Российской Федерации В.М. Лебедева, который определяет правовое просвещение как распространение в обществе знаний о праве и разъяснение положений действующих нормативно-правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убежденности в необходимости соблюдения законов и предупреждения правонарушений [6, с. 160]. Сам же автор, проводя анализ понятия правового просвещения с формальной и содержательной сторон, солидарен с точкой зрения, высказанной Председателем высшего судебного органа страны. Коль скоро происходит распространение специальных знаний — знаний о праве, разъяснение положений законов и подзаконных актов, а также практики их правоприменения, то возникает резонный вопрос о субъекте распространения и разъяснения такой информации. Прежде всего, предполагается наличие как минимум необходимого уровня образования и компетенций. Пункты 5 и 6 Основ государственной политики относят федеральные и региональные государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные

юридические сообщества и общественные объединения юристов, а также другие организации к участникам реализации государственной политики. Так же Е. И. Попова справедливо указывает, что реализация правового просвещения возлагается на государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества, общественные объединения юристов [7, с. 153]. Обязательное требование к участникам в реализации государственной политики это взаимодействие между собой и со структурами гражданского общества.

В. Ю. Шобухин, рассматривая проблему правового просвещения через призму прокурорской деятельности, называет его перспективным и эффективным средством привития членам общества уважения к праву, социальным ценностям, государству, обществу, отдельной личности, воспитания у граждан правовой культуры, в том числе выработки у них навыков пользования гарантированными законом правами и свободами, умения их отстаивать, учитывать законные интересы других лиц [8, с. 103]. Такой широкий подход к определению правового просвещения как средства привития уважения к праву, социальным ценностям, государству, обществу, отдельной личности не выдерживает критики, поскольку такое понимание правового просвещения основано на стыке психологии, социологии, педагогики, этики и культурологии.

Важно разграничивать задачи правового просвещения от его целей. Если цель можно легко охарактеризовать как желаемый законодателем результат, то сформулировать семантику задачи, напротив, затруднительно. Однако, определим задачу как проблему, которую законодателю нужно решить. Следует упомянуть о Приказе Генпрокуратуры России от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию», который регламентировал и разграничил проблему цели и задачи правового просвещения. Так, к задачам отнесено повышение уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия, а цель — недопущение совершения правонарушений или антиобщественного поведения [3, с. 1]. Между тем, Основы государственной политики в IV разделе называют следующие цели:

- 1) формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма;
- 2) повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности;
- 3) создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения;
- 4) внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм.

Таким образом, правовое просвещение — это распространение государственными органами, органами местного самоуправления, профессиональными юридическими сообществами, общественными объединениями юристов в обществе знаний о праве, нормативно-правовых актов, практики правоприменения в целях повышения уровня правовой культуры граждан и правосознания.

В одной из своих работ А. И. Петров критично оценивает непринятие в России в течение длительного времени законодательного акта, устанавливающего правовые основы профилактики правонарушений и преступлений, что, по его

мнению, способствовало недостаточному вниманию работе со стороны государства, в том числе и правоохранительных органов [5, с. 54].

Напомним, что в статье изначально была поставлена задача разработать дефиницию правового просвещения через криминологический аспект, а именно как меры профилактики преступности.

В этом случае нет необходимости обращаться к доктрине криминологии, поскольку Федеральный закон, принятый 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», легально определил понятие профилактики правонарушений как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Главное отличие термина «правовое просвещение» в смысле, заложенном в Основах государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания, от правового просвещения как меры профилактики преступности мы усматриваем в задачах и целях. Происходит трансформация цели правового просвещения в задачу правового просвещения как меры профилактики преступности. Опираясь на положения Основ, можно заключить, что цель правового просвещения заключается в повышении уровня правовой культуры населения. Во втором же случае посредством повышения уровня правовой культуры, достигается цель — недопущение совершения преступлений.

Таким образом, правовое просвещение как мера профилактики преступности — это распространение государственными органами, органами местного самоуправления, профессиональными юридическими сообществами, общественными объединениями юристов в обществе знаний о праве, нормативно-правовых актов, практики правоприменения, направленных на выявление и устранение причин и условий преступности, а также на повышение уровня правовой культуры и правосознания граждан в целях недопущения совершения преступлений.

На наш взгляд, такая дефиниция наиболее полно содержит признаки правового просвещения как меры профилактики преступности, среди которых выделим:

- 1) распространение знаний о праве, нормативно-правовых актов, практики правоприменения;
- 2) специальный субъект реализации — государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества, общественные объединения юристов;
- 3) адресованное неопределенному кругу лиц — гражданину, социальной группе, обществу в целом;
- 4) задачи — выявление и устранение причин и условий преступности, повышение уровня правовой грамотности и правосознания граждан;
- 5) цель — недопущение совершения преступлений.

Безусловно, рассматриваемая тема является дискуссионной, требующей системного подхода, разработки понятийного аппарата. В настоящей работе мы предприняли попытки комплексно подойти к понятию правового просвещения как меры профилактики преступности, выявить характерные черты и определить его особенности.

Литература

1. Гармаев Ю. П. Правовое просвещение и правовое информирование в головном процессе // *Глаголь правосудия*. 2015. № 1(9). С. 62–68.
2. Жидких А. А. Правовое просвещение граждан // *Законность*. 2010. № 8. С. 58–60.
3. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию: приказ Генпрокуратуры России от 02.08.2018 № 471 // *Законность*. 2018. № 9.
4. Ожегов С. И. *Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой*. 20-е издание стереотипное. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
5. Петров А. И. Деятельность прокуратуры по правовому просвещению как средство профилактики правонарушений и преступлений // *OeconomiaetJus*. 2018. № 3. С. 48–62.
6. Петров А. И. Понятие и содержание правового просвещения как особой функции органов прокуратуры (теоретико-правовой анализ) // *Вестник Чувашского университета*. 2012. № 4. С. 159–165.
7. Попова Е. И. Рекомендации по созданию средств правового просвещения (на примере памяток, адресованных широким слоям населения) // *Уголовная юстиция*. 2018. № 12. С. 152–158.
8. Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // *Электронное приложение к российскому юридическому журналу*. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2016. № 5(37). С. 100–106.

**ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
И ИХ РАЗВИТИЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

© *Храмченко Егор Игоревич*

студент 3-го курса юридического института,
Кемеровский государственный университет
Российская Федерация, г. Кемерово
E-mail: uri_nit@kemsu.ru

Автор приходит к выводу, что для эффективного противодействия террористической угрозе необходимо рассмотреть корни развития терроризма и дальнейшую его эволюцию в сети Интернет. В статье делается попытка проследить эволюцию террористических организаций на Ближнем Востоке. Рассматриваются вопросы использования сети Интернет для координации действий внутри террористических организаций, и указанному процессу дается прогностическая оценка.

Ключевые слова: экстремизм; «спящие ячейки»; Интернет; Ближний Восток.

The author comes to the conclusion that in order to effectively counter the terrorist threat, it is necessary to consider the roots of the development of terrorism and its further evolution on the Internet. The article attempts to trace the evolution of terrorist organizations in the Middle East. The use of the Internet to coordinate actions within terrorist organizations is considered, and a prognostic assessment is given to this process.

Keywords: extremism; dormant cells; Internet; Middle East.

В настоящее время некоторые авторы считают, что «Ближневосточный терроризм» берет свое начало от арабского национализма. Так, Е. М. Примаков [8, с. 23] выделяет целое явление под названием «арабская идентичность», которая отлична от европейской цивилизации, пришедшей колонизировать Восточный мир в конце XIX в. В этом плане интересным примером является так называемая политическая группа «Свободные офицеры». Террор как способ завоевания власти ими не отрицался, в организации даже была создана секция «Террористических организаций», но заметной роли в деятельности она не играла. Деятельность данной организации была направлена на подготовку к ответным действиям властей в случае репрессий. От террористических действий организация отказалась во время подготовки к захвату власти.

Также родоначальником «ближневосточного терроризма» можно назвать еврейскую подпольную организацию «Лехи» (букв. «Борцы за свободу Израиля») созданную в 1940 г. в Палестине и действующую до основания государства Израиль.

Деятельность «Лехи» не ограничивалось только индивидуальным террором. На Ближнем Востоке действовала и другая террористическая организация — «Эцель». Организация занималась массовым террором, как англичан, так и арабов. 22 июня 1946 год боевиками «Эцель» в отеле «Кинг Дэвид» был произведен взрыв, в результате которого было убито 91 и ранено 45 человек. Имея такой опыт террористической деятельности, израильские организации приступили к вытеснению арабов из Палестины, путем убийств и подрывов. В ходе многочисленных инцидентов погибли 254 мирных жителя. После создания государства Израиль террор стал широко практиковаться палестинскими организациями из соседних с Израилем арабских стран. Жертвами этого террора оставались мирные арабы и евреи.

Важную роль в деле борьбы с терроризмом сыграл СССР, выступая против даже самых справедливых террористических методов борьбы. Е. М. Примаков по этому поводу говорит: «В конце 1970 г. по заданию ЦК КПСС мы вместе с будущим послом в Иордании Ю. С. Грядуновым, в то время он был заведующим сектором Международного отдела ЦК, выехали в Бейрут убедить руководство НФОП прекратить угоны самолетов. Были трудные многочасовые переговоры, в которых приняло участие все руководство НФОП. Жорж Хабаш и другие говорили нам, что предпринимают угоны самолетов с целью заставить израильтян потребовать от своего правительства найти компромиссные решения с палестинцами. В ответ было сказано, что террористические акты не только неприемлемы, но они и контрпродуктивны, так как сплачивают население вокруг израильского правительства. Не всегда подобные демарши с нашей стороны завершались успехом, но в тот раз он был очевиден: руководители НФОП впоследствии подтвердили, что отказ от угона самолетов произошел под влиянием СССР» [8, с. 27–28].

Начиная с 1979 г. после ввода советских войск в Афганистан, в указанном регионе стали формироваться вооруженные формирования из местных жителей, так называемые моджахеды («борец за веру»). Зарубежные спонсоры в лице американского ЦРУ и британской МИ6 тратили огромные деньги на подготовку и снабжение моджахедов, прикрываясь идеями ислама — американцы играли в игру руками своих «подопечных» афганцев — игра была геополитическая. В этом же году правительство США официально стало финансировать антикоммунистические силы в Афганистане [2, с. 68].

Так началась операция «Циклон», которая длилась на протяжении с 1979–1989 гг. Действуя руками пакистанской разведки, американцы снабжали моджахедов оружием, боеприпасами и финансировали их деятельность и обучали афганские силы оппозиции. Геополитические цели были достигнуты американцами и финансирование «Исламской партии» Афганистана сразу же прекращено. Американцы не подозревали, что открыли «ящик Пандоры».

Из числа моджахедов начало формироваться движение «Талибан», а впоследствии и «АльКаида». Финансирование и деятельность ЦРУ были использованы США в условиях холодной войны. Бен Ладену позволяли нанимать единомышленников, в том числе и в США. Так, Е. М. Примаков указывал, что история зло посмеялась над теми, кто думал, что «АльКаида» останется послушным орудием [8, с. 29]. В 2006 году «АльКаида» дало начало другой более радикальной организации — «ИГИЛ».

В первые годы существования о данной организации знали только специалисты-востоковеды, но когда в 2014 г. эта организация стала проводить успешные операции на территории Сирии и Ирака, о ней стали говорить во всеулышание. На данный момент выдвигаются предположения, о том, как была создана группировка и почему она образовалась именно там, на границе Сирии и Ирака. По мнению экспертов и аналитиков (например, Кайл Ортон) большую роль в создании группировки сыграло вторжение и свержение режима Саддама Хусейна западной коалицией, последующая разруха в экономике привела к тому, что многие жители Ирака оказались за чертой бедности, а офицеры, оставшиеся преданными Хусейну ушли в подполье, тем самым организовав костяк группировки для борьбы с новой властью и западной коалицией. К примеру, большая часть оружия и боеприпасов попала именно с иракских военных складов в руки террористов [1, с. 26]. А далее все пошло, как снежный ком, не способная воевать иракская армия сдавала один

город за другим, Мосул, Тиркит. Казалось, что война с террористами будет проиграна, но группировка переключилась на территорию Сирийской Арабской Республики и с таким же успехом прошла по крупным городам: Ракка, Дэйрзор и с десятком более мелких городов. При завуалированной финансовой поддержке запада и США — группировка оставалась на плаву до тех пор, пока в 2015 г. российские ВКС не нанесли первый удар по террористам «ИГИЛ».

Пропаганда вышла на новый уровень развития с использованием сети Интернет, таким образом, боевики выдали свои идеи всемирного халифата, экстремизма и терроризма. На данный момент во всемирной паутине действует более 10 тысяч сайтов экстремисткой и террористической направленности, 500 из них русскоязычные. Так вербовщики боевиков действуют в социальных сетях в основном бедных стран, где процветает безработица, нарастают религиозные и классовые проблемы. Они привлекают молодых людей, суля им богатство и параллельно внедряя свои идеи «новобранцам». Разного рода видео порталы, на которые боевики выкладывают свои видео с идеями о всемирном «джихаде», стали их инструментом в агитации и распространении своих идей.

В современном мире существует еще одно из направлений террористов — дезинформация о теракте через сеть Интернет и телефонную связь (телефонный терроризм). На данный момент этим методом пользуются как активные террористические ячейки с целью дестабилизации и запугивания гражданского населения в той или иной стране, так и спящие ячейки, а так же террористы-одиночки, чьи действия гораздо сложнее предсказать спецслужбам. Возникает вопрос, а для чего, данные лица этим занимаются? Цели могут быть различны, например: срыв работы предприятия/мероприятия.

Способы совершения данного акта различны по своей технической сложности, так самый элементарный и проверенный способ — таксофон. В основном применяют подставные номера, программы изменения голоса, средства шифрования своего местопребывания. Существует полноценный софт, который помогает в осуществлении таких телефонных террористических актов. Также стоит обладать минимальными навыками социальной инженерии. В тоже время, спецслужбы так же не стоят на месте и какой-то серьезной проблемы для поимки виновных лиц не существовало. Сейчас по статистике 80 % подобных звонков были обычным хулиганством [3, с. 17; 5; 9, с. 16; 11].

В таблице 1 мы сравнили количество судебных решений, вынесенных судами первой и апелляционной инстанций по составам преступлений террористической и экстремисткой направленности, совершаемых посредством телекоммуникационных сетей и сети Интернет (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 282 УК РФ) за последние 5-ть лет [6].

Таблица 1

Сравнение числа судебных решений, вынесенных судами первой и апелляционной инстанций по составам преступлений предусмотренных ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 282 УК РФ

Судебная инстанция	ч. 2 ст. 205.2 УК РФ	ч. 2 ст. 280 УК РФ	ч. 2 ст. 282 УК РФ
Суд первой инстанции (в абс. ед.)	63	34	98
Апелляционная инстанция (в абс. ед.)	55	16	29
% судебных решений оставленных без изменений	88	87	67

Видно, что судебные решения, выносимые судами первой инстанции в большей своей части остаются без изменений в случае их пересмотра судами апелляционной инстанции. Относительно невысокое количество судебных решений вынесенных судами первой инстанции по составу преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ и направленных на пересмотр в апелляционную инстанцию, можно объяснить эффективной работой следственных органов в плане сбора и фиксации доказательственной базы. С другой стороны, относительно высокое количество обвинительных приговоров по составу преступления предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ объясняется тем, что до 2018 года к уголовной ответственности привлекали фактически за любое размещение в сети Интернет информации экстремистского характера. С 2018 года уголовные дела стали возбуждать только в том случае, если имеются достаточные основания считать, что лицо разместившее материал экстремистского содержания имело цель разжечь ненависть или вражду между этническими и религиозными группами [7]. И действительно, по сравнению с 2017 годом, количество преступлений экстремистской направленности, уголовные дела о которых направлены в суд, снизилось на 14% [10].

Таблица 2

Сравнительная характеристика развития террористических движений на Ближнем Востоке

Название этапа	Периоды	Характеристика	Методы	Сравнительный анализ	Перспектива и прогноз
Зарождение терроризма	1922–1945	Политический террор против конкретных лиц	Запугивание, убийство отдельных целей	Террор направлен на достижение политических интересов	-
Становление организаций	1945–1979	Террор, направленный на мирное население с целью запугивания	Массовые убийства, подрывы, организованное сопротивление	Террор приобретает масштабный характер и направлен на определенные этносы	-
Применение террора как геополитическое оружие	1979–2006	Террор, направленный против интересов государств	Террористические атаки, диверсии, единичная вербовка	Терроризм приобретает форму наемных армий	-
Обособление терроризма от геополитических интересов	2006–2013	Террористические группы преследуют свои цели	Массовые акции запугивания, провокационные действия	Террористические группы начинают «оседлый» образ жизни	-
Терроризм как общий мировой враг	2013 — наше время	Создание квази-государств на территории Ближнего Востока	Массовая вербовка, организованные боевые действия, применение высокотехно-	Терроризм приобретает системный характер с четким управленческим аппаратом. Использование	Уход в подполье, уход в темный сектор сети Ин-

			логичного оружия, создание «спящих ячеек», телефонный терроризм	сети Интернет для координации действий террористов	тернет («darknet») [12, с. 8; 4, с. 25; 9, с. 16]
--	--	--	---	--	---

Завершая данное исследование, выдвинем предположение, что за последние несколько лет организации экстремистской и террористической направленности прочно обосновались в сети Интернет, умело используя весь инструментарий для продвижения радикальных идей исламизма, спонсированию ячеек и деятельности по рекрутированию «новобранцев» для боевиков. В таблице 2 мы приводим, выстроенной в хронологическом порядке, развитие (эволюция) террористических движений на Ближнем Востоке. Видно, что меняется характер методов используемых террористическими формированиями как для ликвидации целей политических интересов, так и для совершения провокационных действий. Применяются сети Интернет для координации действий внутри террористических организаций, финансирования «спящих ячеек», закупки запрещенных препаратов (например, наркотиков), оружия и боеприпасов.

Литература

1. Багдасаров С. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Э, 2016. 210 с.
2. Берген П. Священная война. М.: Свободная пресса, 2001. 68 с.
3. Дашаев Р. Х. Религиозные аспекты современного исламского терроризма: Криминологическое исследование: автореф. ... канд. юр. наук. М., 2007. 27 с.
4. Драпезо Р. Г., Шелестюков В. Н. Особенности нового оперативно-разыскного мероприятия — получение компьютерной информации (на примере незаконной торговли наркотических и психоактивных веществ) // Оперативник (сыщик). 2018. Т.54. № 1. С. 23–26.
5. Костихин А. А. Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций в психологической войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/110706c.htm> (дата обращения: 28.01.2019).
6. Обзор статистических данных о рассмотрении судебных решений судами первой и апелляционной инстанций по составам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 282 УК РФ за период с 2014 по 2018 года // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е. М. Примаков. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
9. Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма: материалы IV-й Всероссийской научно-практической конференции (том 2). М.; РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина: ОАО «Нефть и бизнес», 2013. 175 с.
10. Состояние преступности в России за 2017 и 2018 года: сборник // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 28.01.2019).
11. Топалов А. «Исламское государство» превращается в главную угрозу для России // «Взгляд», 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/society/2015/6/25/752581.html> (дата обращения: 28.01.2019).
12. Штейнбух А. Г. Интернет и антитеррор. М., 2013. 32 с.

**РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ:
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ**

© *Цыдыпова Туяна Мункуевна*

студент 3-го курса юридического факультета,
E-mail: tuyankamun@outlook.com

© *Э. Л. Раднаева*, заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6

Ставшая на сегодняшний день актуальной проблема алкоголизации несовершеннолетних обуславливает необходимость в проведении государством активной политики противодействия преступности в данной сфере. В статье проведен анализ роли административной преюдиции при неоднократной розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетним. Автор показывает неоднозначность использования административной преюдиции как средства юридической техники, указывает на проблемы бессистемности и методологического подхода уголовной политики.

Ключевые слова: административная преюдиция, розничная продажа алкогольной продукции, несовершеннолетние.

The article analyzes the role of administrative prejudice in the case of repeated retail sales of alcohol to minors. The author shows the ambiguity of the use of administrative prejudice as a means of legal technique, points out the problems of unsystematic and methodological approach of criminal policy.

Keywords: administrative prejudice; retail sale of alcoholic beverages; minors.

На сегодняшний день в России борьба с пьянством и алкоголизмом среди несовершеннолетних является весьма актуальной. Алкоголизация молодежи представляет собой реальную угрозу, в целом, как для всего государства, так и для отдельного несовершеннолетнего, в частности. Нарушение процессов нормального формирования личности несовершеннолетних, их дальнейшей социализации может явиться причиной их девиантного поведения и привести к росту преступности среди несовершеннолетних. В сложившейся ситуации, одним из приоритетных направлений государственной политики должно являться совершенствование системы противодействия алкоголизации несовершеннолетних.

Правовым основанием всей совокупности мер, принимаемых для противодействия алкоголизации несовершеннолетних, выступают определенные правовые гарантии в области защиты прав ребенка, установленные нормами Конституции Российской Федерации, федеральных законов, и иных нормативно-правовых актов РФ. Принятие данных норм полностью соответствует требованиям целого ряда международно-правовых актов в сфере защиты прав ребенка. Например, в соответствии с п. 2 ст. 6 Конвенции ООН «О правах ребенка» устанавливается обязанность государства обеспечивать в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка [1]. А призыв стран-участниц на сокращение физической доступности алкоголя, что включает ограничение, как продажи, так

и подачи алкогольных напитков клиентам, а также о необходимости создания барьеров против продажи алкогольных напитков подросткам и установления ответственности в целях недопущения такой продажи содержится в Глобальной стратегии, принятой на 63 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения А63/13 от 25 марта 2010 г.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним запрещена [4]. Также, распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. была одобрена «Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года» [6]. Во исполнение Концепции был принят ряд федеральных законов, в том числе Федеральный закон № 253-ФЗ от 21 июля 2011 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» [5]. В Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 151.1, которая предусматривает уголовную ответственность за неоднократное осуществление розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции [2], а ст. 14.16 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации была дополнена частью 2.1, предусматривающей ответственность за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции [3].

За последние пять лет согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном суде РФ судебная статистика в России складывается следующим образом. Судами общей юрисдикции к административной ответственности по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции всего привлечено: в 2013 г. — 8 416 лиц (включая юридические лица, должностные лица и индивидуальных предпринимателей), 2014 г. — 9 863 лица, 2015 г. — 11 510 лиц, 2016 г. — 11 875 лиц, 2017 г. — 11 383 лица, в 1 полугодии 2018 г. — 6 170 лиц. К уголовной ответственности за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции по ст. 151.1 УК РФ привлечено: в 2013 г. — 363 лица, 2014 г. — 229 лиц, 2015 г. — 302 лица, 2016 г. — 523 лица, 2017 г. — 580 лиц, за 1 полугодие 2018 г. — 285 лиц [10].

Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на проводимую государством политику в сторону ужесточения ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним лицам, правоприменители чаще всего ограничиваются установлением административной ответственности, что напротив усматривается как либерализация уголовного законодательства. Так, например, в Республике Бурятия по ст. 151.1 УК РФ не вынесено ни одного приговора [11]. В данном случае, нами не исключены факторы, характеризующие высокую латентность преступлений и сложности, возникающие при выявлении и расследовании данного вида преступлений. Но отдельное внимание стоит уделить особенностям построения самой уголовно-правовой нормы. В научной литературе уже были рассмотрены вопросы об эффективности санкции данной нормы и выявлены проблемы назначения справедливого наказания за отмеченное преступ-

ление [8, с. 126; 9, с. 135.], поэтому остановимся на особенностях диспозиции данной статьи.

Итак, диспозиция ст. 151.1 УК РФ содержит административную преюдицию, которая по своей сути, несомненно, оказывает некоторое влияние на практику использования данной нормы правоприменителями. Административная преюдиция для уголовного права России является явлением не новым. Однако, активно развивающаяся тенденция конструирования законодателем составов с административной преюдицией пока не явилась достаточным основанием для введения законодательного определения данной дефиниции.

Среди сформированных в научной литературе различных подходов к пониманию сущности административной преюдиции в уголовном праве выделим следующий. Согласно А. В. Наумову, представителю данного подхода, административно-правовая преюдиция представляет собой «...прием законодательной техники, заключающийся в установлении специфических оснований уголовной ответственности» [7, с. 470.]. Тем самым, административная преюдиция представляется юридуко-техническим средством законодателя, с помощью которого последний, в частности, преследуя определенную цель, проводит уголовно-правовую реформу. Очевидно, что, вводя в уголовное законодательство новую норму, законодатель в целом преследует одну цель, а именно, криминализировать то или иное общественно-опасное деяние. Но использование административной преюдиции является не столь однозначным. Она может быть применена как для криминализации административных проступков, так и декриминализации преступлений. К тому же, важным условием применения административной преюдиции в конструкции уголовно-правовой нормы является наличие схожего состава административного правонарушения.

В случае с неоднократной розничной продажей алкогольной продукции несовершеннолетним следует определить значение административной преюдиции на фоне общей криминализации данного деяния, так как административная преюдиция была введена в конструкцию новой для уголовного закона нормы. В частности, законодатель, установив уголовную ответственность за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, указал специфические основания для ее наступления. Поэтому, специфичность состава преступления с административной преюдицией, в свою очередь, является еще и условием, которое ограничивает применение соответствующей уголовной нормы, что свидетельствует о частичной декриминализации [8, с. 138] и что также подтверждается данными судебной статистики.

На пути частичной декриминализации розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним путем применения административной преюдиции законодателем также был решен вопрос о дополнении административно-деликтного законодательства нормой, предусматривающей административную ответственность за схожее деяние. Важно отметить, что ведением Федерального закона № 253-ФЗ законодателям удалось провести несколько сложных процессов одновременно, а именно криминализировать неоднократную розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним и тут же путем включения административной преюдиции в диспозицию уголовно-правовой нормы частично декриминализовать данное деяние.

Частично декриминализирующая функция административной преюдиции при розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетним раскрывается

через появление строгой последовательности установления административной и уголовной ответственности соответственно. Иными словами, привлечение лица к административной ответственности становится первичным по отношению к уголовной, которая несет вторичный характер. Так, лицо, не может нести уголовную ответственность, будучи не привлеченным к административной. Также истечение определенных в законе сроков (ст. 4.6 КоАП РФ), согласно которым лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию, а именно со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, позволяет лицу избежать уголовной ответственности и, следовательно, судимости, при повторном совершении данного деяния.

Согласно ст. 151.1 УК РФ уголовная ответственность наступает только в случае неоднократной продажи несовершеннолетнему алкогольной продукции. Поэтому очень важно правильное толкование введенного критерия неоднократности. В соответствии с примечанием к данной статье под неоднократной продажей признается осуществление розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции лицом, которое уже было привлечено к административной ответственности и подвергнуто административному наказанию. Так, будет ошибочно полагать, что признак неоднократности характеризует лишь повторное совершение объективной стороны административного правонарушения — розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Также, ложным является представление о том, что критерий неоднократности выступает единственным признаком, отграничивающим уголовную ответственность от административной за данное деяние, так как тем самым не берется во внимание возросшая общественная опасность, как самого правонарушителя, так и его деяния, а также качественно отличающийся правовой статус субъекта преступления, характеризующийся судимостью.

Поэтому, критерий неоднократности указывает на то, что к уголовной ответственности за совершение данного деяния может быть привлечено лишь то лицо, которое уже было привлечено к административной ответственности и подвергнуто административному наказанию за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

В заключение отметим, что законодательное установление мер ответственности за отпуск алкогольной продукции несовершеннолетним явилось одним из уголовно-правых средств борьбы с алкоголизацией несовершеннолетних. Однако в виду одновременного введения административной и уголовной ответственности за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним и неоднократное совершение данного деяния соответственно, возникает неоднозначность в стремлениях законодателя. Об этом свидетельствует частично декриминализующее значение административной преюдиции, введенной законодателем в конструкцию уголовно-правовой нормы, на фоне общей криминализации данного преступления.

Таким образом, выявленная проблема неполного соответствия цели противодействия преступности в указанной сфере и выбора юридико-технических средств для ее достижения в совокупности с отмеченными проблемами эффективности и справедливости применения санкции данной уголовно-правовой нормы, указывают на наличие проблем методологического характера и бессис-

стемность проводимой уголовной политики государства, а также на необходимость глубоко проработанной, обоснованной политики совершенствования противодействия алкоголизации несовершеннолетних в целом.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.02.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553
5. Федеральный закон от 21.07.2011 № 253-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции" // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4601.
6. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р «О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2. Ст. 264.
7. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М.: Изд-во БЕК, 1997. 686 с.
8. Одоев О. С. Административная преюдиция в уголовном праве России и государств СНГ: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2018. 192 с.
9. Сытников В. О. Об эффективности санкции за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2 (75). С. 134–138.
10. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 27.02.2019).
11. Официальный сайт Управления Судебного департамента в Республике Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <http://usd.bur.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=5> (дата обращения: 27.02.2019).

**ЯТРОГЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
ПОНЯТИЕ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

© *Эпова Алена Владимировна*

призер XIV Всероссийской научно-практической конференции
«Криминологические чтения»,
студентка 4-го курса юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: alena.epova.1997@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного общества — ятрогенным преступлениям. Ятрогенными преступлениями считаются деяния медицинских работников, которые повлекли за собой вред здоровью или смерть пациента. Выявлены причины совершения преступлений медицинскими работниками, а также предложены меры по противодействию криминальной ятрогении.

Ключевые слова: медицинская помощь, следственный комитет Российской Федерации (СК РФ), ятрогенные преступления, синдром эмоционального выгорания, латентность, судебно-медицинская экспертиза (СМЭ), квалификация, статистический учет.

This article is devoted to one of the urgent problems of modern society — iatrogenic crimes. Iatrogenic crimes are considered to be the acts of medical workers, which caused harm to the health or death of the patient. The identified causes of crime health workers and proposed measures to combat crime iatrogenic.

Keywords: medical care, the investigative committee of the Russian Federation (IC RF), iatrogenic crimes, the burnout syndrome, the latency, judicial-medical expertise (SME), qualification, statistics.

Реалии нашей жизни таковы, что с каждым годом наблюдается рост обращений граждан в правоохранительные органы в связи с неудовлетворенностью оказанной медицинской помощью. «Так, в 2016 году в органы СК РФ поступило 4947 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, а в 2017-м их стало уже 6050.

В 2016 году органами СК РФ по результатам рассмотрения таких сообщений было возбуждено 878 уголовных дел. По сравнению с 2012 годом, когда уголовных дел было возбуждено 311, в 2017 году их количество увеличилось в 6 раз и составило 1791» [1].

Безусловно, прогрессирующий рост данной категории преступности не может оставаться незамеченным, и в этой связи важнейшей составляющей криминологического воздействия на сферу здравоохранения является установление причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере медицинской деятельности.

Как отмечает М. В. Тузлукова: «Ятрогенными преступлениями являются умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при исполнении своих профессиональных или служебных

обязанностей и ставящие под угрозу здоровье или причиняющие вред жизни, здоровью и иным законным правам и интересам пациента» [4, с. 123].

Как правило, следствием ятрогении являются летальный исход, инвалидность, снижение качества жизни и увеличение расходов на лечение.

Нами был проведен социологический опрос, направленный на выявление причин совершения преступлений медицинскими работниками. В опросе приняло участие 48 респондентов. Результаты опроса представлены в диаграмме.

Большинство респондентов, а это 23% от общего числа опрошенных, связывают преступления в медицинской сфере с недостатками в организации лечебного процесса. К таким недостаткам относятся: недостаточное оснащение медицинских учреждений необходимыми медицинскими препаратами и оборудованием, а иногда и вовсе их отсутствие. Существование данного фактора кроется в экономической составляющей.

22% опрошенных отметили такой фактор как недостаточная квалификация медицинского работника. Вероятнее всего, это связано с качеством образования в медицинских вузах и училищах.

Другие 18% считают, что причиной является неполноценное обследование больных на приеме. Полагаем, что это связано нехваткой кадров в медицинских учреждениях, и вследствие этого нехватка времени для приема пациента, в добавок к этому медицинские работники отягощены большим количеством письменной работы, ведением базы данных и учета пациентов.

13% респондентов выделили такие факторы как невнимательное отношение к больному и недооценка состояния больного. На наш взгляд, эти факторы являются взаимодополняющими, так как постановка диагноза во многом зависит от внимательности врача и малейшее упущение может привести к серьезным необратимым последствиям.

Синдром эмоционального выгорания был выделен 11% опрошенных. Как правило, синдром не существует сам по себе, ему предшествует совокупность факторов. И к этим факторам зачастую относят: низкую заработную плату, работу с нарушением режима труда и отдыха, жесткую дисциплину со стороны администрации. Вероятно, что это еще не все составляющие данного синдрома, главное, что у работника пропадает заинтересованность к своей профессии

Конечно, главным фактором остается социально-экономический. Низкий уровень заработной платы медицинских работников, несоответствующий выполняемой ими работе в действительности, приводит к следующим последствиям. Во-первых, работник, по истечении времени, теряет заинтересованность в работе, он вынужден работать сверхурочно, нарушая при этом режим труда и отдыха, что, естественно, не может не повлиять на качество оказываемой им медицинской помощи, а иногда и вовсе способствует совершению преступлений по неосторожности, ввиду отсутствия концентрации внимания, хронической усталости и других причин. Одной из таких причин является так называемый синдром эмоционального выгорания, который может неблагоприятно сказываться на жизни и здоровье пациента. «Зачастую синдром эмоционального выгорания вызывается несоответствием между стремлением работников иметь большую степень самостоятельности в работе, самим искать способы и методы достижения тех результатов, за которые они отвечают, и жесткой, нерациональной политикой администрации в организации рабочей активности и контроля за ней» [2, с. 246]. В результате у работника возникает чувство бесполезности и отсутствие ответственности. Во-вторых, низкая заработная плата вынуждает квалифицированных специалистов переходить на работу в другую организацию (зачастую частные медицинские организации) или в другую сферу деятельности, что, в свою очередь, приводит к нехватке кадров в государственных бюджетных учреждениях здравоохранения. В-третьих, недостаточный кадровый состав увеличивает время ожидания приема к специалисту, вследствие этого увеличивается количество довольных пациентов и жалоб на некачественное и несвоевременное оказание медицинской помощи.

Согласно Федеральному закону от 21. 11. 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» работники медицинских учреждений обязаны вести медицинскую документацию. В этой связи появляется такой фактор как неполноценное обследование пациента, которое, в свою очередь, связано, во-первых, с большим количеством письменной работы и ведением базы данных пациентов, а во-вторых с ограниченным временем для приема пациента. Последствия неполноценного обследования могут также негативно отразиться на жизни и здоровье пациента.

С экономической стороны можно выделить такой фактор как неполноценное оснащение или вовсе отсутствие медицинских препаратов и оборудования в медицинских учреждениях. Как известно, медицинская наука не стоит на месте, но, к сожалению, для эффективного внедрения в медицинскую практику результатов научно-технической деятельности необходимы финансовые средства, проблема нехватки которых отдельный вопрос.

Представляется необходимым выделить фактор низкого профессионализма медицинского персонала, зачастую он является причиной причинения вреда жизни и здоровью пациента. Этот фактор, в свою очередь, является следствием нынешнего состояния системы медицинского образования.

Н. А. Огнерубов среди проблем данной сферы отмечает такие, как: «несоответствие федеральных государственных образовательных стандартов высшего и среднего профессионального образования современным потребностям здравоохранения и невысокое качество преподавания, отсутствие системы непрерывного медицинского образования и т. д.» [3, с. 122].

Сложность процесса доказывания по делам о криминальных ятрогениях связана, на наш взгляд, с пробелами в законодательстве, причем, как в медицинском, так и в уголовном.

С точки зрения медицины, сложность эта заключается в том, что биологические процессы, происходящие в человеческом организме, изучены не в полном объеме, и это как раз таки влияет на установление правильного диагноза и назначение соответствующего лечения. В свою очередь, малоизученность биологических процессов не позволяет в полной мере предвидеть наступление каких-либо последствий в результате приема лекарственных средств.

Большую роль играет тот факт, что доказать причинную связь по данным категориям дел зачастую достаточно сложно. Основным доказательством вины или невиновности в таких случаях является результаты судебно-медицинской экспертизы. На данный момент проблема заключается в том, что экспертизы проводят государственные бюджетные учреждения здравоохранения — Бюро СМЭ, которые, так же, как и те учреждения здравоохранения, в которых чаще всего совершаются медицинские преступления, подведомственны Министерству здравоохранения. Нельзя не учесть тот факт, что СМЭ проводятся комиссионно, и, если есть необходимость, привлекают специалистов соответствующего профиля, которые не являются сотрудниками экспертного учреждения. «Необходимо соблюдение требований уголовно-процессуального закона, а именно ст. 70 УПК РФ, касающейся незаинтересованности, независимости экспертов, так как сложностью при проведении судебно-медицинской экспертизы является «корпоративность в медицинской среде», когда одни лица покрывают неправомерные деяния других» [5, с. 89]. В таких случаях достаточно важно правильно оценить квалификацию привлекаемых в комиссию врачей, род их деятельности, так же следует обращать внимание на характер деловых и личных отношений между ними. Современное проведение судебно-медицинской экспертизы в государственных бюро СМЭ зарекомендовало себя как наиболее обосновательное и имеющее бесспорный опыт, но при этом зачастую оно не удовлетворяет всех потребностей следственных органов, т. к. отсутствуют единые подходы и требования для проведения экспертиз.

С точки зрения уголовного законодательства существует проблема, связанная с квалификацией данной категории преступлений. Полагаем, что медицинские работники должны рассматриваться как специальные субъекты. В этой связи, считаем необходимым и обоснованным создание в уголовном кодексе отдельной главы, которая будет посвящена преступлениям, совершаемым медицинскими работниками в сфере здравоохранения.

Появление данной главы позволит вести статистический учет преступлений, совершаемых медицинскими работниками, что предоставит возможность объективно и полно оценивать сложившуюся ситуацию. Отсутствие статистической отчетности серьезно затрудняет аналитическую работу, а также негативно сказывается на возможностях правоохранительных органов по проведению профилактической работы.

Дополнительные трудности создает отсутствие соответствующих знаний у следователей, в компетенцию которых входит расследование этой группы преступлений, при этом нет четко разработанного алгоритма действий по выявлению криминальных ятрогений. В настоящее время обсуждается вопрос о создании специального отдела в СК РФ, который будет специализироваться именно на

данной категории преступлений, на наш взгляд, это нововведение является целесообразным и необходимым в силу сложившейся ситуации в стране.

По результатам проведенного исследования, представляется необходимым внести ряд предложений, которые, на наш взгляд, позволят решить обозначенные проблемы:

1. Необходимо осуществлять поддержание престижа медицинской профессии на государственном уровне, а также в СМИ. Во многом это зависит от размера заработной платы медицинских работников; выделения бюджетных мест в медицинских вузах, повышения качества образования в медицинских учреждениях образования. Достаточно остро стоит вопрос о финансировании государственных бюджетных учреждений здравоохранения, поэтому необходимо пересмотреть существующую систему финансирования.

2. Выделить преступления медицинских работников в отдельную главу раздела VII «Преступления против личности» особенной части уголовного кодекса, которая вполне может быть обозначена как «Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения», а также представляется необходимым выделить те обстоятельства, которые будут исключать преступность деяния. В данную главу предлагается внести существующие составы преступлений с конкретизацией субъекта — медицинского работника.

3. Необходимо вести статистический учет по преступлениям, совершаемым медицинскими работниками и публиковать его на официальных сайтах следственного комитета и т.д.

4. На данный момент актуален вопрос о создании специального отдела в следственных органах, который будет специализироваться на криминальных ятрогениях. Указанный отдел должен состоять из опытных, квалифицированных специалистов, разбирающихся, не только в уголовном праве и процессе, но и в медицинском праве.

5. Ввести единую методологию проведения СМЭ и единые требования к экспертам, как в государственных бюро СМЭ, так и в негосударственных учреждениях проведения экспертиз.

На наш взгляд, указанные рекомендации носят крайне актуальный характер ввиду того, что существуют социально-экономические проблемы, связанные со сферой здравоохранения, а также уголовное законодательство на данный момент не отмечает специфику ятрогенных преступлений, хотя зачастую они наносят непоправимый вред жизни и здоровью людей.

Литература

1. Ошибки врачей будут расследовать спецотделы СКР [Электронный ресурс]: URL: <https://www.newsru.com/russia/29nov2018/specmed.html> (дата обращения: 27.02.2018).

2. Огнерубов Н. А. Синдром эмоционального выгорания как детерминанта преступности в сфере медицинской деятельности // Социально-экономические явления и процессы. № 1. 2013. С. 245–247.

3. Огнерубов Н. А. Ятрогенная преступность: причины и меры предупреждения. № 4. 2010. С. 121–126.

4. Тузлукова М. В. Причины и условия, способствующие совершению ятрогенных преступлений // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. № 9. 2014. С. 122–126.

5. Хмелева А. В. Отдельные аспекты использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Альманах современной науки и образования. 2016. № 5. С. 86–90.

СЕКЦИЯ
**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ**

УДК 344.65

**УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

© *Борхоева Антонина Павловна**

магистрант 2-го курса юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
Email: baglaevatonya@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы участия защитника на стадии предварительного расследования. Автор анализирует действующее уголовно-процессуальное законодательство. Рассматривает вопросы вступления адвоката в уголовное дело, участия адвоката в следственных действиях. В заключении автор предлагает внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: адвокат, защитник, уголовный процесс, предварительное расследование, следственные действия.

The article deals with the participation of the defense at the preliminary investigation stage. The author analyzes the current criminal procedure legislation. Considers questions of joining a lawyer in a criminal case, the participation of a lawyer in investigative actions. In conclusion, the author proposes to make changes to the existing criminal procedure legislation.

Keywords: lawyer, defense lawyer, criminal procedure, preliminary investigation, investigative actions.

Охрана прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого на стадии предварительного расследования — важнейшая задача адвоката в качестве защитника. Вступая в уголовное дело, защитнику, в соответствии со ст. 53 УПК РФ предоставляется широкий круг процессуальных прав [1].

Практически всегда уголовное дело для подследственного начинается с его задержания. Задержание подозреваемого — это кратковременное ограничение свободы. Цель задержания состоит в выяснении причастности лица к совершению конкретного преступления, и если имеются обоснованные подозрения, то задержание применяется для последующего решения вопроса о применении к подозреваемому меры пресечения.

УПК РФ разграничивает фактическое и процессуальное задержание. Время начала оформления протокола задержания — главный и единственный атрибут разграничения.

*Научный руководитель — С. К. Бураева, канд. юр. наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова».

Самое распространенное нарушение законности, допускаемое при задержании, доставлении в правоохранительный орган, оформлении протоколов, допросе и иных следственных действиях — препятствие участию адвоката.

Фактически задержанное лицо, не только имеет право, но и должно требовать участия адвоката в целях благоприятного расследования уголовного дела. Для этого, задержанному лицу уместно в различных предъявляемых протоколах указывать на необходимость участия адвоката, поскольку отсутствие последнего является грубым нарушением конституционных прав.

После вступления адвоката в уголовное дело, ему необходимо уточнить у задержанного имели ли место быть в его отсутствие попытки воздействия со стороны правоохранительных органов. При наличии таких попыток, их необходимо зафиксировать, а в последующем незаконные действия можно обжаловать в порядке установленным гл. 16 УПК РФ. Как видно из практики, банальное незнание задержанным своих процессуальных прав и обязанностей, а также отсутствие адвоката, дает возможность органам предварительного расследования сформировать доказательственную базу в своих интересах, что, несомненно, негативно отразится в последующем на задержанном. Такую доказательственную базу в дальнейшем очень сложно оспорить.

Уже на протяжении многих лет существует проблема не допуска адвоката к фактически задержанному лицу, которая в полной мере не решена по сей день.

Также, очень значимым средством осуществления защитником своих основных функций на предварительном следствии является законодательное закрепление права защитника участвовать в следственных действиях, которые проходят с участием подозреваемого. После вступления защитника в дело, он должен обсудить со своим подзащитным вопрос о том, при каких следственных действиях необходимо его участие. Весьма очевидно, что для успешности расследуемого дела в пользу подозреваемого, при вступлении защитника в уголовное дело, ему рекомендуется заявить в письменном виде ходатайство следователю, с указанием на то, что с настоящего момента никакие следственные и процессуальные действия без его участия не могут проводиться, а сам адвокат должен быть заблаговременно извещен о дате и месте проведения.

Цели участия адвоката в следственных действиях могут быть различны, начиная от обеспечения законности конкретного следственного действия, заканчивая психологической поддержкой и установлением фактов интересующих защиту.

Активное участие адвоката в следственных действиях проявляется в уяснении сущности указанного действия, его особенностях проведения, круге лиц участвующих в нем и их прав, а так же в подборе приблизительных вопросов, которые нужно решить в ходе конкретного следственного действия. Кроме того, адвокату желательно применить аудио и видеозапись. Такая запись производится с разрешения следователя или по ходатайству о процессуальном применении указанных записей.

По окончании следственных действий адвокат ставит свою подпись в протоколе. На этом этапе адвокату необходимо отразить допущенные ошибки, нарушения или неполноту установленных обстоятельств. Упустив это право, адвокат, фактически утрачивает возможность оспаривать результаты проведенного вместе с ним следственного действия.

Для действенной защиты от уголовного преследования нужен именно «свой» адвокат, а не назначенный или рекомендованный следователем, поскольку такой

адвокат маловероятно наполнит процессуальную форму действенным содержанием и вряд ли будет конфликтовать со следователем ради защиты прав своего подзащитного. В большинстве случаев, участие назначенного адвоката сводится к формальным подписаниям протоколов, составленных следователем, и как правило замечания по поводу различных нарушений отсутствуют.

По мнению Европейского суда по правам человека, формальное участие защитника является грубейшим нарушением права на оказание квалифицированной помощи, и не равносильно осуществлению защиты, поскольку в подп. «с» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрено именно оказание помощи, а не назначение защитника [4, с. 98].

Основная задача адвоката, при защите задержанного, заключается в том, чтобы составленные следователем, дознавателем протоколы следственных и иных процессуальных действий являлись доказательной базой стороны защиты, а не обвинения.

Преследуя эту цель разумным будет:

1) Не исправлять ошибки следователя, так как чем больше нарушений и ошибок со стороны обвинения, тем больше у защиты шансов на благополучный результат уголовного дела.

2) Предъявлять доказательства защиты, только тогда, когда решается слишком значимый вопрос для дальнейшей судьбы задержанного, например, при избрании меры пресечения.

3) Дать объективную оценку перспективам расследования уголовного дела, т.к. в определенных случаях признание вины выгоднее, чем отрицание очевидного, при этом признавать стоит не больше, чем известно органам расследования. Так же при признании вины, можно воспользоваться различными способами принятия решений в особом порядке, которые имеют свои преимущества касаясь санкций.

4) Грамотно подготовиться и выработать четкую тактику защиты и средств её воплощения в конкретные результаты.

Когда адвокат и его доверитель не согласны с задержанием последнего и считают его незаконным, следует обжаловать это действие органов предварительного расследования, в порядке установленном гл. 16 УПК РФ. Если следователь откажет в освобождении задержанного, уместным будет подать жалобу руководителю следственного органа и прокурору, в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ, а также в суд ст. 125 УПК РФ. В таком случае позиция защиты должна быть четко аргументирована.

Задержание представляет собой обеспечительную меру, которая обусловлена целями и задачами уголовного судопроизводства. Если защитник обоснует в суде отсутствие необходимости в такой обеспечительной мере, как задержание, то у суда вряд ли будут основания для отказа в удовлетворении просьбы защиты об освобождении задержанного.

Чаще всего возможность адвоката ознакомиться с постановлением об избрании меры пресечения появляется прямо перед судебным заседанием, поэтому времени для изучения материалов и аналитики крайне мало. Если же такая возможность была предоставлена ранее, адвокату стоит воспользоваться этим шансом и дать по всем основаниям следователя возражения, которые могут быть настолько универсальными и стандартными, насколько таковыми являются доводы следствия в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключе-

ния под стражу. Ко всему прочему, к материалам возражения целесообразно приложить документы, подтверждающие семейное положение подсудимого, свидетельства о рождении детей, если такие имеются, характеристику личности с места работы, учебы, различные медицинские справки, препятствующие содержанию подзащитного под стражей, и прочие документы. Все это может лечь в основу избрания более мягкой меры пресечения. Вдобавок ко всему, при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения, допускается допрос свидетелей, характеризующих личность подозреваемого, обвиняемого.

Явка свидетелей обеспечивается адвокатом, а в судебном процессе им заявляется соответствующее ходатайство о допросе.

Оценивая шансы на избрание меры пресечения не связанной с лишением свободы адвокату и подзащитному нужно придать значение совокупности факторов в пользу подозреваемого, обвиняемого. К таким факторам относятся: наличие регистрации в населенном пункте по месту проведения предварительного расследования, официальное трудоустройство по месту регистрации.

При этом нельзя не согласиться с тем, что судебная система имеет обвинительный уклон, причем на всех стадиях уголовного судопроизводства. В связи с этим, возможно неблагоприятное решение для подзащитного, при совокупности всех положительных факторов. Конечно же, наиболее вероятно, что суд вынесет постановление, опираясь исключительно на доводы следствия, в связи с чем такое постановление следует обжаловать.

Анализируя уголовное-процессуальное законодательство, особое внимание необходимо уделить проблеме, которая состоит в том, что защитник имеет право именно опроса, а не допроса, процессуальное значение которых значительно различается. Сам по себе опрос осуществляется защитником с согласия опрашиваемого лица. Такое лицо не предупреждается об ответственности, поэтому информация, содержащаяся в нем, не всегда имеет истинный смысл, а сама форма опроса не установлена законом. Важно подчеркнуть, что опрос не является доказательством по делу, защитник лишь имеет право ходатайствовать перед дознавателем, следователем и судом об его использовании в процессе доказывания, и только. Допрос же, является обязательным следственным действием, что подразумевает обязательную явку. Допрос имеет форму протокола и составляется в соответствии со ст. 166 и ст. 190 УПК РФ и является доказательством по уголовному делу.

Из этого следует, что возможности защитника не равны возможностям органа, ведущего уголовное судопроизводство, а следовательно можно ставить под сомнение принцип состязательного построения уголовного правосудия.

Защита в уголовном процессе направлена на выяснение обстоятельств, которые позволят смягчить ответственность подзащитного или полностью оправдают его. Очень важной стадией следствия для адвоката является ознакомление с материалами дела. Именно на этой стадии защитник полностью имеет право реализовать возможность изучения всех собранных в деле доказательств в отношении его подзащитного и на основании этой оценки уточнить позицию. Адвокат имеет право заявления ходатайств по всем вопросам, которые имеют отношение к его подзащитному и могут произвести значение в дальнейшем, однако при этом возникает необходимость обоснования этого ходатайства [5].

Выбор момента и характера заявления ходатайства желательно обговаривать заранее с подзащитным, но это не принципиально и поэтому в целом защитник

самостоятелен в данном вопросе. Касаясь формы подаваемых ходатайств то к ним предъявляются стандартные требования, а именно: устная или письменная форма. Письменные ходатайства приобщаются к делу, а устные заносятся в протокол следственных действий — следователем. Обязанностью следователя является рассмотрение ходатайства, а в случае отказа должен быть предоставлен защитнику мотивированный ответ [2].

Мы солидарны с мнением И. Д. Мальцагова и И. Р. Алаева, в том, что наиболее целесообразным в целях соблюдения реальной возможности осуществления обвиняемым (подозреваемым) своего права на защиту видится необходимым внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, изложив ч. 2 ст. 49 УК РФ в следующей редакции: «В качестве защитников допускаются адвокаты, близкие родственники обвиняемого или иные лица, о допуске которых ходатайствует обвиняемый». Полагаем, что только такая позиция позволит подозреваемому (обвиняемому) быть свободным в выборе средств своей защиты, при этом, сам подозреваемый (обвиняемый) сможет решать, требуется ли ему помощь адвоката или иного лица или того и другого одновременно [3; 265с].

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.
2. Решение военного суда г. Ростова-на-Дону от 02 мая 2017 г. по делу № 3/10-59/2017 URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 28.01.2019).
3. Мальцагов И. Д., Алаев И. Р. Проблемы реализации принципа обеспечения права на защиту // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 265–266.
4. Чертов А. А. Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека: дис. ... канд. юр. наук : 12.00.10. М., 2008. 161 с.
5. Борзунова А. А. Роль защитника в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.mgri.ru> (дата обращения 28.01.2019).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© *Кемер Дмитрий Артурович**

магистрант 2-го курса юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: kosovcool@mail.ru

Актуальность темы обусловлена прежде всего недостаточной теоретической и практической разработанностью, объективными реалиями в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности, существующими реалиями в сфере борьбы с преступностью. В условиях угроз со стороны терроризма, экстремизма, транснациональной преступности, попыток возрождения нацизма необходимо усиленное сотрудничество государств.

Ключевые слова: борьба с преступностью, преступность, международная преступность, международное право, уголовное судопроизводство, принципы международного уголовного права

The relevance of a subject is caused first of all by insufficient theoretical and practical readiness, objective realities in the sphere of law-making and law-enforcement activity, the existing realities in the sphere of fight against crime. In the conditions of threats from terrorism, extremism, transnational crime, attempts of revival of Nazism the strengthened cooperation of the states is necessary.

Keywords: fight against crime, crime, international crime, international law, criminal proceedings, principles of the international criminal law

Тенденции последних лет свидетельствуют об изменении морального облика человека, ценностей, принципов, идеалов, сложившихся в обществе, о неконтролируемом росте агрессии в социуме, а также о сращивании государства и преступного мира. Современное общество развивается в сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Серьезной проблемой является резкий рост мирового социального неравенства. На фоне усиливающегося обнищания беднейшей половины человечества за прошедшее десятилетие число миллиардеров в мире стало больше почти в два раза, а состояние 26 богатейших людей мира оказалось сопоставимым с достатком 3,8 млрд бедных людей [1]. Относительно России следует отметить, что численность россиян, находящихся за чертой бедности, с 2012 по 2017 год выросла на 3,9 млн человек и составил в 2018 году 19,3 млн человек [2]. Согласно подсчетам аналитиков, Национального бюро экономических исследований США, в оффшорных зонах Великобритании, Швейцарии, на Кипре и в других подобных зонах в 2017 году находились финансы богатых россиян, по сумме равные 75% национального дохода России [3]. На долю 10% самых обеспеченных россиян приходится 82% всего личного богатства в России [4]. Поэтому меры, принимаемые в рамках борьбы с преступностью в современном мире, включая в т.ч. Россию не могут быть эффективными без глобальных изменений общественно-

* Научный руководитель — В. М. Мельников, канд. психол. наук, доцент Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова

экономического устройства, так как основными причинами преступности в первую очередь выступают социальные факторы.

Кроме того, борьба с преступностью на современном этапе должна вестись объединением усилий всего мирового сообщества, однако на деле отношения между различными государствами, возникающие в том числе по поводу взаимодействия норм внутригосударственного и международного права носят неоднозначный характер. Опыт мировой истории показывает, что мирное сосуществование государств, к сожалению, невозможно. В любой сфере международных отношений, особенно в сфере международного сотрудничества любое государство всегда руководствуется исключительно своими национальными и геополитическими интересами, так странами США и Великобритании не выдаются лица, совершившие преступления коррупционной направленности [1], поэтому, Россия, приняв примат международного права над внутригосударственным поступилась этими интересами, полностью открыв свою правовую систему для иностранного вмешательства.

Основополагающие принципы международного права перестали работать, созданная с целью мирного урегулирования конфликтов, возникающих между государствами ООН, не является эффективной организацией. Многие международные договоры — и многосторонние, и двусторонние, и региональные, и европейские, и латиноамериканские международные правовые акты — тоже не работают и не регулируют актуальных отношений, которые сегодня складываются между государствами в самых различных регионах мира [1]. Принцип верховенства международного права не действует в США, Великобритании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии, Бразилии, Индии, КНДР. Во Франции, Венгрии, Италии, Болгарии, Испании, Румынии КС определяет особенности действия приоритета международного права. В силу вышеперечисленных причин сотрудничество с иностранными государствами не может быть объективным [2]. Однако примат международного права закреплён в ч. 4 ст.15 Конституции РФ, что с учётом вышеперечисленного является спорным положением.

Помимо этого, в соответствии со ст. 15 УПК РФ провозглашается принцип состязательности сторон, воспроизводящий англосаксонскую модель состязательности, когда суд является арбитром в споре между сторонами, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Вообще можно выделить общую, черту характерную для англосаксонских стран (в полной мере воплощается концепция разделения: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; разделение состязательности сторон на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела и т. п.).

Между тем российскому уголовному процессу чужд такой подход, в связи с тем, что цель российского уголовного процесса как дореволюционного, так и советского являлась прежде всего установление объективной истины по уголовному делу, а не разрешение спора [4]. Цель компетентных органов не обвинение лица, а установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе оправдывающих обвиняемого. Метод достижения данной цели — объективность, всесторонность и полнота.

В частности, в Рекомендации Комитета Министров СЕ от 13 октября 1994 г. «О независимости, эффективности и роли судей» в числе обязанностей судей указано, что при выполнении судебных обязанностей они должны обеспечивать

надлежащее применение закона и справедливое, эффективное и быстрое рассмотрение дел, а для этого они должны иметь соответствующие полномочия» [5]. Однако в ст. 15 суду отводится роль пассивного наблюдателя, лишь создающего условия для осуществления сторонами прав и исполнения обязанностей. В Постановлении КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П подчеркивается, что суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого решения по делу и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств, а значит он должен быть наделен уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями» [6].

Более того, в Конституции РФ, кроме декларативного объявления прав и свобод личности высшей ценностью в российском государстве, отсутствуют иные ценности, например, российской государственности, что указывает на наличие принудительно укороченного ценностного ряда. Аналогичным образом и в УПК РФ не выражены четко должные гарантии защиты интересов общества и государства, без чего невозможно обеспечить защиту интересов личности через систему прав и свобод. Следовательно, необходимо синхронизировать защиту интересов личности с интересами общества и государства. Именно в этом видят социальную ценность уголовного судопроизводства из числа опрошенных респондентов 13,9% судей, 7,3% прокуроров, 7,4% следователей и дознавателей, 18,9% адвокатов [7]. Таким образом, законодательно закрепленный приоритет защиты прав и свобод личности в сфере уголовного преследования с учетом сложившейся современной ситуации в области внутренней и внешней государственной политики не способствует реализации концепции борьбы с преступностью. Речь может идти исключительно об удержании преступности на социально терпимом уровне. С другой стороны, нельзя ни в коем случае допустить абсолютизации идеи защиты прав человека, поскольку данная тенденция может препятствовать обеспечению безопасности жизненно важных интересов, в первую очередь общества и государства, без чего фактическая защита прав и свобод личности представляется невыполнимой. Очевидно, что обеспечение действенной профилактики и предупреждения преступности невозможно без соответствующих изменений в общественном сознании, заключающихся в первую очередь в уходе от правового идеализма и правового нигилизма.

Таким образом, исходя из вышеперечисленного в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства необходимо:

1. Разработать положения о порядке производства следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий на территории иностранного государства.

4. Прекратить практику заимствования норм и принципов только лишь по одному канону, необходимо рассматривать различные варианты закрепления и применения тех или иных норм, на законодательном уровне закрепить перечень общепризнанных принципов и норм международного права, раскрыть все признаки данных принципов и норм в частности общепризнанность, юридическая сила, нормативность, общеобязательность и т. д.

5. На законодательном уровне следует реализовать принцип разумности или принцип разумного сочетания.

6. Создать международный трибунал для расследования военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества, либо с позиции принципа разумности ратифицировать римский статут от 17 июля 1998 года и

признать юрисдикцию Международного уголовного суда для расследования военных преступлений;

7. Вернуть принцип объективной истины, ввести уголовную ответственность для юридических лиц;

8. Сформировать собственный орган для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в рамках сообщества БРИКС или ЕВРАЗЭС.

Литература

1. URL: [https://regnum.ru/news/2555981.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop]
2. URL: [https://iz.ru/845595/2019-02-14/chislo-bednykh-rossiian-vyroslo-pochti-na-4-mln-chelovek-za-piat-let?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop]
3. URL: [<https://www.nber.org/papers/w23712.pdf>]
4. URL: [<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/10/18/784032-10-rossiyan>]
5. URL: [<https://www.gazeta.ru/social/2016/12/14/10427045.shtml>]
6. URL: [<https://ria.ru/20151125/1328328267.html>]
7. URL: [<https://russian.rt.com/article/88282>]
8. URL: [<https://moluch.ru/archive/182/46867>]
9. URL: [<https://base.garant.ru/70390724/>]
10. URL: [<https://rg.ru/2003/12/23/ks-dok.html>]
11. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-prestupnostyu-i-ugolovnoe-sudoproizvodstvo>]

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

© *Мазуренко Дмитрий Валентинович*

старший прокурор управления по надзору за уголовно-процессуальной
и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Республики Бурятия,
аспирант 1-го курса юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: Richardmd@mail.ru

В статье приведены отдельные показатели регистрации налоговой преступности на территории Республики Бурятия. Дано определение налогового преступления. Рассмотрены актуальные проблемы, возникающие при сборе доказательств по делам обозначенной категории. Приведены характерные примеры противодействия уголовному преследованию по таким преступлениям.

Ключевые слова: налоговое преступление; способы совершения налоговых преступлений; противодействие.

The article presents some indicators of registration of tax crime in the territory of the Republic of Buryatia. The definition of tax crime is given. The actual problems arising in the collection of evidence in cases of this category are considered. Characteristic examples of counteraction to criminal prosecution on such crimes are given.

Keywords: tax crime, methods of committing tax crimes, counteraction.

В юридической литературе И. В. Александров [5, с. 65], Д. Ардаматский [6], И. И. Кучеров [7, с. 5], В. В. Колесников, С. В. Степашин [13, с. 311–353], И. Н. Соловьев [16] и другие авторы справедливо отмечают, что с переходом страны от плановой к рыночной экономике вопросы противодействия налоговой преступности из года в год остаются приоритетными для государства.

В условиях текущей социально-экономической ситуации вопросы пополнения государственной казны выходят на передний план, остается актуальным и на сегодняшний день. Несмотря на усилия фискальных органов, поступление средств в бюджеты всех уровней дополнительно осложняется действиями недобросовестных налогоплательщиков, которые, нарушая закон и уклоняясь от уплаты налогов и иных обязательных платежей, используют многоуровневые схемы и изощренные способы по уходу от исполнения налоговых обязательств [14, с. 67–68].

Как справедливо отмечает И. В. Александров, в настоящее время проблема налогов в России стала не только крупнейшей экономической, но и социально-политической проблемой. Масштабы уклонения от уплаты налогов в России на сегодняшний день выходят на тот критический уровень, когда угроза экономической безопасности государства становится реальностью [5, с. 24].

Финансовый ущерб от налоговых преступлений, как правило, превышает ущерб от других видов преступлений в сфере экономической деятельности. По различным оценкам в результате массового уклонения от уплаты налогов государство ежегодно недополучает до 30% причитающихся к оплате обязательных платежей [8, с. 5].

Справедливость процитированных высказываний подтверждается статистическими сведениями Управления Федеральной налоговой службы России по Республике Бурятия. К примеру, по состоянию на 01.01.2012 поступление налогов и сборов из региона в консолидированный бюджет России составило 21 866 млн. рублей. При этом недоимка по налогам и сборам оценивалась в размере 1 900 млн рублей — почти 10%. По состоянию на 1 января 2019 г. в бюджетную систему поступило 32 179 млн рублей при недоимке в абсолютных цифрах 6 176 млн рублей, в процентном соотношении 19,2%. Приведенные цифровые показатели свидетельствуют о том, что за последние 7 лет, только в отмеченном субъекте Российской Федерации, ущерб от не поступивших в бюджет налоговых отчислений возрос в 3 раза.

Между тем в юридической литературе не сложилось единого подхода к определению понятия налогового преступления.

Приведенные в статье 8 Налогового кодекса РФ общеобязательные правовые положения позволяют сформулировать границы налогового преступления в узком смысле, где объектом преступного посягательства выступают процессы, связанные с уплатой организациями и физическими лицами налоговых платежей, сборов и страховых взносов.

Так, И. И. Кучеров полагает, что «все преступления, связанные с налогообложением, необходимо подразделить на собственно налоговые преступления и на преступления против порядка налогообложения». В первом случае, преступные деяния заключаются в уклонении от выполнения обязанностей по начислению и уплате налогов, во втором — преступления, посягающие на установленный порядок деятельности налоговых органов по осуществлению налогового контроля и привлечению виновных лиц к ответственности [9, с. 28].

По мнению Н. Н. Надежина, налоговое преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания и посягающее на финансовые интересы государства в сфере налогообложения [12, с. 25].

На наш взгляд, понятие налогового преступления, сформулированное Н. Н. Надежиным, наиболее приемлемо, поскольку охватывает многочисленные способы воздействия на объект рассматриваемой категории преступного посягательства. Вместе с тем приведенное определение Н. Н. Надежина нуждается в корректировке с учетом толкования налогового преступления, содержащегося в организационно-распорядительных актах правоохранительных органов.

Для подтверждения сделанного нами вывода считается целесообразным привести ряд статистических и информационных сведений, позволяющих получить представление о налоговых преступлениях, их регистрации и динамики на примере Республики Бурятия.

Если обратиться к официальным сведениям информационного центра МВД по Республике Бурятия о регистрации налоговых преступлений за последние 7 лет в регионе, то отчетливо видна имеющаяся динамика роста выявления правоохранительными органами республики таких преступлений.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Регистрация преступлений в сфере налогообложения	49	55	58	77	64	158	126

Вместе с тем, приведенные статистические данные о налоговых преступлениях требуют пояснений о том, какие общественно опасные деяния включаются информационным центром МВД по Республике Бурятия в категорию налоговых преступлений.

В настоящее время порядок статистического учета налоговых преступлений регламентирован совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25.12.2018 № 853/11 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Согласно данного ведомственного организационно-распорядительного документа объектом налогового преступления являются разнообразные источники формирования доходной части бюджета.

В частности, к налоговым отнесены преступления, предусмотренные статьями 327.1, 171.1 УК РФ, в которых предусматривается уголовная ответственность за незаконный оборот подакцизных товаров, знаков соответствия, реализации немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированных табачных изделий.

Кроме того, к налоговым преступлениям могут быть отнесены нарушения авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также предпринимательская деятельность, осуществляемая без регистрации или без лицензии, либо связанная с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица, наряду с незаконной банковской деятельностью и неправомерным оборотом средств платежей.

Более того, налоговые преступления могут быть сопряжены с совершением преступлений не только в сфере экономики, но и направлены против интересов службы в коммерческих организациях, в органах государственной власти, интересов государственной службы и службы в системе местного самоуправления.

Несмотря на разные объекты посягательств, единственным условием отнесения перечисленных преступлений к налоговым, является взаимосвязь преступных действий (бездействий) с процессом налогообложения.

На наш взгляд определение налогового преступления в том аспекте, в котором оно закреплено и используется в правоприменительной практике, должно пониматься в широком смысле. Считаем, что под налоговым преступлением следует понимать виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания, посягающее на финансовые интересы государства в сфере налогообложения, а также связанное с обращением подакцизных товаров, а равно продукции, подлежащей обязательной маркировке и с иными взаимосвязанными и (или) совокупными действиями (бездействиями), препятствующими установленному порядку формирования доходной части бюджета.

После того, как нами очерчены границы налоговой преступности, следует остановиться на проблемах противодействия таким криминальным проявлениям.

Нельзя не согласиться с мнением А. П. Кузнецова, С. В. Изосимова о том, что большинство населения не желает платить налоги. По данным разных исследователей, до 90% граждан России полагают, что укрытие доходов от государства является правильным, и не осуждают неплательщиков [10, с. 31].

Как отмечает С. А. Яльшев, противодействие уголовному преследованию в досудебном и судебном производстве — объективно существующий процесс,

сопутствующий изобличению подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [18, с. 26].

В рамках оказания противодействия уголовному преследованию могут совершаться различные действия (бездействие), направленные на уклонение от уголовной ответственности. В ряде случаев такая деятельность носит незаконный характер, в других наоборот — реализуется предусмотренными законом способами в целях защиты прав и интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Однако в любом случае противодействие уголовному преследованию создает препятствия для реализации прокурором, следователем, дознавателем, оперативными сотрудниками органов дознания своих должностных полномочий по решению стоящих перед ними задач [15, с. 17].

Как абсолютно точно отмечает Ю. П. Гармаев, в решении проблемы преодоления противодействия расследованию (уголовному преследованию) акцент должен быть смещен на прогнозирование и предупреждение такого противодействия, равно как и на предупреждение совершения преступлений [7, с. 9].

Для более наглядной картины о динамике налоговой преступности целесообразно привести постатейную структуру регистрации налоговых преступлений и итогах их расследования в Республике Бурятия, основанную на статистических сведениях, аккумулированных в базе данных информационного центра МВД по региону за минувший год.

Наименование статьи УК РФ	Возбуждено уголовных дел	Направлено в суд	Прекращено	Приостановлено	В производстве
Статья 159	6	3	1	1	1
Статья 173	2	-	-	-	2
Статья 194	1	1	-	-	-
Статья 198	2	-	-	-	2
Статья 199	14	7	2	-	5
Статья 199.1	1	1	-	-	-
Статья 199.2	6	3	1	-	2
Статья 327.1	94	-	1	86	7

Изучение нами вышеперечисленных категорий уголовных дел позволяет более детально прокомментировать приведенные цифровые показатели. Считаем, что в рамках данной статьи достаточно описать основные характеристики преступных деяний, доминирующих в налоговой преступности региона — это статьи 159, 199 и 327.1 УК РФ.

Как видно, подавляющее большинство налоговых преступлений связано с совершением преступления, предусмотренного статьей 327.1 УК РФ. В более чем в 90% таких уголовных дел объект преступного посягательства обусловлен изготовлением в целях сбыта и сбытом поддельных акцизных марок, а также федеральных специальных марок для маркировки алкогольной продукции. Все такие преступления по итогам прошлого года остались нераскрытыми, производство предварительного расследования по ним приостановлено на основании пункта 1 части 1 статьи 208 УПК РФ, ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Причина такого положения дел кроется в специфике совершенных преступлений. Алкогольная продукция с поддельной маркировкой является ввозной из других субъектов Российской Федерации. При рас-

следовании уголовного дела № 1-18-02810002-92-1948 продавец и покупатель такой спиртосодержащей продукции, установленные исходя из сведений, содержащихся в товарно-транспортных накладных, дали однотипные показания о своей неосведомленности о поддельности маркировочных знаков и представили сведения о том, что они являются добросовестными приобретателями. Фактического изготовителя и сбытчика такой продукции установить оперативно-следственным подразделениям не удалось // Архив МВД по Республике Бурятия.

Изучение уголовных дел, оконченных следователями следственного управления МВД по Республике Бурятия по мошенничествам (статья 159 УК РФ), а также следователями следственного управления Следственного комитета России по Республике Бурятия по фактам уклонения от уплаты налогов (статья 199 УК РФ) позволяют выделить одну закономерность.

Все выявленные преступления обозначенной категории связаны с действиями руководителей юридических лиц по уплате федерального налога на добавленную стоимость (далее — НДС). При уклонении от уплаты НДС налогоплательщики занижают налогооблагаемую базу по операциям, которые в соответствии со статьей 146 Налогового кодекса РФ признаются объектами налогообложения. Мошеннические действия обусловлены нарушением порядка возмещения указанного налога (статья 176 Налогового кодекса РФ).

В качестве характерного примера, раскрывающего применяемые недобросовестными налогоплательщиками схемы по уклонению от уплаты НДС, можно привести уголовное дело по обвинению руководителя ООО «А» М.

В период с 01.01.2014 года по 31.12.2016 года ООО «А» осуществляло деятельность по производству промышленных газов, оптовой торговлей газом. При получении ООО «А» оплаты за поставленный товар, в соответствии с главой 21 Налогового кодекса РФ у Общества возникла обязанность по уплате НДС.

Для уклонения от уплаты налогов М. разработал схему, предусматривающую уменьшение размера налоговой обязанности путем создания формального документооборота без осуществления реальной предпринимательской деятельности с фирмами-«однодневками», позволяющую получить документально подтвержденное право на получение вычетов по НДС.

Механизм реализации незаконной схемы состоял из последовательных действий. Изначально производился подбор фирмы — «однодневки», зарегистрированной за пределами Республики Бурятия. После чего осуществлялось составление номинальных хозяйственных договоров с фирмами-«однодневками», фиктивное проведение оплаты с учетом НДС за якобы предоставленные услуги, выполненные работы, поставленный товар, без выполнения со стороны фирм-«однодневок» работ и без осуществления поставок, заполнялись несоответствующие действительности первичные бухгалтерские документы, подтверждающие совершение операций, а именно актов приемки выполненных работ унифицированной формы КС-2, справок о стоимости выполненных работ унифицированной формы КС-3, счетов-фактур, товарных накладных и других документов. Затем составленные фиктивные документы принимались и отражались в бухгалтерском учете ООО «А». По итогам налогового периода на основании отраженных в бухгалтерском учете ООО «А» фиктивных документов составлялись налоговые декларации по НДС с заведомо ложными сведениями, а именно налоговыми вычетами по НДС и соответственно суммой НДС к уплате, которые представлялись в налоговую инспекцию.

Предварительным расследование установлено, что в результате включения по указанию М. в налоговые декларации по НДС за 1, 2, 3 и 4 кварталы 2015 года, 1, 2 и 3 кварталы 2016 года ложных сведений о взаиморасчетах с фирмами-«однодневками» ООО «Агаз» и ООО «Бгаз» налогоплательщик ООО «А» уклонилось от уплаты налогов в особо крупном размере свыше 18 млн. рублей.

По окончании расследования уголовное дело направлено в суд. Вступившим в законную силу приговором Советского районного суда г. Улан-Удэ от 28.11.2018 М. признан виновным в совершении преступления, предусмотрено пунктом «б» части 2 статьи 199 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 350 тыс. рублей [уголовное дело № 1-388/2018 // Архив Советского районного суда г. Улан-Удэ].

Естественно способы совершения налоговых преступлений неограничиваются только использованием фирм-«однодневок». На сегодняшний день актуальной является проблема выявления налогового преступления при дроблении бизнеса. Наибольшую трудность на практике вызывает разграничение действий налогоплательщика, направленных на незапрещенную законом оптимизацию налоговой нагрузки и определение конкретных обстоятельств, свидетельствующих о совершенном преступлении. ФНС России в письме от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» отмечено, что только сознательные действия самого налогоплательщика могут свидетельствовать об умышленном искажении сведений о фактах хозяйственной жизни. Характерным примером такого «искажения» является: создание схемы «дробления бизнеса», направленной на непропорциональное применение специальных режимов налогообложения; совершение действий, направленных на искусственное создание условий по использованию пониженных налоговых ставок, налоговых льгот, освобождения от налогообложения; создание схемы, направленной на непропорциональное применение норм международных соглашений об избежании двойного налогообложения; нереальность исполнения сделки (операции) сторонами (отсутствие факта ее совершения).

Такая позиция воспринята и судебной системой. В частности в постановлении Президиума Верховного суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 53-П18 отражено, что установленные по уголовному делу обстоятельства, указывающие на незаконное использование виновными лицами для хищения чужого имущества путем обмана договоров в сфере предпринимательской деятельности, обязательства по которым заведомо не могли быть исполнены, свидетельствуют о незаконности и недобросовестности их действий, совершенных в обход закона с противоправной целью, что в силу положений части 1 статьи 10 Гражданского кодекса РФ является недопустимым при осуществлении гражданских прав.

По материалам, подготовленным АО «Консультант-Плюс», основанным на правовых актах по состоянию на 04.03.2019, признаками формального дробления бизнеса являются следующие факторы: между руководителями и учредителями организаций имеются родственные отношения; участники зарегистрированы по одному адресу; расчетные счета открыты в одном банке; один участник представляет отчетность за другие организации; у подконтрольных организаций отсутствуют активы и основные средства для самостоятельного ведения деятельности; все организации осуществляют доступ к «Банк-клиенту» с одного IP-адреса; право подписи в банковских документах одной организации предоставлено работникам, оформленным в других организациях; между организациями

ствуется разделение деятельности, субъекты организационно не обособлены, их деятельность является частью единого производственного процесса, направленного на достижение общего экономического результата [19].

Приведенные примеры из судебно-следственной практики показывают, что для сбора доказательств преступной деятельности в сфере налогообложения органам, осуществляющим уголовное преследование недостаточно изъять представленные недостоверные налоговые декларации и получить показания по обстоятельствам искажения налогооблагаемой базы. Для проведения судебных бухгалтерских, компьютерно-технических и других видов экспертиз требуются объекты исследования. Это, прежде всего учредительные, бухгалтерские документы, средства хранения, обработки и передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационные сети, а также сведения о выполнении работ, оказании услуг, учитываемые при формировании налогооблагаемой базы.

Перечисленные объекты на досудебной стадии уголовного судопроизводства изымаются при производстве осмотров, выемок, обысков, а в рамках оперативно-розыскной деятельности, как правило, при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Как справедливо отметил Е. В. Смахтин оперативно-розыскная работа сама по себе аморальна, поскольку вторгается в частную жизнь человека, гражданина при использовании негласных средств и методов. Поскольку гражданин даже не знает, когда такое вторжение происходит. Следовательно также вторгается в частную жизнь человека. Поэтому нужно заботиться о стержне недопустимости нарушения закона, уголовное преследование неприемлемо ради достижения сиюминутного результата [17].

Наша позиция сводится к тому, что при проведении отмеченных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, деятельность органов, осуществляющих уголовное преследование, должна основываться исключительно на незапрещенных законом методах и приемах. Для истинной состязательности сторон только законные способы обязательны и для стороны защиты.

В этой связи, по нашему мнению, неэтичны описанные А. В. Коллеговым методы противодействия следствию при проведении обыска в жилище системного администратора, когда по рекомендации адвоката ответственность с фактического пользователя компьютерно-техническими объектами перекладывается на не имеющего никакого отношения к обстоятельствам преступления родственника только с целью опорочить процедуру проведения следственного действия [11, с. 24–31].

Приведем пример из практики, когда «подтасовка» фактических обстоятельств привела к прекращению уголовного дела о совершении налогового преступления.

До проведения оперативно-розыскного мероприятия в компании «К» из территориального подразделения Росреестра получен ответ о регистрации офиса обозначенной компании в статусе нежилого помещения. Соответственно обследование офиса проведено оперативной службой без получения судебного решения, предусмотренного статьей 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Оперативной службой изъятые бухгалтерские документы, на основании которых органом следствия проведена экспертиза. Экспертом сделан вывод о размере налоговой недоимки компании «К».

Более того, исследованные следователем документы позволили установить контрагентов, взаиморасчеты с которыми позволили руководителю компании «К» уменьшить налогооблагаемую базу при исчислении НДС. Встречная проверка документов этих партнеров по бизнесу наряду с допросами их руководителей подтвердили недостоверность сведений, учтенных при составлении налоговых деклараций.

Однако в ходе следствия адвокатом директора компании «К» в суд на основании статьи 125 УПК РФ направлена жалоба о признании незаконным оперативно-розыскного мероприятия в ходе которого изъяты бухгалтерские документы. Сторона защиты сослалась на использование руководителем помещения компании для личного проживания. В судебном заседании по ходатайству адвоката допрошена знакомая руководителя, подтвердившая, что трижды оставалась ночевать в офисе компании. При этом суд отверг доводы стороны обвинения о том, что такое помещение непригодно и не предназначено для временного проживания.

Безусловно, участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения также не всегда обеспечивается точное соблюдение предписаний закона. Например, когда к изъятию вещественных доказательств привлекаются несовершеннолетние понятые либо в протоколах следственных действий указывается недостоверные дата и время их проведения. Отмеченные нарушения закона приводят к признанию важнейших улик по делу недопустимыми доказательствами.

Резюмируя изложенное, выделим существенные на наш взгляд аспекты, которые необходимо учитывать, говоря о противодействии уголовному преследованию по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Во-первых, учитывать, что понятие налоговой преступности в ведомственных актах правоохранительных органов включает в себя не только действия (бездействия) по исчислению и уплате налогов, сборов, страховых взносов, но и правоотношения, связанные с пополнением государственной казны. В частности при обороте подакцизных и подлежащих маркировке товаров.

Во-вторых: преодоление противодействия расследованию (уголовному преследованию) невозможно без прогнозирования и предупреждения такого противодействия. На сегодняшний день для достижения этих целей требуется совершенствование частных видов криминалистических методик по выявлению и документированию фактов использования недобросовестными налогоплательщиками фирм-«однодневок», дробления бизнеса.

Выскажем свое мнение о том, что для максимально эффективного сбора доказательств совершения налогового преступления государством должны быть задействованы профессиональные игроки, специалисты налогового права. Целесообразность возложения на работников финансовых органов, налоговой службы обязанностей по расследованию налоговых преступлений продиктована исключительно практическими соображениями. Безусловно, мы не настаиваем на возрождении органов налоговой полиции. Однако к такой необходимости пришли многие зарубежные страны. В частности в Германии расследование налоговых преступлений отнесено к компетенции финансовых органов под надзором прокуратуры [20. С. 9-10].

В-третьих: сбор и оценка доказательств со стороны участников уголовного судопроизводства должны основываться исключительно на незапрещенных законом способах. Искажение фактов о преступной деятельности участниками

процесса умаляет основополагающие принципы уголовного судопроизводства, гарантирующие состязательность сторон, а также защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. ст. 3824.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.
5. Александров И. В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: дис. ... д-ра юр. наук / Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 2003. 431 С.
6. Ардаматский Д. Налоговая преступность не признает границ // Независимая газета. 2000. № 32.
7. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2016. № 2.
8. Кучеров И. И. Налоги и криминал. Историко-правовой анализ. М., 2000.
9. Кучеров И. И. Налоговая преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы : дис. ... д-ра юр. наук / Академия налоговой полиции. М., 1999.
10. Кузнецов А. П., Изосимов С. В. Криминологические проблемы налоговой преступности в России // Российский следователь. 2001. № 7. С. 31.
11. Колегов А. В. Как не стать легкой добычей оперов, следователей, прокуроров и судей [Электронный ресурс]. URL: Copyright 2014 www.AdvoKat-Ko.Ru.
12. Надежин Н. Н. Понятие налогового преступления в эволюции правовой системы России XX в. // Налоги. 2007. № 6. С. 25.
13. Колесников В. В., Степашин С. В. Экономическая преступность в современном рыночном хозяйстве / Юридический центр Пресс. СПб., 2000.
14. Мазуренко Д. В., Петушков Д. Н. Опыт работы прокуратуры Республики Бурятия по возмещению ущерба, причиненного налоговыми преступлениями // Следственная практика. 2017. № 201. С. 67–68.
15. Поликарпов Б. А. Противодействие уголовному преследованию в следственных изоляторах и криминалистические средства его преодоления : дис. ... канд. юр. наук / Бурятский государственный университет. Улан-Удэ, 2016.
16. Соловьев И. Н. О легализации доходов, полученных незаконным путем и их налогообложение [Электронный ресурс]. URL: http://www.elaw.ru/vestnik/8_3.shtml.
17. Об Уральской научной школе криминалистики и многом другом: интервью с доктором юридических наук, профессором Е. В. Смахиным. Интервьюер — Ю. П. Гармаев [Электронный ресурс]: [мультимедийный фильм] // Краснодар, 2018. URL: <https://youtu.be/Hr9wBeazDps>.
18. Ялышев С. А. О некоторых нерешенных проблемах современной российской Криминалистики // Российский следователь. 2012. № 12. С. 26.
19. Дробление бизнеса: как избежать необоснованного доначисления налогов [Электронный ресурс]. URL: Справочно-правовая система Консультант Плюс.
20. Die Strafen bei Steuerhinterziehung. Dr. iur. Jörg Burkhard [Электронный ресурс] URL: www.drburkhard.de.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

© *Уладаева Светлана Семеновна* *

магистрант 2-го курса обучения юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
Email: ssuladaeva@icloud.com

В статье рассматриваются вопросы применения домашнего ареста как меры пресечения в России. Автор анализирует опыт зарубежных государств. Анализирует статистические данные. В заключении автор предлагает внести изменения и дополнения с целью урегулирования проблем, возникающих при избрании и исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Ключевые слова: мера пресечения; домашний арест; гуманизация уголовного наказания; нарушение обвиняемым условий домашнего ареста; изменение меры пресечения.

The article discusses the use of house arrest as a preventive measure in Russia. The author analyzes the experience of foreign countries. Analyzes statistical data. In conclusion, the author proposes making changes and additions in order to resolve problems arising during the election and execution of a preventive measure in the form of house arrest.

Keywords: preventive measure; house arrest; humanization of criminal punishment; violation of the conditions of house arrest by the accused; change of the preventive measure.

Мера пресечения в виде домашнего ареста была введена в новую редакцию Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2011 году [1], но существует ряд недостатков в уголовно-процессуальном законодательстве, в связи с чем данная мера пресечения не может быть осуществлена в полном объеме, хотя динамическое развитие современного общества требует совершенствования многих систем, в том числе и уголовно-процессуальной, и гуманизация законов это подтверждает. Поэтому в связи с ростом востребованности данной меры пресечения необходимо данные недостатки устранять, чтобы утвердить существующие в нашем государстве правовые нормы.

Домашний арест в каждом государстве трактуется по-своему, например, в США домашний арест не является новшеством. Этот вид меры пресечения предусмотрен Сводом законов США 1976 года, а также собственным правом штатов. Согласно законам США, домашний арест применяется по решению суда и предполагает, что осужденный должен постоянно находиться в своем доме. В квартире не должно быть никаких алкогольных напитков, наркотиков и оружия. Общение по телефону ограничивается временными рамками, а в случае наличия у осужденного компьютера с возможностью работы в Интернете его предупреждают, что его виртуальная жизнь будет держаться под контролем.

В ряде стран бывшего СССР домашний арест вообще отсутствует: Армения, Узбекистан, Туркменистан, Киргизская Республика. Это обусловлено тем, что в

* Научный руководитель — Б. Б. Самданова, канд. юр. наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

данных государствах не считают данный вид меры пресечения эффективным и целесообразным. Однако во многих других странах он принят и имеет ряд своих особенностей, которые можно было бы принести в УПК РФ [4, 161-162с].

В Российской Федерации статистические данные свидетельствуют о росте числа лиц, находящихся под домашним арестом с 88 чел. в 2008 году до 6 442 чел. в 2017 году. За последние пять лет численность домашних арестантов увеличилась более чем в 4 раза, с 5 тыс. человек в 2013 году до 22 тыс. в 2018 году. С каждым годом количество лиц, кому назначается домашний арест, возрастает на 15-20%.

Планомерно реализуется государственная политика, направленная на гуманизацию уголовных наказаний, в связи, с чем расширяется и правоприменительная практика судов по назначению альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

В первую очередь это делается для снижения численности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах. Домашний арест избирается судом, как правило, в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой либо средней тяжести.

Находящихся под домашним арестом людей снабжают электронными браслетами с 2013 года. За последние 5 лет эти средства контроля применялись в отношении более 60 тыс. подозреваемых или обвиняемых [6].

Анализ статистических данных свидетельствуют о том, что доля лиц, помещенных под домашний арест, в сравнении с общим числом лиц, заключенных под стражу, в 2017 году составила лишь 5,7% [5].

Причина столь несущественного применения домашнего ареста кроется в проблемах правового и организационного характера, возникающих при исполнении рассматриваемой меры пресечения.

По данным Р. М. Жилиева и С. Н. Лосева в 2017 году выборочный опрос практических работников УИИ о практике исполнения домашнего ареста показал следующее.

Большинство респондентов (92%) посчитали неэффективным исполнение домашнего ареста. В качестве причин неэффективности исполнения домашнего ареста респонденты назвали плохой уровень законодательного (90%) и ведомственного (93%) правового регулирования механизма надзора за исполнением наложенных судом запретов и (или) ограничений. Значительная часть сотрудников УИИ (86%) посчитала невозможным при помощи имеющихся в распоряжении УИИ электронных устройств зафиксировать факт нарушения лицом, помещенным под домашний арест запретов на отправку и получение корреспонденции, использование средств связи и сети «Интернет». По мнению практических работников УИИ, трудности, возникающие в ходе исполнения запретов на получение и отправку корреспонденции, использование средств связи и сети «Интернет» можно решить только путем внесения дополнений в уголовно-процессуальный закон (86%) и закон определяющий содержание оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации (67%). Также опрос выявил наличие определенных трудностей по взаимодействию УИИ с участниками уголовного процесса (дознателями, следователями, прокурорами и судьями), таких как:

1) оставление без внимания уведомлений УИИ о нарушении обвиняемыми условий домашнего ареста;

2) игнорирование сообщений УИИ о невозможности по объективным причинам обеспечить исполнение запретов домашнего ареста (например, местом исполнения домашнего ареста определен дом престарелых, часть персонала которого является свидетелями, а другая часть потерпевшими, с которыми обвиняемому запрещено как видится, так и общаться);

3) самостоятельная доставка представителями следствия и дознания лиц, помещенных под домашний арест на следственные действия и судебные заседания;

4) помещение под домашний арест лиц, представляющих повышенную общественную опасность (под домашний арест помещен ранее неоднократно судимый, отрицательно характеризующийся обвиняемый в совершении тяжкого преступления (ст. 111 УК РФ), который находясь под домашним арестом, вновь совершил аналогичное преступление) [3, с. 353].

Данный опрос практических работников УИИ позволяет выделить ряд положений уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [1], в которые требуется внести изменения и дополнения с целью урегулирования проблем, возникающих при избрании и исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Во-первых, необходимо законодательно решить проблему исполнения запретов и ограничений на получение и отправку корреспонденции, использование средств связи и сети «Интернет». В этой связи следует дополнить ст. 185, ст. 186 и ст. 186-1 УПК РФ новым положением, которое позволяло бы в случае применения домашнего ареста проводить весь спектр следственных действий, направленных на обеспечение указанных запретов и ограничений, но с запретом на их использование в качестве доказательств по уголовному делу.

Во-вторых, узаконить уже существующую практику доставки подозреваемых и обвиняемых, помещенных под домашний арест на следственные действия и судебные разбирательства силами полиции, для чего внести соответствующие изменения в ч. 12 ст. 107 УПК РФ и ст. 12 Федерального закона «О полиции».

Литература

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. ст. 900.

2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. ст. 7362.

3. Жиляев Р. М., Лосева С. Н. Домашний арест: проблемы правоприменения // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10 (27). С. 353–354.

4. Соколова А. С. Домашний арест в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы избрания и применения // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сборник научных трудов / под общ. ред. Г. Н. Суловой. Тверь, 2018. С. 161–167.

5. Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.01.2019).

6. ФСИН: Более 20 тысяч россиян были отправлены под домашний арест в 2018 году. URL: <http://https://www.pravmir.ru/fsin-bolee-20-tyisyach-rossiyan-byili-otpravlenyi-pod-domashniy-arest-v-2018-godu> (дата обращения: 28.01.2019).

ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА И ЕГО РОЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© *Цыденова Анастасия Владимировна*

магистрант 2-го года обучения юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: alextsy2094@gmail.com

В статье затрагивается актуальная в условиях глобализации проблема информационного взаимодействия в российском уголовном судопроизводстве с участниками, не владеющими языком, на котором оно ведется. Подчеркивается, что одной из важнейших процессуальных гарантий реализации прав участников, не владеющих языком уголовного судопроизводства, является привлечение профессионального переводчика. Анализируются предложенные разными авторами дефиниции понятия «переводчик», а также требования, которым должен отвечать переводчик как участник уголовного судопроизводства, оказывающий содействие лицам, не владеющим языком на котором ведется судопроизводство. Высказывается мнение о необходимости создания специализированных образовательных организаций, занимающихся подготовкой специалистов в области профессионального перевода. Приводится опыт США о синхронном переводе с использованием электронного переводчика, позволяющего в режиме реального времени проверить достоверность перевода. В заключении обращается внимание на особое значение профессионального перевода в уголовном судопроизводстве как неотъемлемое условие эффективной реализации принципа языка уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип языка уголовного судопроизводства, процессуальные гарантии, иные участники уголовного судопроизводства, переводчик, профессиональный переводчик, сурдопереводчик, процессуальный статус переводчика.

The article addresses the problem of information interaction in Russian criminal proceedings with participants who do not speak the language in which it is conducted in the context of globalization. It is emphasized that one of the most important procedural guarantees for the realization of the rights of participants who do not speak the language of criminal proceedings is the involvement of a professional translator. The definitions of the notion «translator» proposed by different authors are analyzed, as well as the requirements that the translator must meet as a participant in criminal proceedings, assisting persons who do not speak the language in which the proceedings are conducted. The opinion is expressed on the need to create specialized educational organizations engaged in the training of specialists in the field of professional translation. The US experience on simultaneous translation using an electronic translator, which allows real-time verification of the accuracy of the translation, is given. The conclusion draws attention to the special importance of professional translation in criminal proceedings as an essential condition for the effective implementation of the principle of the language of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, principle of language of criminal proceedings, procedural guarantees, other participants in criminal proceedings, translator, professional translator, sign language interpreter, procedural status of an interpreter.

В условиях глобализации, сопровождаемой политической, социальной, экономической, расовой и религиозной нестабильностью в мире, каждый год проис-

ходит увеличение миграционного потока. По мнению А. Ю. Мищенко в условиях повышения интенсивности миграционного потока граждане становятся социально уязвимыми, что выражается в высокой вероятности стать жертвой преступных посягательств либо самим их совершить, а равно стать зачинщиком противоправной деятельности [1, с. 244].

В случае если иностранный гражданин становится участником уголовного судопроизводства, в качестве подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего или свидетеля, он приобретает соответствующий процессуальный статус, то есть наделяется правами и обязанностями, реализация которых обеспечивается посредством закрепленных в законе процессуальных гарантий.

Приведенные обстоятельства подтверждаются в п.3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются аналогичными правами и обязанностями что и граждане Российской Федерации» [2].

Одной из важнейших процессуальных гарантий обеспечения прав иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве является принцип языка уголовного судопроизводства. Так, согласно ч. 2 ст. 18 УПК РФ «участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном настоящим Кодексом» [3].

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что своего рода гарантом реализации процессуального статуса иностранного гражданина как участника российского уголовного судопроизводства является профессиональный переводчик.

Рассмотрим более подробно понятие переводчика как участника уголовного судопроизводства.

Для начала обратимся к содержанию ч. 1 ст. 59 УПК РФ, закрепляющей легальную дефиницию понятия переводчик: «переводчик — лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [3].

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине нет единства во мнениях относительно определения понятия переводчик. По мнению большинства ученых-процессуалистов, легальная дефиниция понятия переводчик не носит исчерпывающий характер и требует уточнения. Рассмотрим некоторые из существующих научных подходов к определению понятия «переводчик», которые, на наш взгляд, представляют наибольший исследовательский интерес.

Так, по мнению представителя советской школы уголовного права М. А. Джафаркулиева «переводчик — это лицо, достигшее совершеннолетия, достаточно владеющее языками и специальной терминологией, знание которых необходимо для полного, точного выполнения им в рамках следственных и судебных действий перевода; не выполняющее функцию данного участника процесса по данному делу; не заинтересованное в исходе дела, принявшее на себя

функции перевода и назначенного органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом в случаях, предусмотренных в законе» [4, с. 81].

По мнению Н. В. Софийчук «переводчиком следует понимать специалиста, привлекаемого к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода, а равно сурдоперевода» [5, с. 21].

Однако основываясь на трудах С. В. Швеца «выделение сурдоперевода как самостоятельного вида перевода неоправданно, так как процессуальный статус того и другого ничем не отличается» [6, с. 124].

С учетом приведенных обстоятельств, представляется возможным заключить, что переводчик — это лицо, которое свободно владеет языком и терминологией, необходимой терминологией и специализируется в сфере уголовного судопроизводства.

Далее следует отметить, что в настоящее время также существует проблема процессуального положения переводчика в уголовном судопроизводстве, которая на протяжении длительного времени является объектом научных дискуссий среди ученых-процессуалистов.

Анализируя соотношение процессуального положения переводчика с процессуальным положением специалиста, А. В. Куликов и А. А. Новиков высказывают мнение о том, что эти категории являются тождественными [7, с. 3].

Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку считаем, что с позиции действующего уголовно-процессуального законодательства специалист и переводчик не являются тождественными понятиями. Наша точка зрения находит подтверждение в научной литературе [8, с. 505].

Таким образом, переводчик как иной участник уголовного судопроизводства не имеет самостоятельной материально-правовой заинтересованности в исходе дела и действует исключительно в рамках своей компетенции, в то время как специалист, также, не имея самостоятельной заинтересованности в деле, ограничен в своих действиях другими участниками уголовного судопроизводства, к примеру, дознавателем или следователем.

С учетом изложенного, представляется совершенно оправданной позиция законодателя закрепить процессуальный статус специалиста и переводчика в отдельных статьях УПК РФ (ст. 58, 29), подчеркивающая их самостоятельный процессуальный статус [3].

Представляется, что эффективность реализации принципа языка уголовного судопроизводства во многом обусловлена профессиональной компетентностью переводчика. Полагаем, что в контексте изложенного возникает объективная необходимость в подготовке «профессионального переводчика», обладающего не только специальными знаниями в области языка и навыками перевода, но и имеющего представление о процедуре осуществления уголовного судопроизводства.

По мнению А. Ю. Мищенко «профессиональный переводчик» должен отвечать следующим требованиям:

- 1) в качестве переводчика может выступать только физическое вменяемое лицо, достигшее совершеннолетия, правоспособное и дееспособное;
- 2) переводчик не должен иметь самостоятельной материально-правовой заинтересованности в исходе дела;

3) переводчик должен обладать профессиональной компетентностью, необходимой для реализации, возложенной на него уголовно-процессуальной функции [9, с. 246].

Принимая во внимание приведенную точку зрения, представляется возможным резюмировать, что переводчик должен являться компетентным профессионалом, способным обеспечить реализацию на должном уровне информационного взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства, в условиях, когда кто-либо из них не обладает языком, на котором оно производится.

Обозначенные обстоятельства обуславливают исследовательский интерес в изучении перспективы создания специализированных образовательных организаций, занимающихся подготовкой специалистов в области профессионального перевода. Полагаем, что именно профессиональный переводчик, будучи компетентным специалистом, сможет в полной мере осуществлять уголовно-процессуальную функцию содействия уголовному судопроизводству и реализации принципа языка уголовного судопроизводства.

Не менее важным условием реализации принципа языка уголовного судопроизводства и одним из требований, предъявляемых к переводчику, является недопустимость заведомо неправильного перевода. Полагаем, что для решения данной проблемы следует обратиться к опыту США.

На сегодняшний день судебная система США предусматривает возможность осуществления синхронного перевода, в условиях, когда предоставляемые данные переводчика можно в онлайн-режиме проверить и сравнить с данными электронного переводчика. Электронный переводчик, как и любое другое техническое средство, должен обладать необходимым программным обеспечением, а также быть сертифицированным. Безусловно, существующие электронные переводчики не безупречны, но научно-технический прогресс не стоит на месте, что дает основания полагать, что в ближайшем будущем все технические огрехи будут устранены [10].

В заключении следует отметить, что участие переводчика в уголовном судопроизводстве является одной из важнейших процессуальных гарантий реализации прав участников, не владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. В этой связи возникает объективная потребность в создании механизма подготовки профессиональных переводчиков, участие которых в уголовном судопроизводстве позволит сократить время на адаптацию и ознакомление с процедурой проведения допроса и повысить корректность перевода, поскольку он уже будет владеть спецификой терминологии.

Литература

1. Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Джафаркулиев М. А. Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве. Баку: Азернерш, 1989. С. 81.

5. Софийчук Н. В. Производство следственных действий с участием иностранных граждан СНГ (По материалам Иркутской области и Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Иркутск, 2005.
6. Швец С. В. Содержание понятия «переводчик» в российском уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2014. №7. С. 124–126.
7. Куликов А. В., Новиков А. А. Соотношение процессуального положения специалиста, психолога, педагога и переводчика в уголовном судопроизводстве России // Российский судья. 2007. № 1. С. 33–36.
8. Семенов Е. А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2(34). С. 503–508.
9. Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.
10. Винников А. В. Лингвистика, закон и «понятия». О лингвистических проблемах юстиции и общества [Электронный ресурс]: URL: http://e-notabene.ru/pm/article_378.html (дата обращения: 12.02.2019).

**ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГЛОНАСС КАК СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ
ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ**

© *Шарапова Алина Владимировна*
магистрант 1-го курса юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: 79140569402@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием современных средств навигации для предупреждения незаконной рубки лесных насаждений. Отмечаются существующие средства маркировки древесины, для предотвращения совершения преступлений в этой сфере. Исследуется зарубежный опыт применения метода чипирования лесов и дистанционного наблюдения для идентификации лесоматериалов при расследовании преступлений. Проводится анализ опыта внедрения отдельных элементов чипирования в деятельности лесозаготовительных организаций Российской Федерации.

Ключевые слова: ГЛОНАСС, GPS, незаконная рубка лесных насаждений, чипирование леса, расследование преступлений.

This article discusses issues related to the use of modern navigation tools to prevent illegal logging of forest plantations. There are existing means of marking wood, to prevent the commission of crimes in this area. We study the foreign experience of using the method of chipping forests and remote monitoring, to identify timber while investigating crimes. An analysis is made of the experience of introducing individual elements of chipping into the activities of logging organizations of the Russian Federation.

Keywords: GLONASS, GPS, illegal logging of forest plantations, wood chipping, investigation of crimes.

На территории Российской Федерации (далее — РФ) расположено более 20% мировых запасов древесины и 406 различных пород деревьев [1, с. 70]. При этом значительная часть приходится на территорию дальневосточного федерального округа (далее — ДФО), в том числе Республику Бурятия (далее — РБ). Исходя из этого, сохранение лесов остается одной из основных задач в сфере экологии для РФ.

Ежедневно на территории РБ инспекторы ловят с поличным «черных» лесорубов и их число с каждым годом становится все больше [6]. Так, за 2017 г. около 27 тысяч кубометров древесины было заготовлено незаконно, а по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. незаконных рубок в РБ стало больше на 16%, отмечают в Республиканском агентстве лесного хозяйства. Рост нелегальных лесозаготовок произошел и по данным МВД РБ. В 2017 г. всего на территории РБ по ст. 260 Уголовного кодекса РФ было зарегистрировано 1157 преступлений. При этом в 2018 г. зарегистрировано 1351 преступление, значительная часть из которых остается нераскрытой.

В связи с этим, особо актуальным является использование современных средств глобальной навигационной спутниковой системы (далее — ГЛОНАСС), в качестве наиболее эффективных и результативных для предупреждения незаконной рубки лесных насаждений.

В рамках данной статьи, особое внимание хотелось бы обратить на такие средства ГЛОНАСС как чипирование леса и дистанционный мониторинг.

В настоящее время существуют различные способы маркировки древесины, в том числе такие как: нанесение краски, клейм, этикеток и различных бирок, но при этом, ни один из них, практически, не отвечает современным требованиям. Это происходит потому, что лица, которые сегодня занимаются незаконной рубкой и получают за это на теневом рынке до 300 тысяч рублей, нашли различные способы их фальсификации.

Достаточное количество информации можно получить благодаря чипированию леса, когда на дерево устанавливается определенный микрочип. В связи с сокращением площади лесов применение чипирования является достаточно актуальным как для РФ, так и для европейских стран. Румынские технологи, например, разрабатывают свой способ маркировки, сопровождающийся установкой меток на древесину. Для того, чтобы получить необходимую информацию о древесине, после их валки, деревья раскрывают и в торцы устанавливают чип. При этом, место нахождения чипа обозначают краской [2, с. 164]. Лесоперерабатывающие заводы при этом, смогут принимать только древесину, прошедшую маркировку, что также будет гарантировать их непричастность к незаконной рубке. Также, правоохранительные органы смогут определить, из каких мест поступает древесина, то есть, из специально отведенных или национальных парков и иных охраняемых законом мест, в которые рубка леса запрещена.

Если говорить об Украине, то там тоже существуют определенные способы чипирования леса. У лесничих имеется специальный молоток, на который закрепляется чип с индивидуальным номером. Им, лесничий ударяет по торцу дерева и тем самым устанавливает этот чип. Затем, благодаря использованию соответствующей автоматизированной системы на компьютере, он вносит данные о дереве (порода, возраст, размер и др.) в него. Затем, через спутник, можно отследить весь актуальный путь перемещения деревьев лесовозами, за счет установленного микрочипа, который передает сигнал через GPS. Сотрудники правоохранительных органов оснащены специальным сканирующим чипы оборудованием. При остановке лесовозов, они могут приложить их к месту нанесения метки и получить всю необходимую информацию о деревьях. Также, подобные технические средства и возможности применяются правоохранительными органами в зоне Чернобыльской АЭС, чтобы предотвратить незаконную рубку.

В РФ некоторые предприятия также осуществляют чипирование леса. Работники Котласского целлюлозно-бумажного комбината с 2005 года используют GPS — систему, для контроля над перевозкой лесоматериалов [4, с. 50]. Соответствующая спутниковая антенна и компьютер закрепляются на лесовозы, благодаря чему, при помощи GPS можно определять территорию их передвижения и иные данные.

С 2017 года, к чипированию леса, прибегают также в Иркутской области. При этом, осуществление данной процедуры достаточно проблематично, потому что отсутствует соответствующее финансовое обеспечение и имеется сильное противодействие со стороны теневого рынка древесины. В соответствии с задумкой властей, лесовозы должны быть оборудованы чипом с системой ГЛОНАСС и GSM — модулем. В первую очередь, данная работа должна касаться пунктов приема и отгрузки древесины, что также сталкивается с определенными проблемами, так как на 2017 год их насчитывалось около 3000.

Изготовленные чипы содержат семь уровней защиты, благодаря которым их взлом сокращается к минимуму или вообще не возможен. Сначала подается лесная декларация и на каждую партию леса заполняется карта с индивидуальным номером. Этот номер вносится в Единую государственную автоматизированную информационную систему «Учет древесины и сделок с ней» (далее — ЕГАИС). Министерство лесного комплекса Иркутской области осуществляет выдачу карты и в результате этого, происходит ее активация. Из объема выданной лесосеки вычитается партия леса, поступившая с выданной картой на пункт приема древесины. Там составляется акт о переработке данной древесины и указываются номер карты. Данные сведения направляются в ЕГАИС, а затем уже отражаются в режиме реального времени. Работа карты, создание которой осуществляет «Росатом», прекращается с выработкой объема лесосеки [5]. Это необходимо, для того, чтобы увеличить объемы налоговых поступлений с лесной деятельности региона, в том числе на сокращение незаконной рубки.

Также к достаточно эффективным способам борьбы с незаконной рубкой лесных насаждений можно отнести дистанционный мониторинг. Благодаря ему, существует вероятность сдерживать количество незаконных рубок и лесных пожаров. Можно констатировать, что в соответствии с данными Федерального агентства лесного хозяйства, количество обнаруженных незаконных рубок и несоблюдение лесного законодательства сокращается более чем на 30% именно благодаря использованию дистанционного мониторинга на местности [7].

В приморском крае сегодня осуществляет работу несколько информационных системы дистанционного мониторинга, которые функционируют за счет космического наблюдения за местностью: ИСДМ-Рослесхоз и Дистанционный мониторинг незаконных рубок и использования земель лесного фонда Приморского края, которые апробируются с 2005 г. Данные системы передают снимки из космоса на единый централизованный пульт с установлением возгорания на местности. ИСДМ-Рослесхоз, уже сегодня может регистрировать загорания на площади 0,1–50 га. Более точное значение не представляется назвать возможным, так как чувствительность применяемых алгоритмов во многом зависит не только от интенсивности горения, но и от погодных условий [3, с. 115]. Также, благодаря подобному дистанционному мониторингу, в результате осуществления фотографирования можно наблюдать за расположением лесов на карте через спутник: об их наличии или произошедшей вырубке, следовательно, на карте будет отображаться пустырь.

Сегодня одним их актуальных вопросов также стоит оперативность получения снимков из космоса, для того чтобы получать достоверные сведения и положительные результаты проверок информации дистанционного мониторинга. Поэтому, необходимо создание единого центра дистанционного мониторинга в регионах. Благодаря данному единому центру, можно наиболее быстро осуществлять тушение лесных пожаров, незаконную рубку и иные правонарушения в лесном фонде.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что использование ГЛОНАСС в предупреждении незаконной рубки лесных насаждений в определенной степени позволит правоохранительным органам:

1) в режиме реального времени устанавливать местонахождение лесовозов. Благодаря помещенной на транспортное средство системе ГЛОНАСС с GSM-модулем возможно с большой вероятностью (погрешность не более 15 метров) отображать их настоящее положение на электронной карте;

2) определять историю передвижения лесовозов. Модуль, расположенный на транспортном средстве содержит в себе различную информацию, в том числе о скорости, времени стоянки и др. Данные, которые находятся в архиве, при наличии определенного технического оснащения, также могут отражаться на идентификационной карте;

3) защитить информацию от фальсификации. Неактуальные на сегодня бумажные лесорубочные носители и транспортные накладные нередко подделывают, что не грозит при использовании идентификационных карт, которые изготавливаются из пластика и содержат в себе микросхему с семиступенчатым уровнем защиты от взлома и иных несанкционированных действий, что говорит об отсутствии фальсификации данных изделий;

4) увеличить структурированность и прозрачность процесса рубки, приема и отгрузки древесины. При этом, можно противодействовать мошенничеству со стороны лесопользователей, которые, например, при наличии соответствующего лесорубочного билета, нередко, могут осуществлять рубку вне назначенного места и в гораздо больших объемах, чем это прописано законодательством в его билете.

Лес, как и другие природные ресурсы, нуждается в особой правовой охране, что вызвано его неповторимыми свойствами и характеристиками. Различные страны и регионы, должны осуществлять согласованное управление в области охраны лесного фонда, делиться своим опытом, что во многом будет способствовать более эффективной и результативной работе по правовой охране леса. Благодаря зарубежной практике использования названных механизмов идентификации леса, мы можем предположить, что и в РФ их применение будет сопровождаться достаточно высокими показателями, что позволит, в том числе правоохранительным органам, осуществлять активную борьбу с истреблением лесов.

Литература

1. Архипкин С. В. Правовые меры охраны лесов в Российской Федерации // LexRussica. 2018. № 3(136). С. 68–75.

2. Дицевич Я. Б., Бельков В. А. Чипирование лесоматериалов как фактор повышения эффективности борьбы с преступлениями в лесной отрасли // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2(40). С. 162–167.

3. Крестунов А. А. Концепция применения автономных аэростатных модулей для ведения разведки лесопожарной обстановки в целях защиты населенных пунктов от лесных пожаров // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4. С. 112–122.

4. Системы отслеживания происхождения древесины в России: опыт лесопромышленных компаний и органов управления лесами. Аналитический отчет / А. Птичников, А. Курицын. М.: Изд-во WWF России, 2011. 116 с.

5. Новиков И. Минлес Приангарья заявил о радикальном отличии нового закона о пунктах приема древесины от отмененного в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal.mk.ru/articles/2016/08/31/minles-priangarya-zayavil-oradikalnomotlichii-novogo-zakona-o-punktakhpriemadrevesiny-ot-otmenennogo-v-2015-godu.html> (дата обращения: 10.02.2019).

6. Потеря леса грозит Бурятии катастрофой века [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.infpol.ru/175958-poterya-lesa-grozit-buryatii-katastrofoy-veka/> (дата обращения: 5.02.2019).

7. Федеральное агентство лесного хозяйства: мониторинг СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/monitoring/975>. (дата обращения: 14.02.2019).

**СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ ГЕНОТИПОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

© *Шулунов Александр Васильевич*

победитель XIV Всероссийской научно-практической конференции
«Криминологические чтения»,
магистрант 2-го года обучения юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6
E-mail: alex.under.stones@gmail.com

В настоящей статье затрагивается актуальная для следственно-судебной практики проблема использования результатов генотипоскопической экспертизы в расследовании преступлений. На основе проведенного анализа научных исследований и материалов правоприменительной практики дается авторская оценка современных возможностей методов генотипоскопии при решении задач обнаружения, исследования и оценки криминалистически значимой информации. Подчеркивается, что на сегодняшний день результаты генотипоскопической экспертизы широко используются в раскрытии и расследовании преступлений, имеют важное доказательственное значение. В заключении обращается внимание на то, что, несмотря на перспективы, которые в настоящее время открывает генотипоскопия в раскрытии и расследовании преступлений, проведение таких исследований носит проблемный характер. При этом автор отмечает, что приведенные обстоятельства актуализируют потребность в проведении исследований, направленных на поиск эффективных решений возникающих проблем.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, генотипоскопия, генотипоскопическая экспертиза, ДНК-анализ, идентификация, полимеразная цепная реакция (ПЦР), федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ), геномная регистрация.

This article addresses the problem of using the results of genotypic examination in the investigation of crimes. On the basis of the analysis of scientific research and law-enforcement materials, the author gives an assessment of the current capabilities of the methods of genotyping in solving problems of detection, research and evaluation of forensic-relevant information. It is emphasized that today the results of genotypic examination are widely used in the detection and investigation of crimes, have important evidentiary value. In conclusion, attention is drawn to the fact that, despite the prospects that genotyping currently opens in the detection and investigation of crimes, the conduct of such research is problematic. At the same time, the author notes that the above circumstances actualize the need for research aimed at finding effective solutions to emerging problems.

Keywords: crime detection and investigation, genotyping, genotypic examination, DNA analysis, identification, polymerase chain reaction, federal genomic information database, genomic registration.

Генотипоскопическая экспертиза представляет собой экспертное исследование, направленное на определение принадлежности биологических объектов к конкретному человеку. Категория «биологический объект» объединяет все, что относится к организму: кровь, выделения, волосы, ногти, кости, эпителий и т.д. Каждая частичка нашего тела является носителем информации о том, кому она

принадлежит. В литературных источниках можно встретить иные термины, раскрывающие содержание анализируемого понятия, в частности: геномная идентификация, генотипоскопия, ДНК-дактилоскопия.

Впервые о возможности использования молекулы ДНК с целью идентификации человека высказался ученый из Великобритании А. Дж. Джеффрис в середине восьмидесятых годов прошлого века [1]. Автор отметил, что подобная возможность обусловлена индивидуальностью строения некоторых участков (именуемых гипервариабельными) молекулы, строго повторяющейся во всех органах и тканях человека.

Как справедливо отмечает А.В. Старченко «при отсутствии на месте происшествия доказательств, кроме следов биологического происхождения, использование метода генотипоскопии (ДНК-анализа) позволяет со стопроцентной вероятностью идентифицировать личность преступника и доказать его причастность к совершенному преступлению» [2, с. 95].

Криминалистическая значимость результатов генотипоскопической экспертизы подтверждается отечественной судебно-следственной практикой, в которой апробация уникальных технологий ДНК-исследований в условиях современной действительности все более актуализируется.

Современная преступность является следствием глобализации, открытых межгосударственных границ, снижения контроля над миграционными процессами при увеличении показателей противоправной деятельности, включая террористические, сепаратистские и религиозно — фундаменталистские организации, наркокартели, торговцев оружием, составляющих реальную угрозу для общественной безопасности.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что генотипоскопическая экспертиза представляет собой один из самых современных и эффективных средств, используемых при раскрытии и расследовании преступлений. Подтверждением высказанной позиции могут послужить следующие примеры из судебной практики.

Так, по делу о террористическом акте, совершенном в аэропорту «Домодедово», была назначена генотипоскопическая экспертиза посмертного установления личности погибшего террориста. Экспертное исследование позволило определить этническую принадлежность погибшего, что в комплексе с результатами дактилоскопической экспертизы в течение двух дней позволило установить его личность [3].

Согласно материалам дела № 2-12/11, 31 марта 2010 года около 9 часов утра возле гимназии №1 города Кизляра взорвалась автомашина «Нива» со смертником. После того, как на место происшествия прибыли сотрудники полиции и скорая помощь, в зону оцепления прорвался террорист-смертник, который привел в действие взрывное устройство, в результате чего погибло 63 человека. В ходе следствия по делу была назначена генотипоскопическая экспертиза, в результате которой по фрагментам тел и биологических следов были установлены личности погибших[4].

Представляется важным отметить, что методы экспертного исследования ДНК используются уже на протяжении более двух десятилетий, что открывает перед следователями широкие возможности в области исследования таких видов криминалистических объектов как объекты, загрязненные микрофлорой либо смешанные следы. Наиболее часто объектами экспертных исследований становятся прак-

тически все ткани и биологические жидкости организма человека, в которых содержится ДНК, а также микроколичества биологического материала, что свидетельствует о возможности исследования ДНК, выделенной только из одной клетки. Применение инновационных методик, также дает возможность исследовать объекты, в которых ДНК сильно разрушена, в частности, обгоревшие костные фрагменты, единичные волосы либо следы потожировых выделений.

Подтверждением эффективности использования метода ДНК-анализа может служить следующий случай из следственной практики. Так, в ходе следствия по уголовному делу об исчезновении пятерых детей в Красноярском крае были обнаружены обгоревшие костные останки, впоследствии направленные в ЭКЦ при МВД России для установления личности погибших. Проведенный ДНК-анализ костных останков позволил установить личности четырех из пятерых детей [5].

С точки зрения химии ДНК рассматривается как длинная полимерная молекула, обладающая высокой устойчивостью к воздействию окружающей среды и остающаяся неизменной на протяжении всей жизни человека. Обозначенные свойства ДНК открывают перед криминалистами широкие возможности исследования следов биологического происхождения даже по истечении длительного времени и при отсутствии других следов.

Так, в ходе расследования по уголовному делу об убийстве, совершенном более двадцати лет назад были изъяты следы крови, а также куртка обвиняемого со следами крови. Поскольку в тот период отсутствовала техническая возможность проведения генотипоскопической экспертизы, следствие по уголовному делу было приостановлено. Проведенная в 2017 году на основе современных методик генотипоскопическая экспертиза позволила установить принадлежность следов крови, обнаруженных в 1996 году на куртке обвиняемого потерпевшей [6].

В научной литературе отмечается, что генотипоскопическая экспертиза обладает большим доказательственным значением, поскольку ее результаты при раскрытии и расследовании преступлений все больше приобретают приоритетную роль и являются наиболее надежными. В свою очередь ведущие эксперты в области генотипоскопических исследований, подчеркивают, что ДНК-анализ открывает широкие возможности для решения криминалистических задач по установлению таких внешних данных подозреваемого лица, как цвет волос и глаз, величина ушной мочки, и даже его полный портрет.

В качестве примера может служить расследование уголовного дела об убийстве, в ходе которого была назначена генотипоскопическая экспертиза образцов крови подозреваемого, выявившая совпадение по всем исследованным системам генотипа ДНК подозреваемого с аллельными комбинациями ДНК спермы. Условная расчетная вероятность происхождения спермы, обнаруженной в содержимом влагалища и прямой кишки убитой женщины именно от подозреваемого лица, составила не менее 99, 9999999% [7].

Принимая во внимание бесспорную практическую значимость и неоспоримые достижения генотипоскопических экспертиз, осуществляемых

ДНК-лабораториями региональных ЭКЦ МВД России, нельзя не сказать о существовании ряда проблем, в значительной степени осложняющих их работу.

В частности, принятый в 2008 году Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» начал активно применяться только с 2011 года. С этого момента стала формироваться федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ).

Ограниченное финансирование органов Федеральной службы исполнения наказаний не дающее возможность осуществлять закупку необходимого количества карт для сбора крови, явилось основной проблемой медленного заполнения ФБДГИ ДНК-профилями преступников.

Не менее актуальной является проблема направления для постановки в ФБДГИ информационных карт с генетической информацией двух и более лиц («смешанных» следов). Постановка на учет в ФБГДИ большого количества подобных информационных карт в значительной степени уменьшает эффективность обработки и получения достоверных данных.

Особую сложность в осуществлении регистрации генетических данных создают и правовые проблемы, обусловленные тем, что возможность хранения и использования генетической информации рассматривается сквозь призму охраны прав личности. Так, на основании Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» регистрация геномной информации осуществляется в двух формах — добровольной и обязательной [8].

Обязательная геномная регистрации предусмотрена только в отношении лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. С учетом приведенных обстоятельств в России не реализуется программа тотального ДНК-типирования граждан. В свою очередь в США и ряде европейских стран сформировалась весьма интересная практика использования баз генетических данных, доказавшая свою эффективность в реализации поисковых и следственных целей.

К примеру, созданная в Великобритании база данных ДНК содержит более пяти миллионов ДНК-профилей, полученных после задержания подозреваемых по всем уголовным делам, что позволяет раскрывать до одной тысячи преступлений за неделю.

Для решения обозначенных проблем представляется необходимым проводить дальнейшие научные исследования в рассматриваемой области, а также законодательно урегулировать правовой механизм использования ДНК-технологий в борьбе с преступностью с учетом положительного опыта зарубежных стран. Полагаем, что тотальное проведение геномной регистрации будет выступать в качестве сдерживающего фактора для людей, с устойчивой криминальной направленностью и как следствие, будет служить эффективным средством профилактики преступлений.

Литература

1. Что исследует генотипоскопическая экспертиза? [Электронный ресурс]. URL: <https://shkolazhizni.ru/law/articles/18718/> (дата обращения: 24.02.2019).
2. Старченко А.В. Современные возможности использования метода генотипоскопии в биологической экспертизе при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2015. С. 93–97.
3. Хроника расследования теракта в аэропорту Домодедово 24 января 2011г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20120710/696130713.html> (дата обращения: 24.02.2019).
4. Судебная практика Верховного суда Республики Дагестан [Электронный ресурс]. URL: https://vs--dag.sudrf.ru/sud_delo (дата обращения: 24.02.2019).
5. Судебная практика Красноярского краевого суда [Электронный ресурс]. URL: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.02.2019).

6. В Томской области мужчина предстанет перед судом по обвинению в убийстве, совершенном более двадцати лет назад [Электронный ресурс]. URL: <http://tomsk.sledcom.ru/news/item/1176567/> (дата обращения: 24.02.2019).

7. Судебная практика Центрального районного суда г. Новокузнецка [Электронный ресурс]. URL: <http://centralny.kmr.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.02.2019).

8. Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2008г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. от 17.12.2009) // «Российская газета». № 4808 от 09.12.2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
--------------------------	---

Секция

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

<i>Будкина И. С.</i> Криминологическо-виктимологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи.....	6
<i>Будникова К. О.</i> Охрана животных по уголовному законодательству Российской Федерации.....	10
<i>Дугарова Б. Ш.</i> Объективная сторона посредничества во взяточничестве.....	13
<i>Эрхитуева Т. И., Дылыкова Р. Е.</i> Повышение эффективности применения условного осуждения к несовершеннолетним.....	18
<i>Кононыхина Т. С.</i> Виктимологическая профилактика женской преступности.....	21
<i>Ламуев Б. Б.</i> К вопросу о создании и принятии нового Уголовного Кодекса РФ.....	25
<i>Мадаев Е. О.</i> Доктрина как источник уголовного права.....	29
<i>Мамедова А. А.</i> Опыт в сфере борьбы со взяточничеством некоторых зарубежных стран.....	34
<i>Метелкин А. Ю.</i> Влияние географических особенностей на распределение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России.....	38
<i>Номогоева И. А., Номогоева М. А.</i> Провокация преступления в уголовном праве России.....	42
<i>Эрхитуева Т. И., Федюшина Л. С.</i> Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания.....	47
<i>Халапханова Е. Ю.</i> Понятие и признаки правового просвещения как меры профилактики преступности.....	51
<i>Храмченко Е. И.</i> Экстремизм и терроризм на Ближнем Востоке и их развитие в сети Интернет.....	56
<i>Цыдыпова Т. М., Раднаева Э. Л.</i> Розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним: проблемы административной преюдиции.....	61
<i>Эпова А. В.</i> Ятрогенная преступность: понятие, детерминанты и меры противодействия.....	66

Секция
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

<i>Борхоева А. П.</i> Участие защитника на стадии предварительного расследования.....	71
<i>Кемер Д. А.</i> О некоторых аспектах борьбы с преступностью на современном этапе.....	76
<i>Мазуренко Д. В.</i> Противодействие уголовному преследованию по уголовным делам о налоговых преступлениях.....	80
<i>Уладаева С. С.</i> Домашний арест как мера пресечения.....	89
<i>Цыденова А. В.</i> Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве.....	92
<i>Шарапова А. В.</i> Техничко-криминалистические основы использования Глонасс как средства предупреждения незаконной рубки лесных насаждений	97
<i>Шулунов А. В.</i> Современные возможности использования результатов генотипоскопической экспертизы в расследовании преступлений.....	101

Научное издание

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы

*XIV Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 25-летию юридического факультета
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, 19 апреля 2019 г.)*

Дизайн обложки В. М. Нагуслаевой

Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 25.04.19. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,54. Тираж 100. Заказ 84.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а